

MODERN ORIENTAL STUDIES

СОВРЕМЕННЫЕ
ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

16+

VOL. 5, №1
TOM 5, №1

2023

Востоковедение

Publisher of the magazine: ANO "Association of Chinese Language Teachers of the Volga Federal District". Issues of the journal are placed in the RSCI databases (www.elibrary.ru) on the basis of a license agreement with the Scientific Electronic Library, RSL, TASS, Cyberleninka.

Based on the order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated July 20, 2022 No. 314-r, the journal is included in the List of the Higher Attestation Commission for 5 scientific specialties and relevant branches of science:

- 5.6.2. General history (historical sciences);
- 5.6.7. History of international relations and foreign policy (historical sciences);
- 5.7.2. History of philosophy (philosophical sciences);
- 5.9.6. Languages of peoples of foreign countries (Chinese and Turkish) (philological sciences);
- 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences).

Frequency of the journal's publication: 4 issues per year.

The mission of the journal is to integrate and consolidate the scientific potential of orientologists from Russia and abroad.

The main goal of the journal is to highlight the main scientific achievements in the field of oriental philology, history, culture and philosophy of the East.

The objectives of the journal:

Coordination and popularization of oriental studies.

Ensuring a wide exchange of ideas, experience, and results of oriental studies.

Carrying out joint scientific research with leading scientists of foreign centers of oriental studies.

Organization of joint scientific events (forums, conferences, seminars) with leading domestic and foreign associations and research centers of oriental studies.

Studying the experience of leading foreign centers of oriental studies.

The journal accepts articles in 8 languages: Russian, English, Chinese, Turkish, Arabic, Japanese, Korean, Vietnamese.

Издатель журнала: АНО «Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа». Выпуски журнала размещаются в базах РИНЦ (www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka.

На основании распоряжения Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 20 июля 2022 г. №314-р журнал включен в Перечень ВАК по 5 научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки);
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки);
- 5.7.2. История философии (философские науки);
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (китайский и турецкий языки) (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год.

Миссия журнала — интеграция и консолидация научного потенциала востоковедов России и зарубежья.

Цель журнала — освещения основных научных достижений в области восточной филологии, истории, культуры и философии Востока.

Задачи журнала:

Координация и популяризация востоковедческих исследований;

Обеспечение широкого обмена идеями, опытом, результатами востоковедческих исследований;

Проведение совместных научных исследований с ведущими учеными зарубежных центров востоковедения;

Организация совместных научных мероприятий (форумов, конференций, семинаров) с ведущими отечественными и зарубежными ассоциациями и научно-исследовательскими центрами востоковедения;

Изучение опыта ведущих зарубежных центров востоковедения.

В журнал принимаются статьи на 8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском.

Founder: ANO Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District (ACTV)

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media

Registration certificate: ПИ No. ФС 77 - 76298 dated 26.07.2019

Year of foundation: 2019

Frequency: 4 issues per year

The journal is distributed by subscription. Subscription index — BH018379. Free price.

Distribution territory: Russian Federation, foreign countries

Publisher: ANO Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District (ACTV)

Publisher's address: Prospekt Pobedy 226a, Kazan, Rep. Tatarstan, Russia, 420088

The postal address of the editorial office: 420008, RT, Kazan, st. Martyna Mezhlauka, 3, office. 117, tel +7 (843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

The journal is placed and indexed in abstract and full-text databases: Russian Science Citation Index (RSCI), Higher Attestation Commission (HAC)

Release date: 24.03.2023. Offset paper. Digital printing. Format A4. The total circulation is 500 copies. Order No. 25/03/23. Printed from finished layout at the «Fen» Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan

Layout and prepress: Dionis Publishing

Printing house address: Bauman st., 20, Kazan, Russia, 420111

Tel.: +7 (843) 292-49-14

EDITORIAL AND PUBLISHING GROUP:

Editor-in-Chief: Dmitry Martynov, Doctor of History, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Scientific editor: Ramil Valeev, Doctor of History, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Chief Editor: Alfiya Alikberova, Candidate of History, Associate Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Managing Editor: Rustem Mukhametzyanov, Candidate of History, Associate Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Secretary: Sofiya Silakova-Makarova, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia;

Dmitry Balakin, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Chairman of the Editorial Board: Elmira Khabibullina, Candidate of Philology, Associate Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

EDITORIAL TEAM:

Irina Popova, Doctor of History, Professor, Corresponding Member, Director of the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Aleksandr Storozhuk, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Chinese Philology, Faculty of Oriental Studies, St. Petersburg

State University, St. Petersburg, Russia

Artyom Kobzev, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of the Far East, Leading Researcher at the Institute of Philosophy, Head of the China Department of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr Semyonov, Candidate of History, Associate Professor, Professor of the Department of Oriental Languages, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Mariya Repenkova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Turkic Philology, Institute of the History of Asian and African Countries, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yakov Grishin, Doctor of History, Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Valery Letyaev, Doctor of Law, Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Bulat Akhmetkarimov, Ph.D (philosophy), Associate Professor of the Institute International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Apollinaria Avrutina, Doctor of Philology, Associate Professor, Director of the Center for Research on Contemporary Turkey and Russian-Turkish relations, St. Petersburg State University

Aleksandr Lychagin, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Oriental Languages and Cultural Linguistics of the Institute of international relations and world history, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

Alfiya Yusupova, Doctor of Philology, Professor Institute of Philology and Intercultural Communication, Director of the Institute Kayuma Nasryi, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Emiliya Taisina, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia

Ko Young Cheol, Ph.D (Pedagogics), Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Norihiro Naganawa, Ph.D (Regional Studies), Professor at the Center for Slavic and Eurasian Studies, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Chun Hyunju, Ph.D (Translation Studies), Associate Professor, Shinhan University, Seoul, Republic of Korea

Kim Jin Young, Ph.D (Sociology), Professor, Jeju University, Jeju, Republic of Korea

Tashansu Turker, Doctor of History, Professor, Ankara University, Ankara, Turkey

Ekrem Kalan, Doctor of History, Professor, Rector of the University of Alanya Alaaddin Keykubat, Alanya, Turkey

Phan Cuog Anh, Ph.D (Cultural Studies), Professor, Ho Chi Minh University of Culture, Ho Chi Minh City, Vietnam

Yang Ke, Ph.D (Russian), Professor, Director of the Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Languages and International Trade, Guangzhou, China

Kang Cheng, Ph.D (Comparative Literature), Professor, South China Normal University, Guangzhou, PRC

Учредитель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77 – 76298 от 26.07.2019

Год основания журнала: 2019 г.

Периодичность: 4 выпуска в год

Журнал распространяется по подписке. Подписной индекс — ВН018379. Цена свободная.

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Издатель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Адрес издателя: Проспект Победы 226а, г. Казань, Респ. Татарстан, Россия, 420088

Почтовый адрес редакции: 420008, РТ, г. Казань, ул. Мартына Межлаука, д. 3, каб. 117, тел +7(843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

Журнал размещается и индексируется в реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), перечень Высшей аттестационной комиссии (ВАК)

Дата выхода выпуска в свет: 24.03.2023. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат А4. Общий тираж 500 экз. Заказ № 25/03/23. Отпечатано с готового оригинал-макета в Издательстве «Фэн» Академии наук РТ

Верстка и допечатная обработка: Dionis Publishing

Адрес типографии: ул. Баумана, 20, г. Казань, Россия, 420111

Тел.: +7(843)292-49-14

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА:

Главный редактор: Мартынов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Научный редактор: Валеев Рамиль Миргасимович, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Шеф-редактор: Аликберова Альфия Рафисовна, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Выпускающий редактор: Мухаметзянов Рустем Равилович, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Ответственные секретари: Силакова-Макарова София Андреевна, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия;

Балакин Дмитрий Александрович, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет г. Казань, Россия

Председатель редакционной коллегии: Хабибуллина Эльмира Камилевна, кандидат филологических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Попова Ирина Федоровна, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент, директор Института восточных рукописей, Российская академия наук, г. Санкт-Петербург, Россия

Сторожук Александр Георгиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой китайской филологии Восточно-

го факультета, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Кобзев Артём Игоревич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока, ведущий научный сотрудник Института философии, руководитель Отдела Китая Института востоковедения, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Семенов Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры восточных языков, Дипломатическая Академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Россия

Репенкова Мария Михайловна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой тюркской филологии Института истории стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Гришин Яков Яковлевич, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Летяев Валерий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Ахметкаримов Булат Гумарбаевич, Ph.D (философия), доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Аврутин Аполлинария Сергеевна, доктор филологических наук, доцент, директор Центра исследований современной Турции и российско-турецких отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Лычагин Александр Иванович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой восточных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Юсупова Альфия Шавкетовна, доктор филологических наук, профессор Института филологии и межкультурной коммуникации, директор Института Каюма Насыри, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Тайсина Эмилия Анваровна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Казанского государственного энергетического университета, г. Казань, Россия

Ко Ен Чоль, Ph.D (педагогика), профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Норихиро Наганава, Ph.D (регионоведение), профессор Центра славянских и евразийских исследований, университет Хоккайдо, г. Саппоро, Япония

Чон Хенджу, Ph.D (переводоведение), доцент, университет Шинхан, г. Сеул, Республика Корея

Ким Джин Енг, Ph.D (социология), профессор, университет Чеджу, г. Чеджу, Республика Корея

Ташансу Тюркер, доктор исторических наук, профессор, университет Анкары, г. Анкара, Турция

Экрем Калан, доктор исторических наук, профессор, ректор университета Аланы Алааддина Кейкубата, г. Аланья, Турция

Фан Куог Ань, Ph.D (культурология), профессор, Хошиминский университет культуры, г. Хошимин, Вьетнам

Ян Кэ, Ph.D (русский язык), профессор, директор Института европейских языков и культур, Гуаньдунский университет иностранных языков и международной торговли, г. Гуаньчжоу, КНР

Кан Чэн, Ph.D (сравнительное литературоведение), профессор, Южно-Китайский педагогический университет, г. Гуаньчжоу, КНР

SECTIONS

PHILOLOGICAL SCIENCES

- Emelchenkova E.N.*
Preliminary notes on a study of two subjects in a Chinese sentence 6
- Ishutina Y.A., Rudakova X.D.*
Structural and grammatical specificity of the texts of instructive stories (on the example of the collection for young children "365 new bedtime stories") 24
- Mirzieva L.R.*
Features of representation of a request in Chinese interpersonal discourse (by the material of online survey) 33
- Xiao Rou, Li Xia*
Semantic analysis of verbs in Russian media reports based on corpus theory – Case study of three types of incident reports in China 53

HISTORICAL SCIENCES

- Alasgarova N.E.*
The role of Kodja Mustapha Pasha's monastery in development and dissemination of Khalvatiyyasufi brotherhood in Ottoman Empire 73
- Alasgarova N.E.*
History and modernity of Muslim mysticism-tasavvuf in Azerbaijan 79
- Lemeshko Yu.G.*
Childbearers of the Lord of the Beijing Eastern Peak Temple's Guangxidian chamber 99
- Semenov A.V., Semenov I.A.*
The History of Military Awards of the Red Army of China 109
- Zhilkiybaev S.N.*
Marxist discourse of the modern Chinese political leadership 122

INTERNATIONAL RELATIONS

- Syachin V.G., Epshteyn V.A.*
Corporate social responsibility of Chinese marine port operators: the current state and prospects of implementation in foreign ports with Chinese equity 133

ECONOMIC/POLITICAL SCIENCES

- Veselova L. S., Dubinets A. S.*
Borrowing the experience of the development of domestic tourism in the PRC: a comparative analysis of Gubei and Mandroga 143
- Nikolaevskiy D.D.*
On the formation of a mechanism to counter shadow economic relations in China 158

РАЗДЕЛЫ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Емельченкова Е.Н.*
Китайская концепция двух подлежащих в предложении: к постановке проблемы 6
- Ищутина Ю.А., Рудакова К.Д.*
Структурно-грамматическая специфика текстов поучительных историй (на примере сборника для детей младшего возраста «365 новых сказок на ночь») 24
- Мирзиева Л.Р.*
Особенности репрезентации просьбы в китайском межличностном дискурсе (на материале онлайн опроса) 33
- Сяо Жоу, Ли Ся*
Семантический анализ глаголов в репортажах российских СМИ на основе корпусной теории – на примере трех типов отчетов об инцидентах в Китае 53

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Алескерова Н.Э.*
Роль обители Коджи Мустафы-паши в распространении и развитии суфийского братства Халватийа в Османской империи 73
- Алескерова Н.Э.*
История и современность мусульманского мистицизма-тасаввуфа в Азербайджане 79
- Лемешко Ю.Г.*
Значение образования общества советско-китайской дружбы в 1957 году для межгосударственных отношений 99
- Семенов А.В., Семенов И.А.*
История военных наград Красной Армии Китая 109
- Жилкибаев С.Н.*
Марксистский дискурс современного китайского политического руководства 122

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Сячин В.Г., Эпштейн В.А.*
Корпоративная социальная ответственность китайских компаний-операторов морских портов: состояние и перспективы реализации в зарубежных портах с китайским участием 133

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ/ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Веселова Л.С., Дубинец А.С.*
Заимствование опыта развития внутреннего туризма в КНР: сравнительный анализ Губэй и Мандроги 143
- Николаевский Д.Д.*
О формировании механизма противодействия теневым экономическим отношениям в Китае 158

Preliminary notes on a study of two subjects in a Chinese sentence

Китайская концепция двух подлежащих в предложении:

к постановке проблемы

Емельченкова Елена Николаевна¹

¹Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург, Россия
emelchenkovae@gmail.com

Emelchenkova Elena¹

¹St. Petersburg State University, St. Petersburg,
Russia
emelchenkovae@gmail.com

УДК 811.581.11 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-1-2023-6-23](https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2023-6-23)

АННОТАЦИЯ

Статья содержит лингвистический обзор становления в КНР концепции двух подлежащих в предложении, получившей широкое распространение в национальных исследованиях китайского языка на современном этапе, однако фактически неизвестной в русскоязычной синологической литературе. Анализируемая грамматическая концепция призвана объяснить отношения, складывающиеся между двумя именными группами, стоящими в начале предложения перед глаголом в сказуемом. На материале важнейших работ китайских исследователей показано, как в ходе научных дискуссий произошел сдвиг в представлениях о синтаксической структуре предложения. Выделение в отдельный тип словосочетания, состоящего из имени и глагола с предикативными отношениями между компонентами, и возможность употребления таких словосочетаний в роли сказуемого предложения подвела

ABSTRACT

This paper contains an overview of the specific concept of two subjects in a sentence, over the last decades this concept of the Chinese syntax has become widely spread. This idea has been proposed in order to explain the relationship between two noun groups at the very beginning of a sentence in the preposition to the verb and comes from one of the special constructions in the Chinese language — S-P predicate. "Subject-predicate predicate sentence" is barely known to a wide audience outside of China. As a sentence pattern of modern Chinese this type of sentence has already been generally accepted by Chinese linguists. Using the most important work of Chinese researchers at the base this paper shows how the linguistic discussion has shifted from using a criterion of semantic relations between a noun and a verb to the idea of priority of the positional criterion when analyzing the structure of syntax units. The logical and semantic ap-

грамматистов к идее о приоритетности позиционного критерия при анализе структуры синтаксических единиц, однако отказ от сложившегося на базе логического и семантического подходов содержания термина подлежащее, в первой половине XX в. заимствованного в китайскую лингвистику из западной науки, затрудняет понимание специфики организации синтаксических единиц в данной системе для неспециалистов и добавляет сложностей при решении задач описания языка лингвистам. На восполнение этой лакуны и знакомство отечественных синологов с данной концепцией и направлена настоящая статья.

Ключевые слова: концепция двух подлежащих, субъектно-предикативная синтагма как сказуемое, предложение с субъектно-предикативной синтагмой в сказуемом, синтаксическая классификация, синтаксис китайского предложения, грамматика китайского языка.

Для цитирования: Емельченкова Е.Н. Китайская концепция двух подлежащих в предложении: к постановке проблемы. *Современные востоковедческие исследования*. 2023; Том 5 (1). <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2023-6-23>

Вводные замечания

Отечественное учение о синтаксисе традиционно рассматривало словосочетание и предложение как две основных синтаксических единицы в грамматике русского языка и изучало их как объекты допредикативного и предикативного уровня соответственно. Трактовка статуса этих единиц, анализ их соотношения и описание оснований выделения каждой из них отражают этапы становления

proach to sentence initially borrowed into Chinese linguistics from the grammar of western languages in the mid-XX century was replaced by a specific concept of organization of syntactic units in a sentence as “Two subjects sentence” and this may complicate the acquisition of Chinese as L2.

Keywords: two subjects sentence, S-P predicate sentence, subject-predicate predicate sentence, subject-predicate structure as the predicate in Chinese, subject-predicate group, syntactical classification, Chinese grammar, sentence pattern in Chinese.

For citation: Emelchenkova E.N. Preliminary notes on a study of two subjects in a Chinese sentence. *Modern Oriental Studies*. 2023; Volume 5 (1). (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2023-6-23>

русской и советской грамматической мысли. При этом предикативность как основное свойство постулировалось только для предложения, но не для словосочетания. В предикативности видели синтаксическую категорию, выражающую актуализированную отнесенность сообщаемого к внеязыковой действительности, для школьных грамматик она понималась как форма выражения предикативных отношений в двусоставном предложении,

как связь между подлежащим и сказуемым. Именно особый характер отношений, складывающийся между входящими в синтаксическую единицу конструктивными элементами, выступал дифференцирующим признаком предложения от словосочетания. Таким образом, свойство предикативности, понимаемой как сказуемый или типичный для сказуемого признак, постулировалось на уровне предложения.

В отличие от отечественной грамматической традиции, в китайской синтаксической концепции принято выделять как отдельный вид словосочетаний соединение двух связанных семантически и грамматически единиц именной и предикативной природы, служащее для обозначения отдельного понятия — так называемую *субъектно-предикативную синтагму* (主谓短语 *zhǔ wèi duǎnyǔ*), которая, как отмечалось еще в (Дин 1961/ 1999), обнаруживает способность выступать в предложении не только подлежащим, дополнением, определением, но и в функции сказуемого. В этой связи китайская грамматическая теория имеет ряд особенностей, одна из которых состоит в приложимости понятия «предикативные отношения» к единицам меньшим, чем предложение. В этой системе неактуально говорить о координации как взаимонаправленной связи сказуемого с подлежащим, обусловленной лексико-грамматическими свойствами соответствующих лексических единиц, как это принято в описаниях синтаксиса русского предложения, здесь опора идет преимущественно на относительную позицию элементов и логико-семантические отношения между ними.

В западной лингвистике начиная с (Greenberg 1963) по такому типологическому параметру, как базовый порядок слов в предложении, современный китайский язык описывается к языку типа SVO, когда именной группе перед глаголом в роли сказуемого приписывается синтаксический статус подлежащего, а постпозитивной относительно сказуемого группе — статус прямого дополнения. Для дополнения допускается препозиция относительно сказуемого, часто с оговоркой об обязательности контекста противопоставления или выделения соответствующего элемента в предложении, определенной референции соответствующих именных групп, см. (Paul 1988; Ernst and Wang 1995; Huang, Li and Li 2009) и многие другие. Высказывалась также идея движения китайского языка в сторону SOV порядка слов, обсуждение см. (Tai 1973; Li, Thompson 1974a; Sun, Givon 1985). Но вне зависимости от позиции лингвиста структура предложения преимущественно представлялась через понятия *subject* и *object*.

1. Базовые черты концепции двух подлежащих в предложении в китайском языкознании

В лингвистической литературе Китая на современном этапе развития грамматической мысли (хронологически с 80-х гг. XX в.) китайскими учеными для целей описания линейной структуры предложения был взят на вооружение позиционный критерий, и именно он стал активно использоваться в качестве ключевого при анализе синтаксических построений в системе, в результате чего на базе предложений, в которых сказуемое выражено субъектно-

предикативной синтагмой, сформировалась и получила статус доминирующей в национальной грамматической теории концепция двух подлежащих в предложении. Этот тип синтаксических структур в китайском языке стали называть 主谓谓语句 *zhǔ wèi wèiyǔ jù* 'предложение со сказуемым, выраженным субъектно-предикативной синтагмой', а его схему представлять как NP₁ + (NP₂ + VP) или как S-S'P.

В предложениях этого типа начальную позицию занимают два существительных или две группы именной природы. Первому приписывается статус большого или главного подлежащего (大主语 *dà zhǔyǔ*), являющегося подлежащим всего предложения и называющего предмет, о действии или состоянии которого сообщается в предложении, в формуле выше оно обозначено как NP₁. Малое же подлежащее (小主语 *xiǎo zhǔyǔ*), выраженное чаще всего (но необязательно) именной группой, является структурным элементом предикативной группы (на схеме это (NP₂ + VP)), вместе с которым оно образует группу сказуемого, описывающего ситуацию (действие или состояние) предмета, названного главным подлежащим. Предикативная группа VP соответственно рассматривается как малое сказуемое предложения (小谓语 *xiǎo wèiyǔ*).

В предложениях этого типа между главным и малым подлежащим могут иметься семантические отношения разных типов. Китайские исследователи в зависимости от узкого или широкого понимания понятия 主谓谓语句 *zhǔ wèi wèiyǔ jù* 'предложение со сказуемым, выраженным субъектно-предикативной синтагмой' выделяли от трех до восьми семантических подти-

пов, среди которых во всех классификациях фигурировали посессивные отношения, представляющие, по-видимому, базовый тип реляций. Но даже в довольно очевидных по наполнению посессивных отношениях или отношениях принадлежности из-за неоднозначности или отсутствия четких критериев выделения в составе субъектно-предикативной синтагмы именной группы NP₂ в качестве малого подлежащего возникают различные трактовки соответствующих синтаксических структур, обсуждению которых и посвящена настоящая статья.

В описаниях семантических отношений между двумя подлежащими в предложениях со сказуемым, выраженным субъектно-предикативной синтагмой, чаще всего фигурируют посессивность и/или принадлежность, когда именная группа NP₁ называет лицо, а NP₂ — какую-то часть тела этого лица или нечто, ему принадлежащее. Для малого сказуемого VP типично обозначение физического или психоэмоционального состояния лица:

(1) 老头牙齿很好。

Lǎotóu yáchǐ hěn hǎo

Старик зубы очень хороший
'У старика зубы хорошие'.

(2) 母亲心里不平静。

Mǔqīn xīn-li bù píngjìng

Мать сердце-LOC NEG спокойный
'На душе у матери было неспокойно'.

Именно такие предложения были подмечены Ван Ли (王力 *Wáng Lì*) и описаны им в (Ван 1943/ 1985; Ван 1952) как специфический синтаксический тип.

Не столь редки и случаи употребления в функции главного подлежащего именных групп, называющих неодушевленные предметы:

(3) 这家工厂规模不小。

Zhè jiā gōngchǎng guīmó bù xiǎo
DEM CLF фабрика масштаб NEG малень-
кий
'Эта фабрика немаленькая'.

(4) 北京气候好。

Běijīng qìhòu hǎo
Пекин климат хороший
'В Пекине хороший климат'.

Концепция двух подлежащих получила широкое распространение в китайской науке не сразу, а лишь на нынешнем этапе развития лингвистической мысли Китая, характерной особенностью которого стал поиск специфических черт родного языка и разработка учеными-языковедами собственных оригинальных теорий, а не заимствование подходов западных лингвистов. Расширение перечня синтаксических единиц, трактуемых как предложения со сказуемым, выраженным субъектно-предикативной синтагмой, шло поступательно, и анализ лингвистических работ дает представление о том, как формировалась ныне практически общепринятая в китайской науке концепция двух подлежащих в предложении.

2. Появление и развитие понятия 主谓谓语句 *zhǔ wèi wèiyǔ jù* 'предложение со сказуемым, выраженным субъектно-предикативной синтагмой'

Впервые о единицах этого типа в китайской науке заговорил Ван Ли, который понятие

主谓谓语句 *zhǔ wèi wèiyǔ jù* 'синтагмой' понимал довольно узко и относил его исключительно к предложениям предложение со сказуемым, выраженным субъектно-предикативной с качественным сказуемым, в котором лексически единицами адъективной природы обозначен признак предмета. Кроме того, в качестве ключевого признака для построений этого типа называлось отношение принадлежности между сущностями, называемыми главным и малым подлежащими. Китайский лингвист выделял два подтипа этих предложений — описательный (5) и повествовательный (6):

(5) 我肚子饿了。

Wǒ dùzi è le
1Sg живот голодный COS
'Я проголодался'.

(6) 凤姐儿嘴乖。

Fèng jiě zuǐ guāi
PROP сестра рот остроумный
'Сестрица Фэн остра на язык'. (Ван 1943, 45-49).

Дин Шэншу в (Дин 1961/ 1999), используя позиционный критерий для грамматического анализа предложений и установления связей, складывающихся между его элементами, выделил три типа анализируемых синтаксических единиц. Первый из них характеризуется тем, что имеются очевидные связи между предметами, называемыми NP₁ и NP₂:

(7) 吴天宝人小，器量可大。

Wú Tiānbǎorén xiǎo, qìliàng kě dà
PROP человек маленький терпимость

CONJ большой

‘У Тяньбао сам маленький, а натура (у него) широкая’.

Во втором типе NP₁ называет пациентивного участника ситуации, обозначенной субъ-ектно-предикативной синтагмой:

(8) 窗户谁叫打开的?

Chuānghù shéi jiào dǎkāi de?

Окно кто велеть открыть PTCL

‘Окно кто открыл?’

Для третьего типа характерно наличие слов, выполняющих эмфатическую функцию выделения отдельных конструктивных элементов предложения, например, 都 *dōu* ‘весь’ и 也 *yě* ‘тоже’ перед глаголом в сказуемом, при этом NP₂ называет пациентивного участника ситуации:

(9) 我相信你, 你什么都懂, 什么都知道。

Wǒ xiāngxìn nǐ, nǐ shénme

dōu dǒng,

1Sg верить 2Sg 2Sg что-то

весь понимать

shénme dōu zhīdào

что-то весь знать

‘Я тебе верю, ты всё понимаешь, всё зна-ешь’.

«Выделители» 也 *yě* ‘тоже’ и 都 *dōu* ‘весь’ могут и отсутствовать:

(10) 你这人一点理不讲。

nǐ zhè rén yīdiǎn lǐ

bù jiǎng

2Sg DEM человек чуть довод

NEG считаться

‘Ты такой человек, который особо ни с

кем не считается’ (Дин 1961/1999, 25-26).

Чжу Дэси в своей классификации анализи-руемых синтаксических единиц, представлен-ной в (Чжу 1982/ 1984), исходил из необходимо-сти сочетания семантического и позиционного критериев, и выделял семь типов предложений:

Между двумя именными группами в функции подлежащих имеются отношения принадлежности или часть — целое:

(11) 我们班一半是南方人。

Wǒmen bān yībàn shì

nánfāngrén

1Pl группа половина COP южанин

‘В нашей группе половина (людей) — южане’.

Одна из именных групп — в роли главного или малого подлежащего — называет время или место ситуации:

(12a) 下午我们开会。

Xiàwǔ wǒmen kāi huì

После_обеда 1Pl проводить собрание

‘После обеда у нас собрание’.

(12b) 我们下午开会。

wǒmen xiàwǔ kāi huì

1Pl после_обеда проводить со-брание

‘У нас после обеда собрание’.

Одна из именных групп – в роли либо главного, либо малого подлежащего – называет Пациенса действия, называемого последующим глаголом в сказуемом:

(13) 再大的困难我们也不怕。

Zài dà de kùnnàn wǒmen
yě bù pà

Еще большой ATR трудность 1Pl
тоже NEG бояться

‘И посерьезней трудностей мы не боимся’.

Именная группа в роли главного подлежащего называет участника с какой-то иной (непациентивной) ролью — Инструмент, Комитатив и др.:

(14) 这副眼镜我看书用。

Zhè fu yǎnjìng wǒ kànshū
yòng

DEM CLF очки 1Sg читать
использовать

‘Эти очки я использую для чтения’.

В ряде случаев связь между предметами, называемыми именными группами NP₁ и NP₂, является довольно косвенной:

(15) 这件事你可以写一本小说。

Zhè jiàn shì nǐ kěyǐ xiě
yī běn xiǎoshuō

DEM CLF дело 2Sg мочь писать
один CLF роман

‘Об этом ты мог бы написать роман’.

Одно из подлежащих выражено группой предикативной природы:

(16) 他们做调查工作很有经验。

Tāmen zuò diàochá gōngzuò
hěn yǒu jīngyàn

3Pl делать исследовать работа
очень иметь опыт

‘У них большой опыт в исследовательской

работе’.

Особый тип, в котором начальную позицию (позицию главного подлежащего) в предложении занимает кванторное слово или иная единица универсального характера:

(17) 什么活我们都干。

Shénme huó wǒmen dōu
gàn

Любой работа 1Pl весь
делать

‘За любую работу мы беремся’. (Чжу
1982/ 1984, 106-108)

Люй Шусян при анализе этих синтаксических единиц, исходя из их трансформационных возможностей и семантических особенностей, описал пять типов предложений:

Главное подлежащее может входить в большое/ главное сказуемое, состоящее из малого подлежащего (NP₂) и малого сказуемого (VP), как элемент его внутренней структуры:

(18) 公司的事丈夫打理。

Gōngsī de shì zhàngfū dǎlǐ
фирма ATR дела муж наве-

сти_порядок

‘Дела компании муж уладил’.

В большое сказуемое входят элементы вторичной номинации или схожие с ними компоненты, кореферентные главному подлежащему:

(19) 雷锋同志，他最爱帮助人。

Léi Fēng tóngzhì, tā zuì ài
bāngzhù rén

PROP товарищ 3Sg. М самый
любить помогать человек

‘Товарищ Лэй Фэн, он больше всего любил помогать людям.

Между малым и большим подлежащим имеются отношения принадлежности в широком смысле:

(20) 我的手机两块电池都没电了。

Wǒ de shǒujī liǎng kuài diànrí
1Sg ATR мобильный два CLF батаре́йка

dōu méidiàn le
все разрядиться COS

‘В моем телефоне обе батарейки разрядились’.

После именной группы в позиции главного подлежащего стоят два глагола (или прилагательных) или глагольных группы:

(21) 老张说话太快。

Lǎo Zhāng shuōhuà tài kuài
PROP говорить слишком быстрый

‘Лео Чжан говорит слишком быстро’.

Между главными подлежащим и сказуемым очевидной семантической связи не обнаруживается, но можно допустить наличие предлога перед NP₁, хотя формально и не представленного:

(22) (对)股票, 我是韭菜。

(Duì) gǔpiào, wǒ shì jiǔcài
(PREP) акция 1Sg COP
профан

‘(В) акциях я — полный профан’. (Люй 1986, 34-35, цит. по (Юань, Чжао 2020))
Хуан Божун и Ляо Сюйдун исходили из

того, какую семантическую роль имеют именные группы в позиции главного и малого подлежащих — Агенса или Пациенса — и/или какие семантические отношения складываются между ними. Их классификация насчитывала семь подтипов предложений:

1. Если NP₁ называет Пациенс, а NP₂ —

Агенс, семантические отношения в предложении выстраиваются как Пациенс// Агенс – действие:

(23) 这件事大家都赞成。

Zhè jiàn shì dàjiā dōu zàncéng
DEM CLF дело все весь одобрить
‘Это все одобрили’.

2. NP₁ обозначает Агенс, а NP₂ — Пациенс, семантические отношения в предложении строятся как Агенс// Пациенс — действие:

(24) 他什么危险都经历过。

Tā shénme wéixiǎn dōu jīnglìguo
3Sg.M какой опасность весь испытать-EXP

‘Он каких только опасностей не испытал на себе’.

3. Между двумя именными группами имеются отношения посессивности // принадлежности:

(25) 小张眼睛哭得通红。

XiǎoZhāng yǎnjīng kū dé
tōnghóng
PROP глаза плакать PTCL
покраснеть

‘У Сяо Чжана глаза заплаканы до красноты’.

4. В составе сказуемого предложения имеются отсылающие к главному подлежащему анафорические элементы (средства повторной номинации):

(26) 咱们俩谁也别埋怨谁。

Zánmen liǎ shéi yě bié
mányuàn shéi
1Pl.Incl двое кто EMPH PRON
обвинять кто

‘Давай из нас двоих никто никого винить не будет’.

5. Перед именной группой в роли главного подлежащего предполагается предлог, например: 对 *duì* ‘по отношению к’, 对于 *dùiyú* ‘в отношении’, 关于 *guānyú* ‘что касается’ и др.:

(27) 这种故障张师傅的经验太丰富了。

Zhè zhǒnggùzhàng Zhāng shīfù de
jīngyàn
DEM CLF поломка PROP мастер
ATR опыт

Tài fēngfù le
очень богатый COS

‘В подобных поломках у мастера Чжана очень богатый опыт’.

6. Малое подлежащее выражено глагольно-именной группой, при этом между двумя подлежащими семантические отношения складываются как Пациентс–действие:

(28) 小张办事认真。

Xiǎo_Zhāng bànshì rènzhēn
PROP делать_дела ответственный
ный

‘Сяо Чжан в делах очень ответственный’.

7. Малое сказуемое выражено существительным или именной группой (подтип чаще встречается в разговорном языке):

(29) 全组一人一票。

Quán zǔ yī rén yī
piào
Весь группа один человек один
билет

‘На всю группу – по одному билету на каждого’. (Хуан, Ляо 1997, 113-115)

Обобщая изложенное, можно сказать, что расширение классификации предложений, в которых сказуемое выражено субъектно-предикативной синтагмой, шло по пути масштабирования классификационных оснований — от одного, отдельно взятого критерия к сочетанию двух и более различных по своей природе признаков. В большинстве предлагаемых типологий использовались семантический и позиционный критерии, что, по мнению лингвистов, в наибольшей степени отражает специфику китайского языка. Ван Ли был первым из исследователей, обративших внимание на этот тип предложений. Он опирался исключительно на понятийный критерий, поэтому число выделяемых на начальной стадии типов было невелико, а сфера приложения типологии — предельно узкой. Впоследствии Дин Шэншу с соавторами отошел от монокритерия, расширив сферу приложения китайского термина «предложение со сказуемым, выраженным субъектно-предикативной синтагмой» и предложив более дробную классификацию, которая способствовала дальнейшему расширению перечня синтаксических построений, относимых

к анализируемому типу. К 80-м гг. XX в. среди китайских лингвистов возобладала идея опоры на параметр линейного расположения компонентов в предложении, в результате чего произошел окончательный отход от воспринятой когда-то из западной лингвистики концепции традиционных функций подлежащего, сказуемого и дополнения, базирующихся на логическом и семантическом подходах к синтаксису.

3. Дискуссия

В китайской лингвистике при обсуждении концепции двух подлежащих в предложении как на отправную точку чаще всего ссылаются на уже упомянутый выше пример Ван Ли (5) из (Ван 1943; Ван 1952), выделившего такие предложения в отдельный синтаксический тип:

(5) 我肚子饿了。

Wǒ dùzi è le
1Sg живот голодный COS
'Я проголодался'.

В действительности обсуждение синтаксического статуса двух именных групп в начальной позиции в предложении берет начало еще в (Ли 1924/ 2007), в которой Ли Цзиньси рассуждает о возможных трактовках примеров вида (30):

(30) 这王冕天性聪明，年纪不满二十岁，就把那天文、地理、经史上的大学问无一不贯通。

Zhè Wáng Miǎn tiānxìng cōngmíng,
niánjì bùmǎn
DEM PROP природа умный
возраст неполный
èrshísuì, jiù bǎ nà tiānwén,

dìlǐ, jīngshǐ-shang

двадцать лет уже ACC DEM астро-
номия география история-LOC

de dà xuéwèn wú yī bù
guàntōng

ATR большой знания NEG один
NEG овладеть

‘Этот Ван Мян был очень сообразителен по природе, еще и 20 ему не было, а (он) уже овладел обширными знаниями по астрономии, географии и истории’.

Первая грамматика современного китайского языка (Ли 1924/ 2007) опиралась на синтаксическую концепцию семи падежей (七位 *qīwèi*) (位 *wèi* ‘позиция’ – авторский вариант перевода англоязычного термина *case*). Исходя из этой системы, синтаксические отношения между словами 王冕 *Wáng Miǎn* и 天性 *tiānxìng* ‘природа’ трактуются как посессивные, и тогда существительное 天性 *tiānxìng* является подлежащим предложения, а имя собственное 王冕 *Wáng Miǎn* ‘Ван Мян’ — «посессивным падежом» к нему (в терминологии Ли Цзиньси 领位 *lǐng wèi*), однако, рассуждает ученый, последующий контекст сообщает нам еще какие-то факты о Ван Мяне, при этом существительное 王冕 *Wáng Miǎn* ‘Ван Мян’ называет главный персонаж высказывания в целом и выполняет роль подлежащего и для следующей предикации со сказуемым 贯通 *guàntōng* ‘овладел’. Поэтому имя собственное следует рассматривать как общее для всех частей предложения подлежащее, а следующее за ним предметное слово 天性 *tiānxìng* ‘природа’ является его частью и выступает в аппозитивном падеже (同位 *tóngwèi*) (Ли 1924/ 2007, 66). Аппозитивные отношения

в синтаксических теориях обычно описываются как отношения между приложением (постпозитивным определением) и определяемым словом, выражающие родовой признак предмета. Такая трактовка, однако, широкого распространения в китайской науке не получила, как и сама теория падежей (позиций) Ли Цзиньси. Вопросы вызывало и выделение приложения в языке, в котором атрибутивные отношения между словами выражаются препозицией определения к вершине (определяемому слову).

Несмотря на эти спорные моменты, очевиден факт, что актуальность именной группы, занимающей позицию в абсолютном начале предложения в китайском языке и являющейся исходной его частью, осознавалась уже на ранних этапах становления синтаксической теории в Китае, еще до появления в науке представлений об актуальном членении и коммуникативной структуре высказывания.

В дальнейшем ключевым для китайской лингвистики стал поиск ответа на вопрос, считать ли одну из двух именных групп в препозиции к сказуемому (линейно первую) определением к линейно второй, выступающей в функции подлежащего? В (5) это местоимение 我 *wǒ* 'я, мой' и существительное 肚子 *dùzi* 'живот' соответственно. Или можно рассматривать их как два члена, одновременно реализующих в предложении одну и ту же синтаксическую функцию подлежащего? Или допустимо какое-то иное видение синтаксического статуса этих единиц?

По мнению Ван Ли, трактовка этих единиц как групп с атрибутивными отношениями между собой (аналогично 我的肚子 *wǒ de dùzi*

'мой живот' с эксплицитно выраженным атрибутивным маркером 的 *de*) должна быть признана несостоятельной в силу затруднительности анализа подобных построений в цепочке предикаций вида (31):

(31) 我肚子饿了, 想吃一点东西。

Wǒ dùzi è le, xiǎng chī yīdiǎn dōngxī

1Sg живот голодный COS MOD
есть немного что-то

'Я проголодался, хотел бы перекусить'

При таком подходе, считает китайский лингвист, могут показаться допустимыми по факту неграмматичные предложения вида (32):

(32) *我的肚子想吃一点东西。

Wǒ de dùzi xiǎng chī yīdiǎn dōngxī

1Sg ATR животMOD есть немного
что-то

'Мой живот хотел бы перекусить'.

Поэтому, делает вывод Ван Ли, местоимение следует трактовать как слово, имеющее синтаксический статус главного подлежащего в предложении, сказуемое которого выражено сложной синтаксической единицей 肚子饿了 *dùzi è le* с собственными (внутренним) подлежащим 肚子 *dùzi* 'живот' и сказуемым 饿了 *è le* 'проголодался'.

Основной аргумент, обсуждавшийся в рамках дальнейшей дискуссии о синтаксическом статусе препозитивных к сказуемому именных групп, сводился к необходимости учета, во-первых, информационной структуры высказывания, а во-вторых, общего контекста реализации той или иной синтаксической единицы.

Анализ функциональной и информационной структур предложения вне контекста не позволяет получить адекватное представление об отношениях, складывающихся между его компонентами. Так, пример Ван Ли при его реализации в ином контексте дает обратную описанной китайским ученым картину. Ср. (31) и (33):

(33) 我肚子饿了, 饿得咕咕叫。

Wǒ dùzi è le è
dé gūgūjiào

1Sg живот голодный COS голод-
ный PTCL урчать

‘Я проголодался, аж в животе урчит’.

Интерпретация (33) должна учитывать последующий контекст. Ситуация, называемая предикатом 咕咕叫 *gūgūjiào* ‘урчит’, соотносится не с человеком как таковым, а с его отдельным органом, способным издавать подобные звуки. Соответственно, 我肚子 *wǒ dùzi* в начале предложения следует рассматривать как атрибутивную реализацию посессивности (‘мой живот’). С точки зрения коммуникативной организации высказывания в целом эта группа получает статус (микро)темы, на которую последовательно нанизывается несколько рематических блоков, образуя сложное синтаксическое целое, компоненты которого оказываются объединены и семантически, и синтаксически.

На неоднозначность сегментации предложений этого типа в свое время указывал еще Люй Шусян в (Люй 1987), обративший внимание на возможность различного членения синтаксических построений, в которых за именной группой следуют две группы предикативной

природы (описанный выше тип IV):

(34a) 老一辈子 || 写字用毛笔。

Lǎoyībèizi || xiězì yòng
máo bǐ

Старики || писать использовать
кисть

(34б) 老一辈子写字 || 用毛笔。

Lǎoyībèizi xiězì || yòng máobǐ

Старики писать || использовать
кисть

Сегментация типа (34a), когда 老一辈子 *lǎo yībèizi* ‘старика, люди старшего поколения’ выполняет функцию главного подлежащего, а глагольно-именная группа 写字 *xiězì* ‘писать’ выступает как малое подлежащее, типична для контекстов, аналогичных (35). Тогда как возможность членения (34б) обнаруживают высказывания типа (36), информационная структура которых предполагает описание целого ряда ситуаций, приложимых к одной и той же микротеме 老一辈子写字 *lǎoyībèizi xiězì* ‘Старика пишут’:

(35) 老一辈子写字用毛笔, 擦汗用手绢。

Lǎoyībèizi xiězì yòng
máo bǐ,

Старики писать использовать
кисть

cā hàn yòng shǒujuàn
вытирать пот использовать носо-
вой_платок

‘Люди старшего поколения, чтобы писать, используют кисть, а чтобы вытереть пот – носовой платок’.

(36) 老一辈子写字用毛笔, 笔墨酣畅, 雄健洒脱。

Lǎoyībèizi xiězì yòng máobǐ,
Старики писать использовать кисть
Bǐmò hānchàng, xióngjiàn
sǎtuō

Кисть_и_тушь легкий энергичный
свободный

‘Люди старшего поколения пишут кистью, кистью и тушью (пишется) легко, размашисто и свободно’.

Подобные расхождения свидетельствуют о том, что трактовка даже базовых предложений этого типа изначально вызывала вопросы у исследователей, поэтому в дальнейшем их анализ осуществлялся преимущественно с учетом контекста и коммуникативной структуры предложений.

Расширение классификации за счет включения в нее предложений, в которых именные группы называют агентивного и пациентивного участников ситуации, имело место не сразу. В 50-е годы, когда в Китае развернулась дискуссия о подлежащем и дополнении, преобладающей была точка зрения, согласно которой в предложениях с двумя именными группами в препозиции к сказуемому происходит инверсия дополнения. Это явление называли 宾提动前 *bīn tí dòng qián* ‘выдвижение дополнения (в позицию) перед глаголом’ и 宾语倒装 *bīnyǔ dào zhuāng* ‘инверсия дополнения’, иллюстрируя примерами типа (37):

(37) 他什么都不懂, 还不肯学习。

Tā shénme dōu bù dǒng,
3Sg.Мчто-то все NEG понимать

Hái bù kěn xuéxí

Еще NEG хотеть учиться

‘Он ничего не понимает, да и учиться не готов’. (Ли 1959, 69)

Аналогичной позиции придерживались Ван Ли и Люй Шусян. Последний в своей работе (Люй 1953) в качестве иллюстрации положения о допустимости для дополнения как постпозиции, так и препозиции относительно сказуемого, приводит следующий пример:

(38) 你什么也不用管, 有我们呢。

Nǐ shénme yě bùyòng
guǎn,

2Sg что-то EMPH незначем
контролировать

Yǒu women ne.

Иметься 1Pl PTCL

‘Тебе не стоит ничего касаться, ведь есть мы’. (Люй 1953, 23)

Эту точку зрения разделяли и авторы (Чжан и др. 1959), иллюстрируя инверсию дополнения следующим образом:

(39) 刚来的时候, 我谁都不认识。

Gāng lái shíhòu, wǒ
shéi dōu bù rènshí

Только приехать CONJ.когда 1Sg
кто-товесь NEG быть_знакомым
‘Только приехав, я никого тут не знал’.

(40) 他一口水都没喝就走了。

Tā yī kǒu shuǐ dōu méi hē
jiù zǒu le

3Sg.Модин CLF.пот вода весь NEG
пить CONJ уходить COS

‘Он и глотка воды не выпил, сразу ушел’.

(Чжан. 1959, 128-129)

Подходы этих китайских лингвистов опирались преимущественно на анализ семантических отношений, складывающихся между именными группами, называющими участников ситуации.

В 50-60-х гг. в КНР высказывалась и иная точка зрения, представленная, в частности, в работах Дин Шэншу и ряда его китайских коллег. Так, в (Дин 1961/ 1999) предложения со сказуемым, выраженным субъектно-предикативной синтагмой, иллюстрируются следующими примерами:

(41) 我上海也到过天津也到过几个大商埠都到过。

Wǒ Shànghǎi yě dào-guo
Tiānjīn yě dào-guo

1Sg Шанхай тоже прибыть-EXP
Тяньцзин тоже прибыть-EXP

Jǐ gè dà shāngbù
dōu dào-guo

Несколько CLF большой порт
весь прибыть-EXP

‘Я и в Шанхай был, и в Тяньцзине был,
в нескольких крупных торговых портах
побывал’.

(42) 你这人一点道理不讲我没有这许多工夫来和你争论。

Nǐ zhè rén yīdiǎn
dàolǐ bù jiǎng

2Sg DEM человек чуть-чуть благо-
разумие NEG проявлять

Wǒ méi yǒu zhè xǔduō gōngfū

1Sg NEG иметь DEM много
время

Lái hé nǐ zhēnglùn

Чтобы CONJ 2Sg спорить

‘Ты такой человек о здравым смыслом не считаешься, и нет у меня времени с тобой спорить’. (Дин 1961/1999, 26)

Полемизируя с лингвистами, выступавшими за наличие возможности инверсии дополнения в китайском языке, Дин Шэншу отмечает, что препозиция дополнения для ряда контекстов оказывается отнюдь не результатом его выдвижения из постпозиции, а единственно возможным позиционным вариантом. Ср. (43) и (44):

(43) 这位老人家我也认得。

Zhè wèi lǎorénjiā wǒ yě rèndé
DEM CLF старик 1Sg тоже узнать
‘Этого старика я тоже узнал’.

(44) 下半场，中锋换了人。

Hòu bàn chǎng,
zhōngfēng huàn-le rén

Последующий половина матч

центральной менять-PFV человек
‘Во втором тайме сменили центрального’.

Если в (43) 这位老人家 zhè wèi lǎorénjiā ‘этот старик’ является прямым объектом к глаголу 认得 rèndé ‘узнать’ и может стоять после него, то в (44) постпозиция занята существительным 人 rén ‘человек’ и 中锋 zhōngfēng ‘центральной’ не может никуда переместиться, поскольку не грамматичны оба получающихся варианта 换了人中锋 huàn-le rén zhōngfēng и 换了中锋人 huàn-le zhōngfēng rén (Дин 1961/1999, 26).

В результате той дискуссии о синтаксическом статусе именных групп в предложении и критериях разграничения подлежащего и дополнения среди китайских лингвистов возобладало мнение о необходимости опоры не только на семантический критерий исключительно, но и учёт структурных характеристик предложения, в частности относительного порядка слов. При этом позиция ранних китайских грамматистов, понимавших дополнение как член предложения, обозначающий объект, подвергающийся воздействию, названному в сказуемом, вне зависимости от его относительного положения в предложении, когда любой участник с пациентивной ролью считался таковым, была сочтена подвергшейся чрезмерному влиянию западной лингвистики и не учитывающей такой важный фактор грамматики китайского языка, как порядок слов. В результате в описаниях синтаксического статуса единиц в предложении стал преобладать подход с опорой прежде всего на позиционный критерий, что и привело в итоге к закреплению в современной лингвистике КНР концепции двух подлежащих в предложении в качестве центральной, а их классификация расширилась еще больше до уже почти десятка подтипов.

При этом взгляды китайских учёных на то, какие синтаксические единицы считать предложениями со сказуемым, выраженным субъектно-предикативной синтагмой, а в каких имеет место лишь инверсия дополнения при переходном глаголе, по-прежнему остаются далеки от единообразия. Так, идентичные с точки зрения семантических ролей участников предложения с несовпадающим порядком

следования именных групп трактуются по-разному в зависимости от того, кого именно — Агенс или Пациенс — называет NP₁ и NP₂ соответственно. Определение критериев их разграничения в китайской лингвистике представляет самостоятельную проблему и заслуживает отдельного обсуждения.

4. Выводы

Концепция двух подлежащих в предложении, являющаяся в настоящее время общепринятой в китайской лингвистике, формировалась постепенно и прошла достаточно долгий и извилистый путь от частной трактовки особого типа предложений с качественным сказуемым до значительного расширения типологии, став в итоге основным подходом к анализу предложений с двумя именными группами в начальной позиции (левее предиката).

Изначально опираясь на заимствованные из западной и советской науки о языке понятия *subject* и *object*, подлежащее и дополнение, китайская грамматическая теория со временем отошла от использования логического и семантического подхода к синтаксису. Сосредоточившись на построении собственной теории описания структуры предложения с опорой на позиционный критерий, китайские исследователи выдвинули тезис о том, что две именные группы в начале предложения, находящиеся в совершенно различных семантических синтаксических отношении друг с другом, одновременно выполняют одну и ту же роль подлежащего, главное из них является таковым для всего предложения, а малое — для синтагмы, выполняющей роль сказуемого

в предложении.

Анализ материала показал, что данная теория в китайском языкознании несмотря на сходство терминологии с западными синтаксическими исследованиями, вкладывает совершенно иной содержание в понятие 主语 *zhǔyǔ* 'подлежащее'. Также является специфичной и трактовка сказуемого как члена предложения, содержащего собственную основу. Поэтому описание предложения в китайском языке в терминах концепции двух подлежащих, встречающееся в современной лингводидактической литературе, не является прозрачным для носителей китайского языка и требует оговорок и разъяснений, как нуждается в отдельном научном обсуждении в русскоязычной синологической литературе и сама концепция двух подлежащих в китайском языке.

Список литературы

1. Дин Шэншу и др. (丁声树等著) Лекции по грамматике современного китайского языка. (现代汉语语法讲话) Пекин: Издательство коммерческой прессы, 1961/ 1999. (на кит. яз.)
2. Greenberg, Joseph H. Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements. Joseph H. Greenberg (ed.). *Universals of Language*. London: MIT Press, 1963. pp. 73–113.
3. Paul Waltraud. *The Syntax of verb-object phrases in Chinese: Constraints and reanalysis*. Paris: Langages Croisés. 1988.
4. Ernst, Thomas and Chengchi Wang. Object Preposing in Mandarin Chinese. *Journal of East Asian Linguistics*, 1995, 4 (3). pp. 235–260.
5. Huang, C.-T. James, Y.-H. Audrey Li, and Yafei Li. *The syntax of Chinese*. Cambridge: Cambridge University Press. 2009.
6. Tai, James H.-Y. Chinese as a SOV language. Corum, C. et al. (eds.). *Papers from the Ninth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago, Ill.: Chicago Linguistic Society. 1973. pp. 659–671.
7. Li, Charles N., and Sandra A. Thompson. An Explanation of Word Order Change SVO→SOV. *Foundations of Language* 12, 1974. no. 2. pp. 201–14.
8. Sun, Chao-Fen, and Talmy Givón. On the so-called SOV word order in Mandarin Chinese: A quantified text study and its implications. *Language* 1985, 61 (2). pp. 329–351.
9. Ван Ли (王力). Грамматика современного китайского языка (中国现代语法). Пекин: Издательство коммерческой прессы, 1943/1985. (на кит. яз.)
10. Ван Ли (王力). Форма сказуемого и форма предложения (谓语形式和句子形式). *Изучение языка и письменности*. 1952(9), pp. 529–537. (на кит. яз.)
11. Чжу Дэси (朱德熙). Лекции по грамматике (语法讲义). Пекин: Издательство коммерческой прессы, 1982/ 1984. (на кит. яз.)
12. Люй Шусян (吕叔湘). Примеры предложений с субъектно-предикативным сказуемым (主谓谓语句举例). *Китайский язык*, 1986 (5). pp. 34–35. (на кит. яз.)
13. Юань Хуэй, Чжао Минъюэ (袁辉, 赵明月). Классификация предложений со сказуемым, выраженным субъектно-

предикативной синтагмой, и исследование моделей их перевода на английский язык (主谓谓语句的分类及英译方案研究). Журнал Лоянского педагогического университета, Т. 39, №12, 2020. С.86–89. (на кит. яз.)

14. Хуан Божун, Ляо Сюйдун (黄伯荣, 廖序东). Современный китайский язык (现代汉语). Пекин: Издательство Высшее образование, 1997. (на кит. яз.)
15. Ли Цзиньси (黎锦熙). Новая грамматика китайского языка (新著国语文法). Чанша: Хунаньское просветительское издательство, 1924/ 2007. (на кит. яз.)
16. Люй Шусян (吕叔湘). Труды по языку и письменности. (语文近著). Шанхай: Шанхайское просветительское издательство, 1987. (на кит. яз.)
17. Ли Цзиньси (黎锦熙). Начальный курс китайской грамматики. (汉语语法初步教程). Пекин: Издательство Коммерческая пресса, 1959. (на кит. яз.)
18. Люй Шусян (吕叔湘). Изучение грамматики. (语法学习). Пекин, Издательство китайской молодежи 1953. (на кит. яз.)
19. Чжан Чжигун (ред.) (张志公主编). Сведения о китайском языке. (汉语知识). Пекин: Издательство народного образования. 1959. (на кит. яз.)

References

1. Ding Shenshu et al. (丁声树等著). Talks on Modern Chinese Grammar. (现代汉语语法讲话). Beijing, Shangwu yinshuguan, 1961/ 1999. (in Chin.)
2. Greenberg Joseph H. Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements. Joseph H. Greenberg (ed.). Universals of Language. London: MIT Press, 1963. pp. 73–113.
3. Paul Waltraud. The Syntax of verb-object phrases in Chinese: Constraints and reanalysis. Paris: Langages Croisés. 1988.
4. Thomas Ernst, Wang Chengchi. Object Preposing in Mandarin Chinese. Journal of East Asian Linguistics, 1995, 4 (3). pp. 235-260.
5. Huang C.-T. James, Li Y.-H. Audrey, Li Yafei. The syntax of Chinese. Cambridge: Cambridge University Press. 2009.
6. Tai James H.-Y. Chinese as a SOV language. Corum, C. et al. (eds.). Papers from the Ninth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. Chicago, Ill.: Chicago Linguistic Society. 1973. pp. 659–671.
7. Li Charles N., Thompson Sandra A. An Explanation of Word Order Change SVO→SOV. Foundations of Language. 1974. 12, no. 2. pp. 201–14.
8. Sun Chao-Fen, Talmy Givón. On the so-called SOV word order in Mandarin Chinese: A quantified text study and its implications. Language. 1985. 61 (2). pp. 329–351.
9. Wang Li. Modern Chinese Grammar. Beijing, Shangwu yinshuguan, 1943/1985. (in Chin.)
10. Wang Li. The form of the predicate and the form of the sentence. Xuexi yuwen, 1953(9),

pp. 529-537. (in Chin.)

11. Zhu Dexi. Grammar Lectures. Beijing, Shangwu yinshuguan, 1982/ 1984. 232 p. (in Chin.)
12. Lü Shuxiang. Examples of sentences with subject-predicate predicate. Zhongguo yuwen, 1986 (5). pp. 34-35. (in Chin.)
13. Yuan Hui, Zhao Minyue. A Study of the Classification of Chinese "Subject-Predicate Predicate Sentence" and its English Translation Methods. Journal of Luoyang Normal University, 2020, Vol. 39, No.12. pp. 86-89. (in Chin.)
14. Huang Borun, Liao Xudong. Modern Chinese. Beijing, Gaodeng jiaoyu chubanshe, 1997. (in Chin.)
15. Li Jinxi. New grammar of the Chinese language. Changsha, Hunan jiaoyu chubanshe, 1924/ 2007. (in Chin.)
16. Lui Shuxiang. Recent works on language and writing. Shanghai, Shanghai jiaoyu chubanshe, 1987. (in Chin.)
17. Li Jinxi. Basic Chinese Grammar Course. Beijing, Shangwu yinshuguan, 1959. (in Chin.)
18. Lü Shuxiang. Grammar studies. Beijing, Zhongguo qinnian chubanshe, 1953. (in Chin.)
19. Zhang Zhigong (ed.). Basic information on Chinese. Beijing, Renmin jiaoyu chubanshe, 1959. (in Chin.)

Сведения об авторе

Емельченкова Елена Николаевна,
канд. филологических наук, завкафедрой
ТМПЯКАА, доцент кафедры китайской
филологии
Санкт-Петербургский государственный
университет
Российская Федерация, 199034, Санкт-
Петербург, Университетская наб., 11
emelchenkovae@gmail.com

Information about the author

Elena N. Emelchenkova
Ph. D. (in Philology), Head of Department of
theory and methods of training in languages
and cultures of Asia and Africa Associate Pro-
fessor, Department of Chinese Philology
Saint-Petersburg State University
Russia, 199034, St.Petersburg, Universi-
tetskaya emb., Build. 11
emelchenkovae@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.01.2023

Одобрена после рецензирования: 10.02.2023

Принята к публикации: 15.03.2023

Information about the article

The article was submitted: 25.01.2023

Approved after reviewing: 10.01.2023

Accepted for publication: 15.03.2023

Structural and grammatical specificity of the texts of instructive stories (on the example of the collection for young children "365 new bedtime stories")

Структурно-грамматическая специфика текстов поучительных историй (на примере сборника для детей младшего возраста «365 новых сказок на ночь»)

Ишутина Юлия Александровна,

*Дальневосточный государственный
университет, Россия, Владивосток*

Рудакова Ксения Дмитриевна,

*Владивостокский государственный
университет, Россия, Владивосток*

Автор, ответственный за переписку:

ishutina.yua@dvfu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2561-7491>

Ishutina Y.A.¹, Rudakova X.D.²

¹ *Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia*

² *Vladivostok Federal University, Vladivostok, Russia*

Corresponding author ishutina.yua@dvfu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2561-7491>

УДК 811.581 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-1-2023-24-32](https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2023-24-32)

АННОТАЦИЯ

Жанр прозы для детей является одним из самых молодых в современной китайской литературе. Его истоки восходят к корпусу поучительных конфуцианских историй гуши (故事). Актуальность статьи заключается в выявлении структурно-грамматической специфики поучительных историй как образцов прозы, предназначенной для социализации детей дошкольного и младшего школьного возраста в современном Китае. Источником исследования послужил сборник поучительных историй для детей «365 новых сказок на

ABSTRACT

The prose genre for children is one of the youngest in modern Chinese literature. Its origins go back to the corpus of instructive Confucian stories gushi (故事). The relevance of the article lies in the identification of the structural and grammatical specifics of instructive stories as examples of prose intended for the socialization of preschool and primary school children in modern China. The source of the study was a collection of instructive stories for children "365 New Bedtime Stories" in Chinese. The purpose of the article is to reveal the features of the composition and grammatical

ночь» на китайском языке. Цель работы — выявить особенности композиции и грамматических средств, используемых в произведениях этого жанра. Посредством метода контент-анализа нами было проанализировано 150 бытовых сказок, определены структурно-грамматические особенности произведений жанра детской литературы Китая.

Ключевые слова: жанр поучительных историй, современная китайская литература, бытовые сказки на китайском языке.

Для цитирования: Ишутина Ю.А., Рудакова К.Д. Структурно-грамматическая специфика текстов поучительных историй (на примере сборника для детей младшего возраста «365 новых сказок на ночь»). *Современные востоковедческие исследования*. 2023; Том 5 (1). <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2023-24-32>

Появление в современной китайской литературе жанра прозы для детей является одним из значимых достижений «Движения 4 мая» (1919 г.). Это событие стало следствием перехода от традиционалистского типа художественного мышления к реалистическому методу описания действительности, который произошёл благодаря деятельности китайских интеллектуалов более 100 лет назад. Некоторые ученые истоками литературы для детей считают жанр «коротких историй и цитат» — бицзи (笔记) (Захарова 2021, 1402). На наш взгляд, современная китайская проза для детей восходит к поучительным конфуцианским историям-гуши (故事), представляющим собой богатей-

means used in the works of this genre. Using the method of content analysis, we analyzed 150 fairy tales, determined the structural and grammatical features of the works of the Chinese children's literature genre.

Keywords: genre of cautionary tales, modern Chinese literature, household tales in Chinese.

For citation: Ishutina Y.A., Rudakova X.D. Structural and grammatical specificity of the texts of instructive stories (on the example of the collection for young children "365 new bedtime stories"). *Modern Oriental Studies* 2023; Volume 5 (1). (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2023-24-32>

ший пласт литературных образцов, задающим паттерн поведения модернизированного китайца. Такой эмпирический материал, несомненно, заслуживает внимания исследователей китайского языка и литературы Нового Китая.

Актуальность статьи заключается в выявлении структурно-грамматической специфики поучительных историй как образцов прозы, предназначенной для социализации детей дошкольного и младшего школьного возраста в современном Китае. Китайские и отечественные исследователи детской литературы ведут работу в трех основных направлениях: периодизация истории детской литературы в Китае,

композиция прозаических произведений этого течения, прагматика и семантика текста прозы для детей. Заметные работы по историографии детской литературы и анализу детской прозы в творчестве Е Шэнтао, Лу Синя, Бин Синь принадлежат У Цинаню (У Цинань 2021). Вэй Сяо разрабатывает лингвокультурологический аспект прозы для детей (Вэй Сяо 2016). Б.Л. Рифтин проводил комплексный анализ феномена детской литературы на китайском языке (Рифтин 2017). Проблемами становления детской литературы в Китае в первой трети XX в. занимается Н.В. Захарова (Захарова 2021). Т.В. Краюшкина исследует феномен китайской детской литературы в аспекте межкультурной коммуникации (Краюшкина 2015). Новизна данного исследования заключается в выявлении специфики структурно-грамматического построения текста поучительных историй для детей на китайском языке.

Детская литература на китайском языке имеет ряд структурно-грамматических особенностей, отражающих как специфику китайского культурного текста, так и строя китайского языка. Объектом исследования является феномен прозаического текста современной детской литературы на китайском языке, предметом – структурно-грамматические особенности текстов для детей. Цель статьи состоит в выявлении указанной специфики в тексте источника — сборника «365 новых сказок на ночь» (365 новых сказок на ночь 2011).

Материал источника представляет собой сборник поучительных историй, в которых действуют антропологизированные персонажи

животных, поэтому мы переводим его название с использованием лексемы «сказка», что соответствует жанру бытовой сказки в русской литературе.

Практическая значимость исследования заключается в обращении к корпусу поучительных историй для детей на китайском языке, представляющих собой модернизированный вариант морализаторских рассказов (故事) с сюжетами, актуализирующими конфуцианские ценности к повседневности современного китайского общества.

Для выявления композиционно-структурных особенностей посредством контент-анализа нами было проанализировано 150 текстов детских сказок, общим объемом 97543 иероглифических единицы.

Пространственный код сказки подразумевает развитие сюжета в живой природе: в лесу, у берега реки, на поляне. В роли персонажей выступают животные и насекомые, наделенные антропоморфными характеристиками. Животные разговаривают, играют на музыкальных инструментах, ведут повседневную жизнь маленьких детей. Однако степень антропоморфности персонажей отличается от той, что мы видим в западных сказках о животных. По мнению В.Я. Проппа «западная сказка о животных в большей степени антропоморфизирована. Она очеловечена, отражает быт Средневековья с его замками, турнирами и т. д» (Пропп 2000, 347). Локус жилища героев китайских сказок визуализируется как дупло дерева, нора, берлога и т.п. Истории происходят в привычных местах обитания животных, что позволяет

сохранить ощущение естественности и гармоничного включения в природу.

С нашей точки зрения, жанр китайских поучительных историй 故事 на китайском языке композиционно схож с жанром русской волшебной сказки.

Согласно исследованиям В.Я. Проппа, жанр сказки имеет особую архитектонику: завязку (зачин), развитие и развязку. Однако не во всех сказках есть указанные компоненты. По мнению исследователя «полнота функций устанавливается только сравнительным путем. Выбор функции и формы ее определяет сюжет, т. е. данная композиционная схема вмещает огромное количество разнообразных сюжетов, построенных на одной основе» (Пропп 2000, 223). Итак, приведем примеры из исследованного материала на китайском языке с предложенным нами переводом.

Зачин

1. Под ним подразумевается начало действия, это — обязательный элемент, который определяет хронотоп сказки: место и время действия, введение персонажей в повествование. В проанализированных текстах обнаружены следующие варианты зачинов:
2. «太阳公公工作了一整天，疲劳地躲到山后面休息去了。月亮婆婆带着一群亮闪的小星星出来了»。(Tàiyáng gōnggōng gōngzuò le yī zhěng tiān, pí láo dì duǒ dào shān hòumiàn xiūxi qù liǎo. Yuèliàng pópo dài zhe yī qún liàngshǎn de xiǎo xīngxīng chū lái liǎo.) — «Дедушка Солнце, трудившийся целый

день, устало прилег за горы, чтобы отдохнуть. Бабушка Луна взошла на небосклон в сопровождении стайки маленьких блестящих звездочек» (365 новых сказок на ночь 2011, 3). Такой зачин встретился в трех исследованных текстах.

3. «小闹钟总是起得很早，它想为好朋友们做点事»。(Xiǎo nào zhōng zǒng shì qǐ dé hěn zǎo, tā xiǎng wéi hǎo péng you men zuò diǎn shì.) — «Маленький будильник, всегда просыпавшийся рано, хотел чем-нибудь помочь своим хорошим друзьям» (365 новых сказок на ночь 2011, 5). Такой зачин встретился в пяти исследованных текстах.
4. «这天，天气晴朗，小鸟儿在树上唱歌欢快的歌，路边的野花也露出了美丽的笑脸»。Zhè tiān, tiān qì qíng lǎng, xiǎo niǎo er zài shù shàng chàng gē huān kuài de gē, lù biān de yě huā yě lù chū le měi lì de xiào liǎn. — В этот день стояла ясная погода, птички на деревьях пели весёлые песенки, а вдоль тропинок виднелись красивые смеющиеся лица лесных цветов (365 новых сказок на ночь 2011, 212). Такой зачин встретился в семи исследованных текстах.

Основная часть сказки

В проанализированных сказках сюжета динамичен, прост, преобладает причинно-следственная связь. Наблюдаются следующие закономерности:

- а) поскольку выбранный нами источник называется «365 новых сказок на ночь», в большинстве рассказов действия главных героев происходят перед сном.

б) в некоторых нарративах присутствует приключенческий сюжет, например, путешествие героя из точки А в точку Б.

в) в сказках описываются случаи взаимопомощи действующих персонажей, что рассматривается нами как вариативные способы социализации.

Концовка

Этот элемент является заключительной частью сказки, в которой содержится посыл поучения. В китайских поучительных историях 故事 традиционно присутствует морализаторский комментарий. В источнике мы обнаружили следующие виды концовок:

а) в конце повествования герои приходят к выводу о том, что стали настоящими друзьями. Например, «小闹钟说: «叮铃, 叮铃, 不谢, 不谢! 咱们是好朋友嘛»。(Xiǎo nàozhōng shuō: «Dīng líng, dīng líng, bù xiè, bù xiè! Zánmen shì hǎo péngyǒu ma.) — «Маленький будильник сказал: «Ди-линь, ди-линь, не за что, не за что! Ведь мы с тобой лучшие друзья!» (365 новых сказок на ночь 2011, 6). Такая концовка присутствует в 5 нарративах.

б) повествование приходит к счастливому концу только благодаря взаимопомощи и взаимодействию героев. Например, «太阳公公高兴地笑了, 直夸小象是个爱帮助别人好孩子»。(Tàiyáng gōnggōng gāoxìng de xiàole, zhí kuā xiǎo xiàng shìgè ài bāngzhù biérén de hǎo háizi.) – «Дедушка Солнце радостно улыбнулся и похвалил Слоненка за то, что он ребенок, который любит

всем помогать» (365 новых сказок на ночь 2011, 30). Такая концовка присутствует в 8 нарративах.

в) главный герой делает вывод из прежних ошибок. Например, «小鱼说: «不用谢。不过今后可要吸取教训呀!»(Xiǎo yú shuō: «Bù yòng xiè. Bùguò jīn hòu kě yào xīqǔ jiàoxùn ya!») – «Рыбка сказала: «Не за что. Вот только обдумай случившееся и извлеки урок!» (365 новых сказок на ночь 2011, 54). Такая концовка присутствует в 11 нарративах.

г) злодей получает по заслугам, добро торжествует. Например, «可趁机赶紧拉着咩咩逃走了, 可恶的狼再也追不上他们了»。(Kěkě chènjī gǎnjīn lāzhe miē miē táo zǒule, kěwù de láng zài yě zhuī bù shàng tāmenle.) — «Коко воспользовавшись моментом, быстро схватил Меме и убежал. Гадкий волк так и не смог догнать их» (365 новых сказок на ночь 2011, 56). Такая концовка присутствует в 15 нарративах.

Таким образом, структура современной китайской поучительной истории для детей композиционно похожа на архитектуру русской сказки, присутствуют зачин, основная часть и концовка. Исключением является сказка, которая характерна для русских сказок.

Прежде, чем представить результаты исследования грамматических особенностей детских китайских сказок, мы должны сделать оговорку насчет того, что мы подразумеваем под частями речи в современном китайском языке (СКЯ). Традиционно в корпусе СКЯ выделяются

следующие части речи: существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие (Горелов 1989). Современные исследования звукоподражаний китайского языка свидетельствуют о том, что ономотопы также являются самостоятельной частью речи СКЯ, поэтому они были учтены нами при анализе (Лю Юнь 2022; Стефановская 2007).

Существительное

Существительные в китайском языке подразделяются на собственные и нарицательные. Имен собственных в проанализированных сказках мало, т. к. все главные герои — животные, они номинированы как «小白兔» (xiǎo bái tù) — «белый кролик», «小黑猪» (xiǎo hēi zhū) — «черный поросенок», «熊妈妈» (xióng māma) — «мама-медведь» и т. д. Частотность употребления существительных в 150 проанализированных текстах составляет 29 %.

Глагол

Глаголы в СКЯ делятся на нерезультативные, результативные, модальные (Горелов 1989, 27). В текстах источника нами выявлено употребление следующих модальных глаголов: «能» (néng) — глагол, выражающий физическую и ментальную возможность совершения действия, «要» (yào) — глагол, выражающий оформленное желание, «应该» (yìnggāi) — глагол, выражающий долженствование, необходимость совершения действия. Процент употребления глаголов по отношению к другим частям речи составляет 30 %. Из них частотность применения нерезультативных глаголов 24 %, результативных глаголов 5 %, модальных глаголов 1 %.

Прилагательное

Особенностью употребления прилагательных СКЯ является редупликация — фономорфологическое явление, состоящее в удвоении начального слога (частичная редупликация) или целого корня (полная редупликация) (Ярцева 1990, 593). В исследованном материале самым распространённым является прилагательное «小» (xiǎo) — «маленький». Эта морфема, употребляясь в функции префикса, сообщает прилагательному качество «уменьшения объекта», например, «小猫» (xiǎo māo) — «котенок», «小蜗牛» (xiǎo wōniú) — «улиточка». Процент употребления прилагательных составляет 19 %. Редулицированные прилагательные из этого числа составляют 1%. Они выступают в препозиции образа действия предиката и выполняют функцию обстоятельства, например, «小黑猪静静地睡着了»。(Xiǎo hēi zhū jìng jìng de shuì zhao le) — «Черный поросенок спокойно-преспокойно спал» (365 новых сказок на ночь 2011, 32).

Наречие

В материале источника употребляются обстоятельственные наречия, которые указывают на обстоятельства совершения действия, например, «笔记本上面写着...» (Bǐ jì běn shàng miàn xiě zhe...) — «В тетради написано...». Процент употребления наречий занимает 9 % (365 новых сказок на ночь 2011, 6).

Местоимения

Преимущественно употребляются местоимения единственного числа всех лиц, например, «我» (wǒ) — «я», «他» (tā) — «он», «她» (tā) —

«она», «你» (nǐ) — «ты». Процент употребления местоимений составляет 7%.

Числительные

Числительные в проанализированном материале употребляются в контексте обозначения количества предмета со счетным словом, например, «一片棕榈树叶» (yī piàn zōng lǘ shù yè) — «один пальмовый лист», «一朵蘑菇» (yī duǒ mó gū) — «один мухомор» и т. д. Процент употребления числительных составляет 4%.

Звукоподражания

Ономатопы в текстах детских сказок употребляются в форме прямой речи, например, «小闹钟就使劲闹起来: «叮铃铃, 叮铃铃, 该起床了!» (Xiǎo nàozhōng jiù shǐjìn nà qīlái: «dīng lín líng, dīng líng líng, gāi qǐ chuáng liǎo!») — «Маленький будильник звонко зазвенел: «Дилинь, ди-линь, тебе пора вставать!» (365 новых сказок на ночь 2011, 8). Функционально звукоподражания употребляются в качестве образа действия, например, «小猪呼噜噜地睡着了» (Xiǎo zhū hū lū lū de shuìzhe liǎo) — «Поросенок спал, похрапывая» (365 новых сказок на ночь 2011, 45). Следует отметить случаи употребления ономатопы в качестве имени существительного собственного, например, «原来是一只可恶的狼正在追咩咩...» (Yuánlái shì yī zhī kě'è de láng zhèngzài zhuī Miēmiē...) — «Оказалось, это гадкий волк гнался за Меме...» (365 новых сказок на ночь 2011, 16). Процент употребления звукоподражаний составляет 2 %.

Таким образом, корпус текстов китайских детских поучительных историй имеет ряд жанрообразующих признаков. Композиция соот-

ветствует структуре прозаических произведений малой формы на китайском и русском языках. Зачин открывает повествование, знакомит с персонажами и погружает маленького читателя в нужную атмосферу. Основная часть произведения характеризуется простой структурой изложения и строгой причинно-следственной связью. В концовке содержится оценка поведения персонажей, подводится определенный поучительный итог, к которому приходят герои, что является характерной чертой для китайских конфуцианских историй (故事).

Грамматика в текстах несложная, предложения односоставные. Самой употребляемой частью речи является глагол, преимущественно нерезультативный. Так как у персонажей отсутствуют имена, в текстах используются нарицательные существительные. Достаточно часто используется морфема 小, которая употребляется в функции префикса и сообщает прилагательному качество «уменьшения объекта», с помощью которого маленькому читателю легко ассоциировать себя с персонажем.

Процент употребления звукоподражаний довольно мал, однако это не снижает их значения в тексте. Ономатопы используются как для описания эмоционального состояния героев, так и в целях создания живой и естественной атмосферы событий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Захарова Н.В. Становление детской литературы в Китае в 20-30 гг. XX в. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2021; Т.14 Вып.5. С. 1402-1407.

2. У Цинань. (吴其南) (История развития детской литературы). (中国童话发展史). <http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotal-ZTPL199509020.htm> (дата обращения: 10.09.2022)
 3. Вэй Сяо. *Концепт «детство» в русской лингвокультуре (на фоне китайской)*. Санкт-Петербург: СПб, 2016.
 4. Рифтин Б.Л. *О современной китайской детской литературе. Детские чтения*. 2017; Т. 11. № 1. С. 28–54.
 5. 365 новых сказок на ночь. (新365夜好故事). Шанхай: Шанхай жэнь минь мэи шу, 2011. – 126 с. (上海: 上海人民美术出版社, 2011年. - 126页). (на кит. яз).
 6. Пропп В. Я. *Русская сказка*. Москва: Лабиринт, 2000.
 7. Краюшкина Т.В. Китайские народные сказки на русском языке для детского чтения как средство межкультурной коммуникации. *Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра*. 2015. № 16 (1). С.98-104.
 8. Горелов В.И. *Теоретическая грамматика китайского языка*. Москва: Просвещение, 1989.
 9. Лю Юнь (刘芸). Исследование звукоподражаний в современном китайском языке. (现代汉语象声词研究). <https://www.doc88.com/p-2478178431062.html?r=1> (дата обращения 01.06.2022) (на кит. яз).
 10. Стефановская С.В. Классификация звукоподражаний современного китайского языка по основному семантическому значению. *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Аргументация vs манипуляция. Сер. Коммуникативистика и коммуникациология*. 2007. № 5. С. 209-216
 11. Ярцева В.Н. *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия, 1990.
- ### REFERENCES
1. Zakharova N.V. The formation of children's literature in China in the 20-30s. of 20th century. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2021; T.14 Vyp.5. S. 1402-1407. (in Russ.).
 2. Wu Qinan. (吴其南) (History of the development of children's literature). (中国童话发展史). <http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotal-ZTPL199509020.htm> (accessed 09/10/2022) (in Chin.).
 3. Vey Syao. The concept of "childhood" in Russian linguistic culture (against the background of Chinese). Sankt-Peterburg: SPB, 2016 (in Russ.).
 4. Rifting B.L. On modern Chinese children's literature. *Children's readings*. 2017; T. 11. № 1. S. 28–54. (in Russ.).
 5. 365 new bedtime stories. (新365夜好故事). Shanghai: Shanghai ren min mei shu, 2011. - 126 p. 上海: 上海人民美术出版社, 2011年. - 126页. (in Chin.).
 6. Propp V. YA. Russian fairy tale. Moskva: Labirint, 2000. (in Russ.).
 7. Krayushkina T.V. Chinese folk tales in Russian for children's reading as a means of intercultural communication. *Rossiya i Kitay*:

- problemy strategicheskogo vzaimodeystviya: sbornik Vostochnogo tsentra. 2015. № 16 (1). S.98-104. (in Russ.).
8. Gorelov V.I. Theoretical grammar of the Chinese language. Moskva: Prosveshcheniye, 1989. (in Russ.).
9. Liu Yun (刘芸). Study of onomatopoeia in modern Chinese. (现代汉语象声词研究). <https://www.doc88.com/p-2478178431062.html?r=1> (accessed 06/01/2022) (in Chin.).
10. Ctefanovskaya S.V. Classification of onomatopoeia in modern Chinese according to the main semantic sign. Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Argumentatsiya vs manipulyatsiya. Ser. Kommunikativistika i kommunikatsiologiya. 2007. № 5. S. 209-216. (in Russ.).
11. Yartseva V.N. Linguistic encyclopedic dictionary. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. (in Russ.).

Сведения об авторах

Ишутина Юлия Александровна,

кандидат культурологии, доцент,
доцент кафедры китаеведения ВИ-ШРМИ
ДВФУ.

РФ, 690992, г. Владивосток, о. Русский, п.
Аякс, 10.

ishutina.yua@dvfu.ru

Рудакова Ксения Дмитриевна,

студентка Владивостокского государственного университета (ВВГУ).

РФ, 690002, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41.

kseniadmitrievna1998@mail.ru

Information about the authors

Ishutina Yuliya,

associate professor, Candidate of Cultural
Studies,

Department of Chinese studies, School of International and Regional Studies Far Eastern State University.

690992, c. Vladivostok, Russky isl, Ayax.10,
Russian Federation.

ishutina.yua@dvfu.ru

Rudakova Xenia Dmitrievna,

student of Vladivostok State University.

690002, c. Vladivostok, Gogolya st., Russian
Federation.

kseniadmitrievna1998@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.01.2023

Одобрена после рецензирования: 10.02.2023

Принята к публикации: 15.03.2023

Information about the article

The article was submitted: 25.01.2023

Approved after reviewing: 10.01.2023

Accepted for publication: 15.03.2023

**Features of representation of a request in Chinese interpersonal discourse
(by the material of online survey)**

**Особенности репрезентации просьбы в китайском межличностном
дискурсе (на материале онлайн опроса)**

Мирзиева Лейсан Рифхатовна

*Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия*

ch_leisang@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0199-3871>

Mirzieva L.R.

*Kazan (Volga region) Federal University, Kazan,
Russia*

ch_leisang@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0199-3871>

УДК 811.581 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-1-2023-33-52](https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2023-33-52)

АННОТАЦИЯ

В статье представлен анализ средств выражения просьбы в китайском языке. Исследование базировано на таком научном методе, как анализ дискурса языкового корпуса, полученного на основе онлайн-опроса. В первой части статьи автор рассматривает вопрос взаимосвязи вежливости с просьбой в рамках коммуникации, а также выявляет другие факторы, которые определяют специфику речевого поведения в ситуации просьбы в КЯ. Затем, проводится анализ речевых актов и средств выражения просьбы, предложенных респондентами, при этом каждая коммуникативная ситуация рассматривается в отдельности. Автор приходит к выводу о непосредственном влиянии на языковое поведение операторов речи коммуникативного сценария (расстановка социальной власти и ролей, степень формальности отношений, содержание просьбы как таковой

ABSTRACT

The article presents an analysis of the means of expressing a request in Chinese. The study is based on such a scientific method as the analysis of the discourse of the language material obtained on the basis of an online survey. In the first part of the article, the author considers the issue of the relationship between politeness and a request in the framework of communication withal identifies other factors that determine the specifics of speech behavior in a situation of a request in Chinese language. Then, author makes an analysis of the speech acts and means of expressing the request proposed by the respondents, during the analysis considering each communicative situation separately. The author concludes about the direct influence on the linguistic behavior of speech operators of the communication script (the arrangement of social power and roles, the degree of formality of relations, the content of the request and etc.).

и др.), а также наличия связи между понятием лица в китайской культуре и использовании определенных лексических, грамматических средств для достижения митигативного эффекта и поддержания имиджа как адресата, так и самого адресанта.

Ключевые слова: просьба, китайский язык, вежливость, лицо, анализ дискурса, опрос, митигативные тактики.

Для цитирования: Мирзиева Л.Р. Особенности репрезентации просьбы в китайском межличностном дискурсе (на материале онлайн опроса). *Современные востоковедческие исследования*. 2023; Том 5 (1). <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2023-33-52>

Просьба — один из самых распространенных типов речевых актов. Не будет преувеличением сказать, что человек ежедневно сталкивается с положением, когда он играет роль просителя или того, к кому обращаются за помощью или услугой. Чтобы реализовать свою цель, достичь желаемого, индивидум как правило переводит ситуацию просьбы в плоскость дискурса и главными критериями успешного воплощения коммуникативного замысла являются ясность, убедительность и вежливость в обращении.

На сегодняшний день в российской науке есть обширный ряд исследований, которые рассматривают природу речевой ситуации просьбы, а именно стратегии и тактики поведения коммуникантов, вербальные и невербальные средства выражения и т.д. (Н.И. Формановская, А.В. Алексеева, И.В. Зайкова, Фатеме Наза-

As well as finds out the straight connection between the concept of a face in Chinese culture and the use of certain lexical, grammatical means to achieve a mitigative effect and maintain the positive image of both the addressee and the addresser himself.

Keywords: Request, Chinese language, politeness, face, discourse analysis, survey, mitigative tactics

For citation: Mirzieva L.R. Features of representation of a request in Chinese interpersonal discourse (by the material of online survey). *Modern Oriental Studies*. 2023; Volume 5 (1). (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2023-33-52>

ри и др.). Немало работ посвящено изучению социальных, культурных, идеологических аспектов, которые определяют специфику и индивидуальность дискурсивной матрицы в зависимости от того или иного национального языка (Е.В. Славнейшева, С.С.Тахтарова, Е.Г. Которова, Т.В. Ларина, Е.В. Румянцева). При этом, следует отметить, что большинство полученных результатов касаются европейских языков, таких как английский, немецкий, количественно опережая исследования восточных, в частности, китайского языка. Таким образом, существенный пласт фактической информации относительно реализации просьбы в китайской речи был получен благодаря рассмотрению работ лингвистов из Китая.

Ситуация выражения просьбы китайскими учеными поначалу рассматривалась в свете кросс-культурной коммуникации. Ведущим

подходом в таких работах был дискурсивный анализ языкового материала. Со временем, фокус китайских исследований сместился в сторону языкового поведения коммуникантов. Так, Чжан Сяоцзе и Ван Сяотун приходят к выводу, что косвенные речевые акты — самая распространенная и при этом наиболее вежливая форма демонстрации просьбы в китайском языке (Чжан Сяоцзе 1997, 70-71). Однако другой исследователь Ли Вонг опроверг этот тезис, обнаружив, что в речевых актах просьбы обычно превалируют прямые тактики, которые эксплицируются в форме директивных выражений (Lee Wong 1994, 495-496).

Найти объяснение такому явному расхождению попытался Жэнь Вэй. В своем исследовании он отмечал, что содержание опросников, в которых его коллегами и были смоделированы языковые ситуации, помогут пролить свет на расхождения между описанными нами выше исследованиями. Так, ему удалось обнаружить, что главной отличительной чертой диалогов, взятых Ли Вонгом за основу, является неравное положение коммуникантов (Жэнь Вэй 2018, 69). Другими словами, один из участников общения обладал большей социальной властью по сравнению с оппонентом. Например, в ситуации, когда таможенник просит зарегистрировать багаж, он исходит из позиции, обуславливающей необходимость следовать его просьбе, что продиктовано социальными, законодательными нормами нашего общества. Все это заметно увеличивает вероятность применения императивных форм в речевых актах выражения просьбы. Это подводит нас к мысли о том, что специфика речевого поведения коммуникантов

в ситуации обращения зависит от конкретных коммуникативных сценариев. Более того, вызывает вопрос отнесение вышеописанного кейса к жанру просьбы, а не требования. Ведь главным отличием первого является свободная воля адресата осуществить интенцию адресанта, либо отклонить её (Ларина Т.В. 2009, 344). Здесь же, мы скорее имеем дело с вежливой формой выражения призыва к действию в соответствии с правилами и процедурой прохождения регистрации на авиарейс.

Жэнь Вэй предположил, что на речевые привычки людей влияют не только культурные и ментальные установки того или иного народа, но и географическое положение, так, что речевое поведение может отличаться в зависимости от того или иного региона страны. На основе анализа языкового материала ученый обнаружил, что китайцы, живущие на материке и на Тайване, обращаясь с просьбой к человеку вышестоящему, как правило выражаются с помощью косвенных речевых актов, в частности тактику наводящего вопроса «查询准备策略» (Жэнь Вэй 2018, 72-73). В отношении людей, находящихся с говорящим на одном уровне или ниже по статусу, жители Тайваня используют ту же форму запроса, в то время как на материковом Китае коммуниканты чаще будут применять прямые РА, а именно императивные конструкции.

Следует отметить, что в последние годы в китайском научном сообществе интерес к исследованию вопросов выражения просьбы в китайском языке не только сохранился, но и усилился, благодаря чему понимание данного

предмета коммуникативной лингвистики становится глубже и шире. Так, Чэнь Синьжэнь и др. в своих работах подчеркивают важность роли языковой среды и социальных связей в выборе вербальных средств для обращения с просьбой в свете межличностной коммуникации. По их мнению, если коммуниканты занимают равное социальное положение либо они поддерживают неформальные отношения, то, как правило, китайцы склонны к тому, чтобы открыто и прямо выражать свою просьбу (Чэнь Синьжэнь 2019, 26-27).

Как было сказано ранее, просьба как коммуникативный жанр и форма социального взаимодействия предполагает употребление маркеров вежливой коммуникации, а также располагающего собеседника тона, что позволит достичь желаемого.

Вежливость, как категория языка — явление универсальное и распространено во всех культурах, с той лишь разницей, что формы и специфика её проявления различны. Джон Серл был первым исследователем, объединившим понятие языкового поведения и вежливости, подчеркивая, что мотивацией использования косвенных речевых актов является именно вежливая коммуникация (Дж. Р. Серл 2010, 84).

Следом за американским ученым Пенелопой Браун и Стивеном Левинсоном выдвинули предположение о том, что вежливость зиждется на трех главных столпах: лицо, действия, которые создают угрозу лицу и тактики вежливости (Браун-Левинсон 1978, 28-29). Более того, эта теория задала вектор дальнейших исследований речевого поведения на десятилетия впе-

ред. Так, просьба по сути является формой языкового поведения, которое потенциально или явно угрожает лицу адресата, или даже самого адресанта, при этом ключом к достижению коммуникативной цели с соблюдением границ психологического пространства собеседника является именно вежливость. Однако, в последнее время, по мере развития таких отраслей науки о языке как этнолингвистика, психолингвистика и др., все больше ученых склоняются к тому, что модель Брауна-Левисона нужно рассматривать в частном порядке и актуальна она для европейских языков, будучи не в силах объяснить столь сложное, комплексное понятие как «лицо» через призму китайской культуры.

Согласно Тинг-Туми между культурными нормами и принципом «сохранения лица» кроется глубокая связь, по ее мнению, культурный контекст играет важную роль в осмыслении последнего и исследовании митигации как таковой (Ting-Toomey S., 2015). Состоятельность данного положения ярко иллюстрирует то, как по-разному в Западной и Восточной культуре проявляется феномен лица. Так, в индивидуалистских культурах люди больше заботятся о поддержании собственного «лица», а в коллективистских, таких как Китай, Корея, Япония — о поддержании «лица» другого человека. Тем самым, степень выраженности митигативных параметров коммуникации варьируется, в том числе, и в зависимости от культурных норм и традиций того или иного этносоциума.

Чтобы сохранить лицо и не нанести урон репутации собеседника, коммуникантам необходимо непрестанно оттачивать свое мастерство

гармонизации общения и сглаживания острых углов, применять различные «смягчители» или митигаторы. Митигация в свою очередь способна защитить или снизить угрозу как для лица адресата, так и адресанта самого и реализовать потребность в его защите.

Реализация потребностей лица слушающего, главным образом определяется степенью вежливости, которую проявляет говорящий по отношению к собеседнику. Так, в процессе общения говорящий, выражая мысли в форме приказа, совета, критики или отказа, которые могли бы повредить лицу собеседника, принимает во внимание это понятие при вербализации своих интенций. И чем выше по мнению адресата угроза «лицу» адресанта, тем сильнее в его речи будет проявляться митигация и более вежливым, учтивым будет коммуникативное поведение в целом (Ting-Toomey S., 2015).

Позже Р. Дж. Уоттс предложил свою теорию, основанную на идее о том, что раз уровни познания неодинаковы, то и в понимании человеком вежливости могут иметься различия. По его мнению, «вежливость — это динамичная и гибкая модель социальной практики, означающая, что говорящий может осуществлять соответствующее поведение согласно конкретному контексту» (Watts R. J. 2003, 174). Другими словами, это дискурсивная концепция, производная от восприятия и суждения интеракторов о речевых актах, совершаемых ими самими и другими (Watts R. J., 2003). В определенной степени концепция вежливости, предложенная Уоттсом, может в значительной степени объяснить сложность китайской культуры и целую

совокупность факторов, определяющих выбор тех или иных тактик в зависимости от определенной коммуникативной ситуации.

Тем самым, можно предположить, что для получения более точных и подробных результатов в нашем исследовании нужно использовать такой научный подход, который позволил бы и всесторонне, и при этом по-отдельности рассмотреть языковые данные в каждом отдельном контексте. Поэтому, в качестве ведущего метода исследования, помимо аналитического, сопоставительного и др., был выбран дискурс-анализ, в частности метод критического и конверсационного ДА. Ниже мы хотели бы подробно рассмотреть свойства и преимущества дискурс-анализа по отношению к предмету данного исследования.

В 60-70-е гг. прошлого века дискурс и дискурс-анализ активно популяризировались в различных отраслях современной гуманитарной науки. Пожалуй, главным отцом-основателем теории анализа дискурса по праву можно назвать Т.А. ван Дейка. Нидерландский лингвист создал ситуационную модель дискурс-анализа, рассматривая процессы коммуникационных взаимодействий не как жёстко алгоритмическую, но как гибкую стратегическую процедуру.

Отталкиваясь от разработок в области грамматики текста, прагматики дискурса и когнитивного моделирования коммуникации, Ван Дейк исследовал специфику функционирования языка на примере средств массовой информации под углом таких компонентов как

мнение, установки говорящего и слушающего, их социальный статус, этническая принадлежность и так далее. По мнению ученого эти категории проявляются в речи и могут способствовать всестороннему пониманию коммуникации, обусловленной социальным контекстом на фоне властных отношений адресата и адресанта (Van Dijk T. A. 1993, 256-258). Все это легло в основу такого направления в дискурс-анализе как критический ДА. Вместе с другим исследователем Фэркло они исходят из идеи о том, что дискурсивные практики служат в поддержании общественного порядка и непосредственно связаны с социокультурными процессами в обществе (Олешкова А.М. 2020, 16-17). Данное положение резонирует с озвученными ранее выводами относительно того, что дискурс встроен в культуру, историю и идеологию конкретного социума. При этом мы не делаем попытку рассмотреть ситуации просьбы через призму социальных проблем или злоупотребления власти одними в ущерб других участников коммуникации, как это делают Дейк и Фэркло. Фокус внимания смещен на вопрос угрозы не власти как таковой, а авторитету, лицу просящего или того, к кому просьба адресована.

С развитием прагматики и теории ДА расширились и подходы анализа дискурса. Среди прочих, следует выделить конверсационный метод. Главным критерием исследования при таком подходе является организованная и упорядоченная речь, которая формируется по определенной структуре в формате «вопрос-ответ», «обращение (в конкретно нашем случае просьба) — ответ» (Бастун Е.В., Островская Т.А. 2020,

41-42). Учитывая специфику опросников, что легли в основу данного исследования, конверсационный ДА позволяет выделить и упорядочить речевые средства и обороты, которые опрошенные решают использовать в той или иной коммуникативной ситуации, тем самым проанализировать тактики вежливой коммуникации, используемые коммуникантами на китайском языке.

Обобщая представленный выше материал следует отметить, что несмотря на бессознательный выбор говорящим в ходе общения, конкретно в ситуации просьбы, тех или иных коммуникативных стратегий и тактик, он интуитивно стремится к тому, чтобы использовать именно те, которые будут эффективны в данный момент речи. При этом в основе его выбора лежат многочисленные факторы, из поколения в поколение формировавшие уникальные свойства китайской языковой личности. К ним относятся социальное положение, формальные/неформальные отношения между коммуникантами и даже географическое расположение.

В китайском языке существует разнообразное множество вариаций и типов обращений с просьбой. Они могут быть выражены в прямой или косвенной форме, с помощью побудительных или вопросительных конструкций, как декларация намерения и т.д. При этом, очевидно, что частота и референтность их употребления различны, что зависит от коммуникативной ситуации и её составляющих.

Таким образом, в рамках данного исследования автор делает попытку выяснить, существуют ли другие аспекты, которые определяют

модель речевого поведения китайцев в ситуации просьбы и, если таковые есть, следом определить, можно ли к ним отнести вежливую коммуникацию, в частности представления о лице, как ведущий стимул, задающий тон общению в китайском дискурсе. Для этого в первую очередь мы сформулировали главные задачи данного исследования:

- изучить прагматические особенности китайского языка в выборе стратегии просьбы;
- рассмотреть особенности китайского языка в речевой ситуации просьбы с позиции вежливой коммуникации;
- выяснить каким образом тактики вежливости эксплицируются в речевом жанре просьбы китайского языка.

Далее в качестве исследовательского корпуса был выбран опросник, представленный в форме диалогов с открытыми вариантами ответа, которые представляют собой шесть разных коммуникативных ситуаций, встречающихся в сфере повседневно-бытового, частного общения. Разработанные кейсы можно разделить на три типа в зависимости от социальной дистанции и степени формальности/неформальности отношений:

- просьба в ситуации общения равных, знакомых людей;
- просьба, адресованная равному по статусу, но не знакомому человеку;
- просьба, обращенная к знакомому, но не равному по статусу собеседнику.

Согласно данной типологии по первому типу можно охарактеризовать событийную структуру таких ситуаций как общение между супругами, когда они договариваются о том, кто встретит ребенка из школы, диалог между соседями, в котором один собирается уехать в отпуск и просит другого поливать цветы, а также обращение присмотреть за питомцем пока друга не будет в городе. Ко второму относится кейс на самолете, когда беседуют незнакомые люди, сидящие рядом. Здесь предполагается, что раз коммуниканты сидят в одном пассажирском классе, то по статусу они примерно равны. Последний тип по описанию близок к диалогу между матерью и ребенком, людьми родными, но обладающими разными семейными статусами, а также включает в себя случай в офисе, когда сотрудник, назначенный ответственным за проект напоминает своему коллеге, что нужно сдавать свою часть проекта. Учитывая тот факт, что у одного работника больше полномочий, эту ситуацию следует рассматривать в ролевой модели начальник–подчиненный.

От респондентов требовалось дополнить текст репликами, опираясь на готовые вопросы или ответы в смоделированных речевых актах просьбы. Онлайн опрос был размещен на платформах Google и Wechat, в общей сложности в нем приняли участие 59 носителей китайского языка, среди которых 75% — женщины и 25% — мужчины. Автор сначала отобрал в корпусе все запросные речевые акты, всего 236, а затем проанализировал и классифицировал отобранную запросную речь. На основе проведенного эксперимента были полученные следующие результаты.

Прямые РА: императивные высказывания. Как отмечалось выше со ссылкой на китайских ученых, в китайской межличностной коммуникации императив — основной способ выражения просьбы (Lee Wong 1994). Разговорная речь отличается лаконичностью и минимальным использованием средств, усиливающих учтивость и вежливость высказывания. Так, в первом сценарии респонденты должны представить себе ситуацию, в которой мать просит ребенка пойти за хлебом в магазин, предложив свой вариант того, что она должна сказать в этом случае. Среди всех рассмотренных ответов, императивное высказывание “你去买吧” («Давай ты (сходишь и) купишь») — наиболее часто используемая форма воплощение просьбы, при этом благодаря частице «吧» фраза звучит не как приказ, а предложение совершить определенное действие.

В ситуации диалога между мужем и женой, многие респонденты в качестве ответа равным образом выбрали императивную форму как средство выражения просьбы: “你去接一下孩子吧” («Давай ты заберешь ребенка (из школы)»). Адресанты также говорят напрямую и используют минимальное количество маркеров вежливости. Сниженно-вежливая просьба с одной стороны объясняется семейными связями, ведь между людьми близкими, родными в китайской культуре должно быть меньше демонстрации вежливости, тем более показной, а с другой причиной является очень короткая социальная дистанция.

Для усиления перлокутивного эффекта, в рассмотренных нами прямых РА используют-

ся такие вспомогательные модификаторы вежливости, как уменьшительно-ласкательное обращение 宝贝 «детка», 乖女儿 «доченька» и квантификаторы степени со значением «немного, слегка» (一下、一些、一点、稍微), которые служат для нивелирования затраченных усилий и ресурсов в глазах адресата в случае реализации просьбы.

Рассматривая более развернутые варианты побудительных типов РА, мы обнаружили, что некоторые опрошенные использовали тактику выгодного для собеседника предложения, в результате чего тот получает какую-то личную выгоду, реализуя запрос: 你自己去楼下超市整点儿吧, 顺便带点果酱回来, 回来多给你点跑路费 («Сходи в магазин прямо у дома, заодно купи джема, как вернешься дам тебе денег «за доставку»»). Благодаря этому способу возрастают шансы на эффективную и успешную реализацию коммуникативной цели, а запрос становится более гибким и не ультимативным, тем самым с ребенком обращаются не категориями указаний, приказов, а договариваясь с ним, что положительно влияет и на межличностные отношения между родителями и детьми.

Косвенные РА: вопросительные высказывания. В китайской коммуникативной культуре просьба может также передаваться косвенно – вопросительными высказываниями, которые отличаются обширным спектром вариативных форм. Среди них, к примеру, вопросы о возможности адресата воплотить просьбу, при этом адресант делает акцент на действии адресата и его желании помочь, поэтому их также называют объектно-ориентированными.

В китайском языке они обычно оформляются при помощи таких модальных глаголов как 可以 и 能 со значение «мочь»: 你可以帮我去买一下嘛? («Можешь помочь мне и купить (хлеб)?») или как в коммуникативном событии, связанном с просьбой одного коллеги другого не затягивать с выполнением порученного задания: 小李你可以稍微快一点吗? («Сяо Ли, можешь поскорее (сдать отчет)?»).

Также, во время анализа языкового материала, выяснилось, что одной из самых частотных форм глаголов является утвердительно-отрицательная, например, в высказывании: 能不能麻烦您关小一点? («Могли бы вы немного убавить громкость?»). Примечательно, что в этом варианте, как и подавляющем большинстве других, адресат использует безличные формы просьбы: 可以关小一点吗? («Можно сделать (звук телефона) потише?») На основании этого, автор смеет предположить, что в контексте взаимодействия с незнакомыми людьми, когда ощущается социальная дистанция, говорящий проявляет осторожность, старается не «выкатывать», тем более не «тыкать» собеседнику в лицо его недостатками или неправильным поведением, которое вызывает дискомфорт у окружающих, тем самым выставляя адресанта не в самом выгодном свете, а в коллективистском обществе очень важно не только представление о себе как о «благородном муже», но и то, как ты выглядишь в глазах окружающих. Обезличенный вопрос позволяет сделать тон высказывания более вежливым и выполняет митигативную функцию в дискурсивном жанре просьба.

Чтобы получить желаемое адресанты прибегают к разным формам манипуляций, например, используют тактику «игра на повышение» — усиление значимости фигуры адресата: 你能充当小主人为家里买一些面包回来吗? — «Как насчет того, чтобы как настоящий хозяин дома купить немного хлеба своим домочадцам?». Здесь мама сознательно предлагает ребенку почувствовать себя в роли взрослого, добытчика семьи, тем самым апеллируя к потребности ребенка быть самостоятельным и независимым как старшие. Более того, учитывая, что для детей младшего возраста характерно копирование поведения старших, «проживание» их ролей в игровой форме, ребенок с энтузиазмом может откликнуться на такую просьбу и отнестись к ней как к интересной игре.

Помимо всего прочего в вопросительных высказываниях для того, чтобы запрос был более убедительным и достичь желаемого коммуникативного эффекта, в диалоговых ситуациях респонденты использовали тактику пояснения причины просьбы. Если рассмотреть своеобразное удлинение просьбы с позиции смягчения, такой способ весьма эффективен, так как с одной стороны позволяет адресанту склонить на свою сторону собеседника и повышает шанс получить желаемое, а с другой, у адресата появляется время «обработать запрос» и принять взвешенное решение: 可不可以稍微小点声, 我昨天没休息好想睡一会儿. — «Можно сделать звук потише? Я со вчерашнего дня не отдохнул, хотел бы выспаться»; 我有些担心它的安全, 可以请你帮我照顾它一段时间吗? — «Мне неспокойно оставлять кошку одну, можно попросить тебя позаботиться о ней какое-то время?»

Опираясь на рассмотренные нами примеры, можно заключить, что говорящие прибегают к манипуляции чувствами того, к кому просьба обращена: жалости, совести или желания быть хорошим для себя и для окружения, героем-спасителем, от решения которого зависит многое. Такой способ используется даже в утвердительных, императивных предложениях: 你是我最有责任心的朋友，帮帮我吧！ «Ты же мой самый надежный друг, спаси меня!»

Просящий сознательно преуменьшает количество затраченных усилий и ресурсов в глазах адресата путем редупликации глагола и использования разговорной лексико-грамматической конструкции «глагол+就行 (да и только(всё)/всего лишь)»: 能不能麻烦你帮我照看下这些花? 给他们浇浇水就行. — «Могу ли попросить тебя поухаживать за этими цветами? Немного полить, да и всё».

Еще одним примечательным средством воплотить свою интенцию является предварительное обещание ответить услугой за услугой или вознаградить за помощь. Рассмотрим следующие высказывания:

可以麻烦您帮我照顾一下猫咪吗，回来请您吃饭! — «Можно попросить тебя помочь мне и взять кота на передержку? С меня поход в ресторан по возвращению!»

能帮忙给我放外边的花浇水吗? 回来请你吃饭! — «Можешь помочь мне полить цветы, которые я оставил снаружи? С меня обед!»

О том, что концепт «еда» играет важную роль в жизни китайцев, пожалуй, известно не только китаистам, но и простым обывателям.

Приглашение на обед выполняет огромную социальную функцию: бизнес-переговоры, значимые события (свадьба, традиционные праздники, рождение детей и т.д.), повседневное общение — все крутится вокруг застолий. Совместная трапеза укрепляет и развивает социальные связи, а также является самым популярным средством «отплатить» другому за услугу, что наглядно видно в рассмотренных нами примерах речевых ситуаций просьбы.

Несмотря на то, что по сравнению с другими коммуникативными тактиками, вопросы с намеком используются реже, такой тип косвенных РА все-таки заслуживает особого внимания. Относительно конкретного кейса, — диалога между коллегами и с точки зрения межличностной коммуникации, в частности вежливой, использование намека является весьма эффективным средством:

是出现什么问题了吗?这边挺着急要的. — «Что-то пошло не так? У меня срочно просят отчет».

是遇到什么问题了吗? — «Есть какие-то проблемы (с подготовкой отчета)?»

Респонденты в данных высказываниях с одной стороны проявляют обеспокоенность о том, как продвигается работа у адресата, даже выражая какую-то эмпатию, с другой стороны косвенно намекая на то, что уже горят сроки сдачи работы, а это грозит недовольством начальства и срывом рабочего плана. Для того, чтобы не нанести урон лицу, чувству собственного достоинства коллеги, адресат сосредотачивает внимание не на возможном упущении

сотрудника, а на внешних обстоятельствах, которые могли помешать естественному ходу работы. Другими словами, использует иллокуцию X, чтобы выразить смысл Y не равный по значению X (Тахтарова С.С., 2010). Очевидно, что адресанта в первую очередь беспокоят не внешние причины, а стремление донести мысль о том, что выполнить работу к сроку является первоочередной задачей. Следует отметить, что в ситуации, когда нужно попросить что-то конкретное и получить внятный и вразумительный ответ, намек — не самая удачная тактика, что и объясняет тот факт, что среди обработанных ответов их доля наименьшая.

Отдельно были рассмотрены такие типы косвенных РА, как развернутые высказывания. Анализ результатов опроса показал, что респонденты нечасто прибегали к использованию развернутых высказываний для выражения просьбы. Это объясняется коммуникативным контекстом диалогов и разговорным дискурсом, в первую очередь компрессией языковых форм, поэтому подавляющее большинство высказываний имеют краткую, лаконичную форму. Обработка полученного языкового материала показала, что из всех имеющихся ответов, следующие варианты отличаются повышенной степенью вежливости и усложненностью форм:

你看, 你可不可以帮我看它几天呀, 猫粮什么的我都会准备好的, 就麻烦你帮我照看一下, 你看行不, 回来请你吃饭哈! — «Смотри сам, получится ли у тебя помочь мне и пару дней присмотреть за котом? Корм и все необходимое я приготовлю, только прошу

позаботиться о питомце! Согласен? Как вернуться, угощу тебя обедом!»

Здесь адресант, для того, чтобы проявить максимум такта и вежливости, расположить к себе адресата, использует обращение (вступительная этикетная формула) — 你看 («смотри сам»), запрос о возможности выполнить его просьбу- 你可不可以 («получится ли у тебя»), мотивировку — поясняет, что условия благоприятные созданы (говорящий сам заранее обеспечит кота кормом) и обещает вознаграждение за услугу.

我的花可怎么办? 你有时间来我家帮我交一下呗, 咱俩住这么近, 更何况你有我家钥匙. — «Как же мои цветочки? Когда у тебя будет время, можешь приходить ко мне поливать цветы? Мы живем очень близко, тем более у тебя есть ключи от моей квартиры».

Структура данного высказывания перекликается с предыдущим примером, единственно в роли вступительной части выступает риторический вопрос 我的花可怎么办? («Как же мои цветочки?»), который обращен к чувству сострадания собеседника, направлен на получение эмоционального отклика. Для убеждения говорящий стремится продемонстрировать насколько минимальны затраты энергии и ресурсов со стороны того, к кому просьба обращена.

Рассмотрим еще один пример:

我担心它自己在家会害怕, 如果你方便的话, 能不能帮我照顾一下 — «Боюсь, что кошке будет страшно одной дома, если тебе удобно, сможешь помочь мне присмотреть за ней?»

Для того, чтобы продемонстрировать уважение к адресату, укрепить его положительный имидж, лицо, сделать просьбу более деликатной, адресант пускает в ход сразу несколько тактик: вопрос о трудностях адресата (如果你方便的话 «если тебе удобно») и возможности выполнить просьбу (能不能 «сможешь»), а также обоснование мотивации обращения (беспокойство за питомца, который может остаться без присмотра). В этих средствах прослеживается и митигативный эффект.

有点打扰到我休息了, 麻烦您调小一点声音或者您也可以使用蓝牙耳机。 — «Вы мне немного мешаете, прошу вас сделать звук потише, либо воспользоваться беспроводными наушниками».

Примечательно, что в оригинальном высказывании, респондент, объясняя причину обращения, использует обезличенную форму, чтобы звучать более вежливо и избежать конфликта, а также не навредить «лицу» и чувству собственного достоинства адресанта. Более того, адресат предлагает альтернативный способ уладить вопрос, демонстрируя заинтересованность в том, чтобы и собеседнику было комфортно так, чтобы он мог продолжать использовать телефон с минимальными потерями и максимальным комфортом для себя. «Видимое сотрудничество» повышает вероятность получить положительный ответ и то, что другая сторона пойдет на компромисс.

妈妈给你五块钱下楼去买, 剩下的当零花钱, 好不好? — «Мама даст тебе пять юаней, а ты сходи в магазин, сдачу потрать на себя, хорошо?»

В данном примере мама предлагает ребенку выгодные для исполнения просьбы условия, а также пускает в ход такое средство как подтверждение его согласия (好不好 «хорошо?»), при этом повышая опциональность обращения, давая адресанту ощущение, что у того есть свободный выбор согласиться либо отказаться от предложения.

Как отмечают другие исследователи, «развернутые высказывания отличаются повышенной вежливостью и в большей степени характерны для официального стиля речи, т. е. для формальной вежливости» (Ларина Т.В. 2009, 345). Это и объясняет тот факт, что среди опрошенных развернутые высказывания были наименее популярным средством обращения с просьбой.

Отталкиваясь от идеи о том, что выбор средств, тактик и форм выражения просьбы зависит от конкретной коммуникативной ситуации, социального статуса, степени формальности отношений, цели обращения и др. факторов обоснованно рассмотреть использование прямых и косвенных речевых актов не только в качественном, но и количественном аспекте:

Таблица 1.

Table 1.

В основу сюжета коммуникативного сценария здесь вошел диалог между матерью и ребенком. Учитывая тот факт, что отношения между коммуникантами близкие, при этом по семейному статусу положение мамы выше, то в данной ситуации императивные высказывания превалируют над другими, отличаясь краткостью и минимальным использованием митигативных средств. При этом, во многих ответах была использована тактика обещания

вознаграждения, что делает общий побудительный фон более позитивным и менее ультимативным. В категорию другое было решено отнести высказывания-намеки, а также те, которые по характеристикам соответствуют конфликтному дискурсу. Например, ответ респондента “你自己不会去?” («Разве ты сам не можешь сходить (за хлебом)?»). В данном вопросе прослеживаются открытое недовольство и укор ребенку.

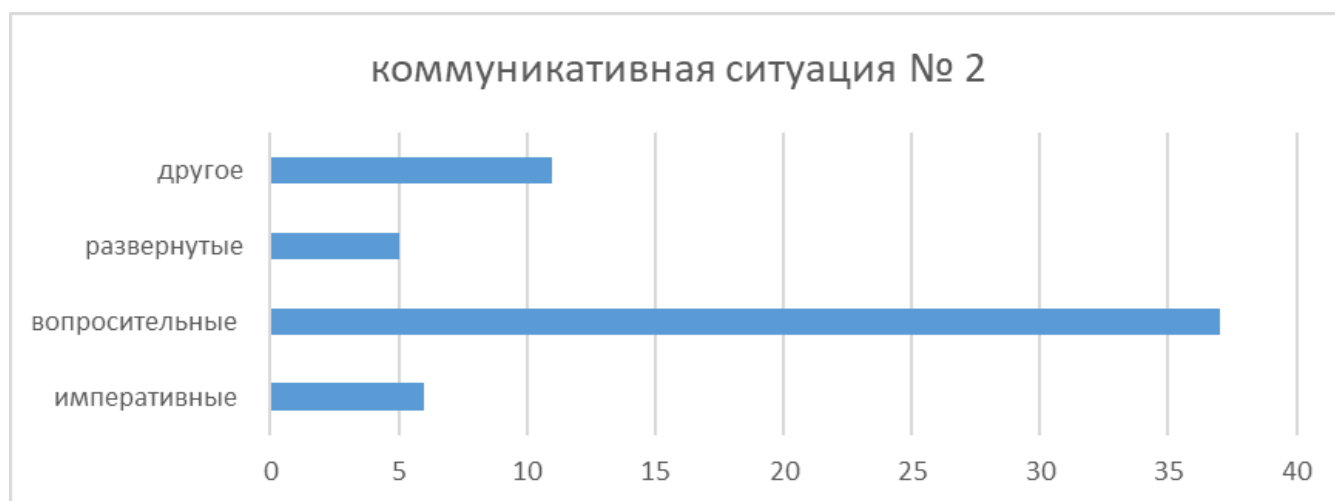

Таблица 2.

Table 2.

Опираясь на результаты данной диаграммы, можно заключить, что в ситуации общения с незнакомыми при этом равными по статусу людьми, коммуниканты склонны использовать вопросительные формы обращения с просьбой. Отличались эти вопросы тем, что большая часть респондентов использовали объяснения причины обращения, можно сказать вызывая к сочувствию и чувству общности. С одной стороны, делалась отсылка на усталость,

а с другой напоминание о том, что громкий звук телефона мешает окружающим в самолете. Другой особенностью просьб в данной ситуации можно считать использование безличных форм предложений в той части высказывания, где говорящий указывает на то, что собеседник громко слушает музыку на телефоне, не актуализируя тот факт, что именно тот, к которому просьба обращена доставляет дискомфорт окружающим.

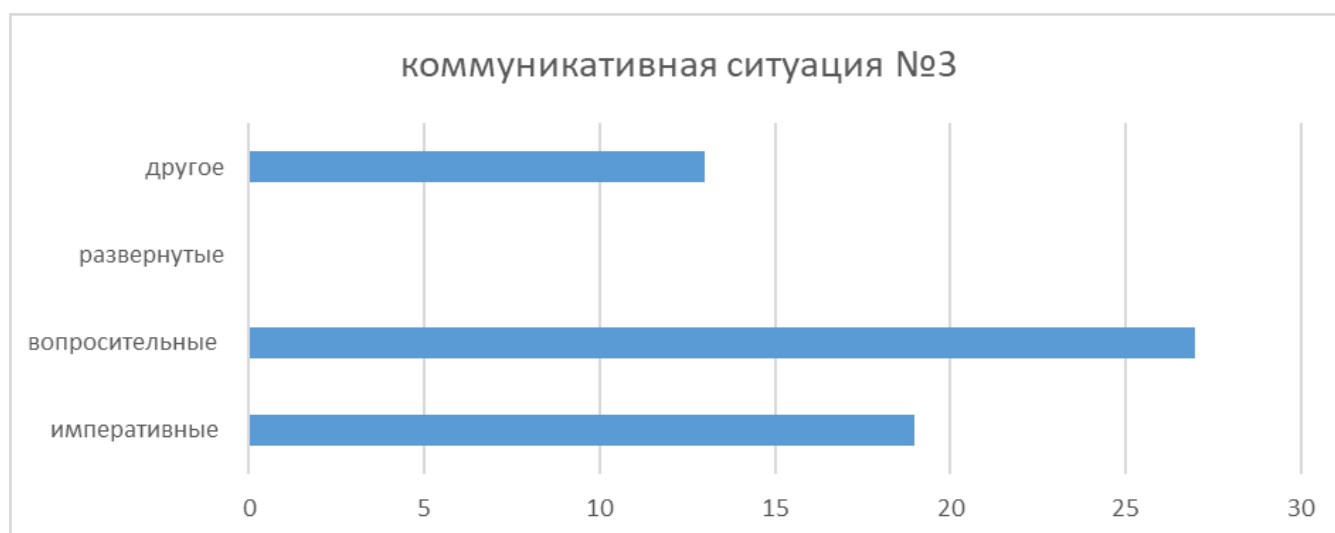

Таблица 3.

Table 3.

Анализируя таблицу, следует отметить, хоть в диалоге между женой и мужем преобладают вопросительные формы обращения с просьбой (27 ответов), при этом частота использования императивных высказываний не меньше (19 ответов). Это объясняется близкими, неформальными отношениями, а также одинаковым статусом супругов. Интересно, что среди ответов некоторых опрошенных были предложены такие варианты, как использование намека: жена не просила открыто мужа забрать ребенка из школы, она сообщала

о том, что у нее есть вполне веская причина (совещание, поход к врачу, необходимость задержаться на работе) и нет времени. В связи с этим, можно предположить, что китайской межличностной коммуникации свойственно использование намека, это настолько обыденно, что адресант может не беспокоиться о том, что собеседник не сможет уловить истинного послания, которое кроется за сказанными словами.

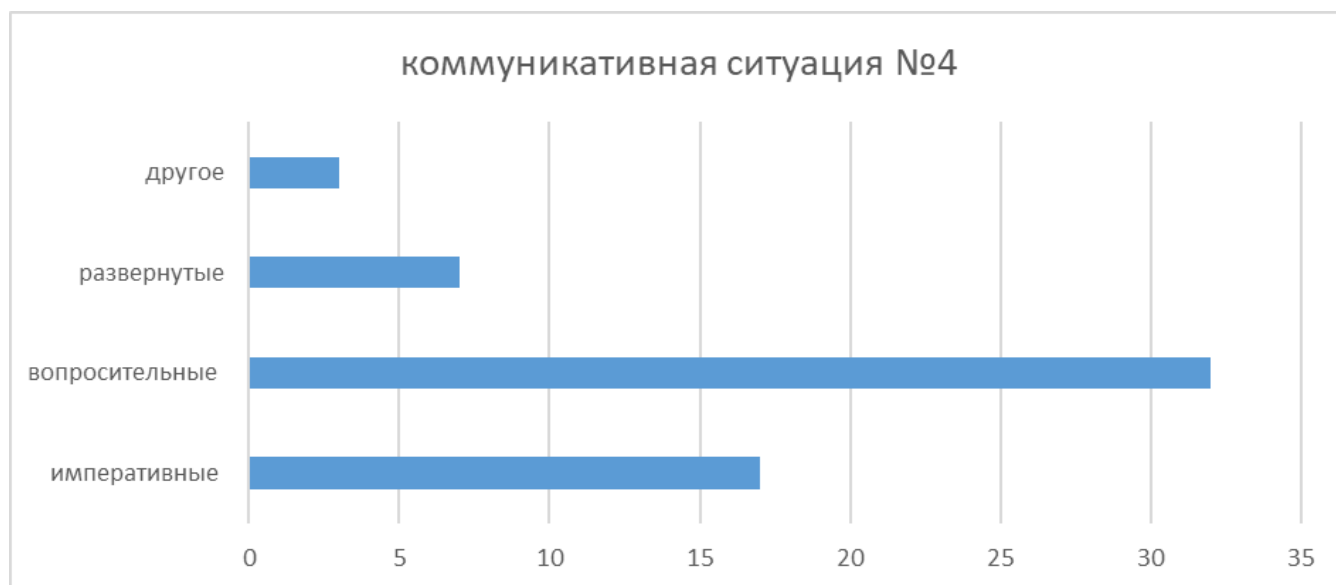

Таблица 4.

В ситуации, когда необходимо попросить соседа/соседку о такой услуге, как поливать цветы, пока просящий будет в отъезде, вопросительные способы выражения просьбы также наиболее актуальны. Как и в других рассмотренных кейсах вопрос строится по такому сценарию, что адресант сначала уточняет возможность исполнения просьбы, а потом озвучивает ее. Для того, чтобы достичь успеха в реализации коммуникативной цели и расположить к себе адресанта, респонденты в своих ответах использовали различные минимизаторы, которые создавали ощущение того, что просьба

Table 4.

сама по себе простая и не отнимет у собеседника много времени и сил. Примечательно, среди многочисленных ответов выделяется шуточное восклицание “花就交给你啦!” («Цветы оставляю на твое попечение!») Вряд ли такие слова можно сказать с серьезной или даже торжественной интонацией. Одна из коммуникативных функций юмора — разрядить обстановку, настроить собеседника на позитивный лад. Также и здесь, шуточный тон нацелен на то, чтобы вызвать у адресата положительные эмоции и получить утвердительный ответ.

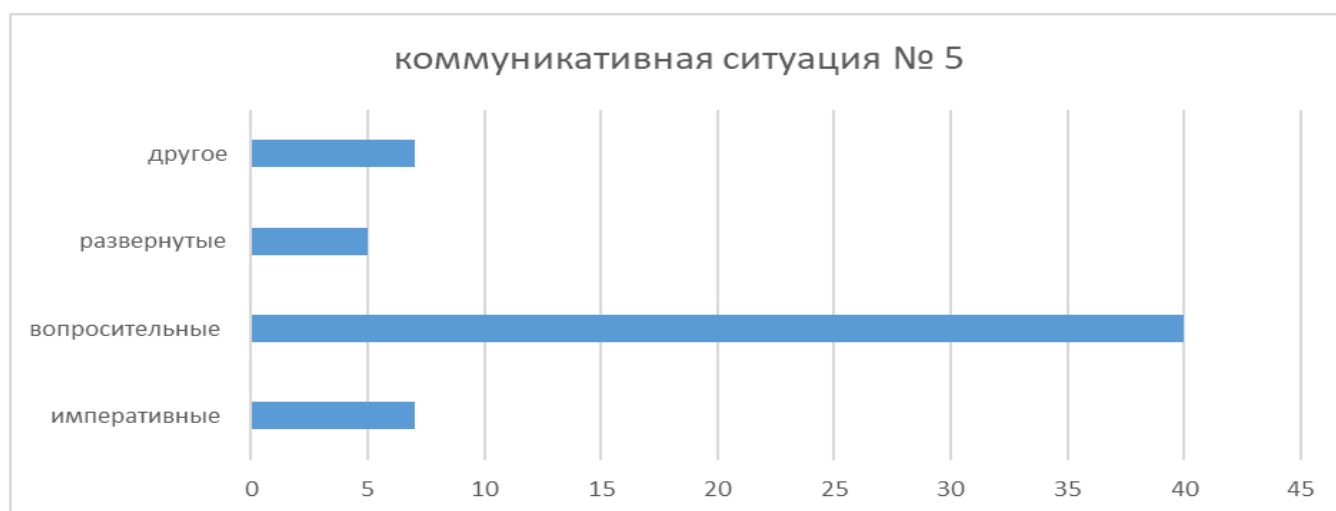

Таблица 5.

Table 5.

Суть данной коммуникативной ситуации перекликается с предыдущей. Диалог происходит между равными по статусу и знакомыми людьми. Один друг просит другого позаботить-

ся о его питомце пока того не будет в городе. Большая часть ответов также состоит из вопросительных высказываний.

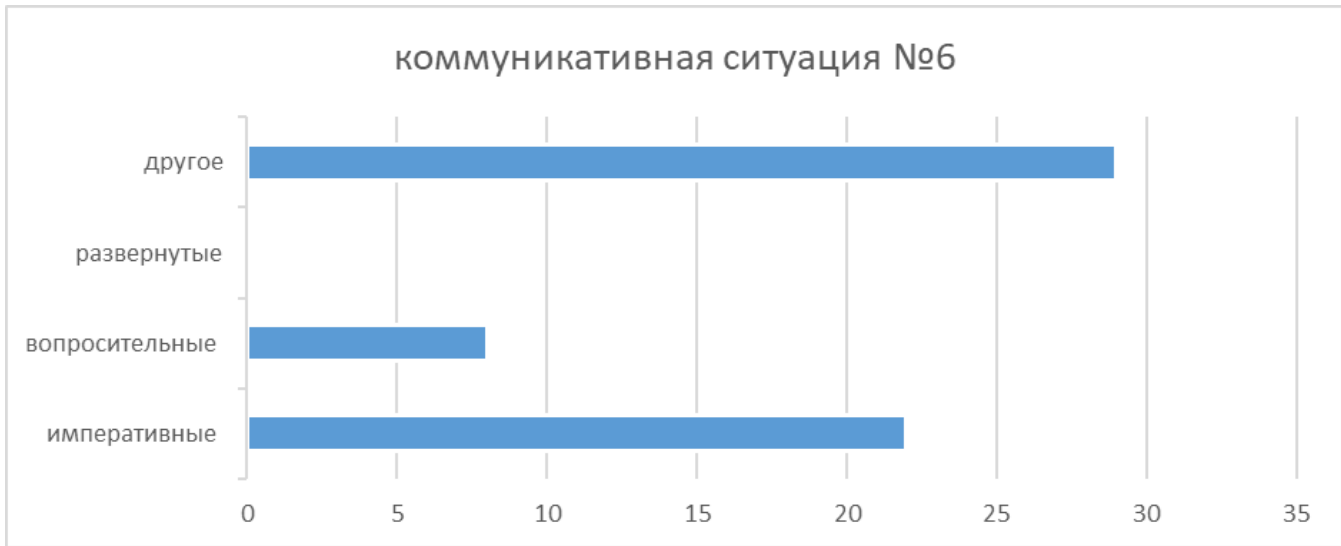

Таблица 6.

Table 6.

Последний кейс посвящен диалогу между двумя коллегами, причем один из них, отвечающий за ход общего проекта, требует от другого как можно скорее сдать отчет. Опираясь на данные диаграммы, можно отметить, что она во многом отличается от предыдущих. Здесь большинство опрошенных выбрали намек или наоборот прямое предупреждение в качестве средства выражения просьбы и императивные высказывания. Можно предположить, что это связано со спецификой самой коммуникативной ситуации, а также особенностью формального, корпоративного общения в Китае. В данном случае мы скорее имеем дело не с просьбой в ее чистом виде, а скорее с вежливой формой требования выполнить рабочую задачу. Это объясняет то, что во многих ответах была ис-

пользована тактика прогнозирования, граничащая с утешением адресанта: “再拖下去，任务就完不成了” — «Если так дальше оттягивать, проект не будет закончен». Или такой пример: “要不咱们别交了” — «Может, нам вообще не сдавать (проект)». В противовес данному типу высказываний выступает тактика «игра на повышение», когда говорящий использует подбадривающие слова для того, чтобы замотивировать адресанта лучше работать и сдать отчет как можно скорее (“亲爱的你加油哦!” — «Дружище, давай, вперед!»). Возвращаясь к использованию намеков, то здесь большинство из них похожи по содержанию. В них адресат уточняет, когда будет сдана работа. Данный вопрос служит для поддержания лица, имиджа. Здесь возможны два сценария: говорящий не

просто уточняет сроки, он пытается не показывать, что в какой-то степени зависит от другого коллеги, что сохраняет его лицо, при этом адресант заботится и о лице адресата, ведь на того не давят требованиями как можно скорее отчитаться по работе, не указывают на его промахи в работе.

Рассматривая картину целиком, можно заключить, что в китайском коммуникативном дискурсе в ситуации просьбы превалируют косвенные РА. Это касается повседневного, бытового взаимодействия. Даже если не брать во внимание развернутые высказывания, которые мы выделили в отдельную группу, которые имеют форму вопроса и относятся к косвенным средствам выражения. Для всех вариантов ответов свойственно использование средств митигации, вежливой коммуникации, степень выражения которой при этом варьируется от сниженной, нейтральной до повышенно-вежливой просьбы.

Так, китайцы чаще предпочитают использование вопросительных форм обращений, используя различные маркеры вежливости и тактику уточнения о возможности обратиться к собеседнику с просьбой.

Выводы

В рамках данного исследования были рассмотрены речевые ситуации просьбы, которые разворачивались в повседневных, бытовых ситуациях. Была сделана попытка подсветить разные грани межличностных отношений: от дружеских, родственных, заканчивая коммуникацией между коллегами и совершенно незна-

комыми людьми в общественном месте. В результате удалось прийти к следующим выводам относительно просьбы в китайском языке сводятся к следующему:

– для актуализации вежливых отношений между коммуникантами и снижения категоричности высказывания в китайском языке существует богатый и разнообразный пласт языковых формул, среди которых: маркеры вежливости «пожалуйста» — 请, «простите» — 麻烦, «хотелось бы, надеюсь» — 希望, «спасибо» 谢谢, уменьшительно-ласкательные обращения 宝贝、宝宝 («детка, дорогой»), 哈尼 («honeу», «дорогой»), ты/вы форма 你、您, в том числе и минимизаторы, которые служат для убеждения оппонента путем преуменьшения затрат в глазах адресата (几、一点、有点、一些、一下、稍微 — «немного, слегка, чуть-чуть»);

– для выражения просьбы коммуниканты в китайском языке используют прямые и косвенные РА, при чем последние в количественном отношении превалируют. В вопросительных формах выражения как правило актуализируются следующие стратегии и правила: выражаться косвенно, задавать вопрос (выяснить, может ли адресат воплотить просьбу), предлагать выбор или выгодные условия «коммуникативной сделки»;

– для того, чтобы звучать более вежливо, расположить к себе собеседника, в некоторых случаях используются развернутые высказывания, которые не только длиннее чем обычный вопрос, они также отличаются большим разнообразием митигативных средств;

– как и предполагалось, помимо таких факторов как социальный статус, уровень формальности отношений, важным аспектом является степень угрозы лицу адресанта и адресата. Так, чем выше угроза лицу (например, необходимо прилюдно сделать замечание незнакомому человеку, призвать к ответственности коллегу, который задерживается со сдачей своего рабочего задания и др.), тем выше самоконтроль коммуникантов и тем больше митигативных средств они используют в своей речи.

Примечательно, что среди вежливых форм ответов, предложенных респондентами, есть высказывания, которые относятся скорее к конфликтному дискурсу. Использование таких средств построения коммуникации можно объясняться индивидуальным стилем общения, либо завышенной уверенностью в своем авторитете и власти.

Ввиду специфики собранного языкового материала, предложенные варианты ответа были менее спонтанные, а респонденты более избирательны к языковым средствам, автор все же надеется на то, что выводы, полученные благодаря анализу опросников, будут полезны для исследования явления митигации в китайскоязычном дискурсе, а также могут послужить подспорьем в изучении различных аспектов ситуации выражения просьбы в современном китайском языке.

Список источников

1. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. М.: Русский язык, 2002.
2. Алексеева А. В. Характеристика речевого

жанра просьбы: прагматическая и коммуникативная специфика (на материале региональных документов). Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. Т.2. С. 117-124

3. Зайкова И.В., Пензева Е. П. Роль имперфекта в речевой тактике просьбы. Вестник ИрГТУ. 2013. Т.7 (78). С. 10-14
4. Назари Фатеме Средства выражения приказа и просьбы в русском языке. Преподаватель XXI век. 2010. Т.4. С. 314-318
5. Славнейшева Е. В. Обучение речеповеденческой тактике выражения просьбы в курсе русского языка как иностранного. Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. Т.67. С. 459-462
6. Тахтарова С.С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивнодискурсивный и этнокультурный аспекты): Дисс. ... доктора филологических наук. Волгоград, 2010.
7. Которова Е. Г. Модель речевого поведения «Просьба» в русском и немецком языках: сопоставительное исследование. Жанры речи. 2016; Т.1 (13). С. 12-19
8. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации Издательство: Языки славянских культур, 2009 г.
9. Румянцева Е.В. Функционирование высказываний со значением просьбы в русском языке. Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота.2013. Т. 9 (27) С. 169-172.
10. Чжан Сяоцзе, Ван Сяотун (张绍杰, 王晓彤) Сопоставительное исследование речевого поведения в ситуации просьбы. («请求»言语行为的对比研究) Современные иностранные языки. 1997. С.65-74 (на кит.яз.)

11. Lee Wong. Imperatives in requests: direct or impolite – Observations from Chinese. *Pragmatics*. 1994. Vol. 4. pp. 491-515.
12. Жэнь Вэй (任伟) Прагматические исследования речевой ситуации просьбы в китайском языке. (汉语请求言语行为的变异语用学研究) Журнал Шанхайского университета иностранных языков. Иностранные языки. 2018. С. 66-75 (на кит.яз.)
13. Чень Синьжэнь (陈新仁). Об исследованиях лексики в прагматическом аспекте персональной идентичности (语用身份论指导下的词汇语用学研究) Исследования английского языка. 2019. С. 23-33. (на кит.яз.)
14. Дж. Р. Серль *Философия языка*. М: Едиториал УРСС, 2010.
15. Brown R., Levinson S. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge. 1978. pp. 28-30
16. Ting-Toomey S. *The Matrix of Face: An Updated Face-Negotiation Theory*. Sage Encyclopedia of Intercultural Competence, Volume 1. 2005. pp. 325-330.
4. Nazari Fateme Means of expressing orders and requests in Russian. *Teacher of the 21st century*. 2010. V.4. pp.314-318 (in Russ.)
5. Slavneysheva E.V. Teaching speech-behavioral tactics of expressing a request in the course of Russian as a foreign language. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences* 2008. V.67. pp.459-462 (in Russ.)
6. Takhtarova S.S. Category of communicative softening (cognitive-discursive and ethno-cultural aspects). doctor's thesis. Volgograd, 2010. 430 p. (in Russ.)
7. Kotorova E. G. Model of speech behavior "Request" in Russian and German languages: a comparative study. *Zhany rech.* 2016. V.1 (13). pp. 12-19 (in Russ.)
8. Larina T.V. Category of politeness and style of communication Publisher: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2009 354p. (in Russ.)
9. Rumyantseva E.V. Functioning of statements with the meaning of a request in Russian. *Philological Sciences. Questions of theory and practice* Tambov: Gramota. 2013. V. 9 (27) pp. 169-172. (in Russ.)
10. Zhang Xiaojie, Wang Xiaotong A Comparative Study of Speech Behavior in a Request Situation. *Modern foreign languages*. 1997. pp.65-74 (in Chin.)
11. Lee Wong. Imperatives in requests: direct or impolite – Observations from Chinese. *Pragmatics*. 1994. Vol.4. pp.491-515.
12. Ren Wei Pragmatic studies of the speech sit-

References

1. Formanovskaya N. I. Russian speech etiquette: normative socio-cultural context. М.: Russkij yazyk, 2002. (in Russ.)
2. Alekseeva A. V. Characteristics of the speech genre of the request: pragmatic and communicative specificity (based on regional documents). *Questions of cognitive linguistics*. 2009. V.2. pp.117-124 (in Russ.)
3. Zaikova I.V., Penzeva E.P. The role of the im-

- uation of request in Chinese. Journal of the Shanghai University of Foreign Studies. Foreign languages. 2018. P.66-75 (in Chin.)
13. Chen Xinren On the Study of Vocabulary in the Pragmatic Aspect of Personal Identity English Language Studies. 2019.pp. 23-33. (in Chin.)
 14. Searle J.R. Philosophy of language. M: Editorial URSS, 2010. (in Russ.)
 15. Brown R., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge. 1978. pp. 28-30
 16. Ting-Toomey S. The Matrix of Face: An Updated Face-Negotiation Theory. Sage Encyclopedia of Intercultural Competence, Volume 1. 2005. pp. 325-330.
 17. Watts R. J. Politeness. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
 18. Van Dijk T. A. Principles of critical discourse analysis. Discourse and Society. Vol. 4, N 2. 1993. pp. 249-283.
 19. Oleshkova A.M. Critical discourse analysis in the tradition of Norman Fairclough: socio-philosophical aspect. MNIZH. 2020. V.6. pp. 257-265 (in Russ.)
 20. Bastun E.V., Ostrovskaya T.A. Conversion analysis as a method of discourse analysis. Political linguistics. 2020. V.4 (82). pp. 40-46.

Информация об авторе

Мирзиева Лейсан Рифхатовна,

Старший преподаватель кафедры алтаистики и китаеведения

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Г. Казань ул. Пушкина 1/55

ch_leisang@mail.ru

Information about the author

Mirzieva Leysan Rifkhatovna,

Senior Lecturer of the Department of Altaistics and Sinology

Kazan (Volga Region) Federal University

G. Kazan st. Pushkin 1/55

ch_leisang@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.01.2023

Одобрена после рецензирования: 10.02.2023

Принята к публикации: 15.03.2023

Information about the article

The article was submitted: 25.01.2023

Approved after reviewing: 10.01.2023

Accepted for publication: 15.03.2023

**Semantic analysis of verbs in Russian media reports based
on corpus theory – Case study of three types of incident reports in China**

**Семантический анализ глаголов в репортажах российских СМИ
на основе корпусной теории — на примере трех типов отчетов
об инцидентах в Китае**

基于语料库的俄媒转述动词语义分析

——以中国三类事件报道为例

Сяо Жоу¹, Ли Ся²

¹магистрант

²научный руководитель, младший научный
сотрудник

Xiao Rou¹, Li Xia²

¹master

²master tutor, associate researcher

肖柔¹ 李侠²

¹硕士

²硕士研究生导师，副研究员

УДК 811.161.1 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-1-2023-53-72](https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2023-53-72)

АННОТАЦИЯ

В данной статье используется метод корпусного лингвистического анализа для исследования частотности и распределения различных глаголов-сообщений в трех типах новостных сообщений в Китае в современных российских СМИ, а также для определения семантических компонентов и семантических моделей высокочастотных глаголов-сообщений в новостных сообщениях. В ходе проведения анализа, выявления различий в их семантических характеристиках глаголов, объединения

ABSTRACT

Abstract. This article uses the method of corpus linguistic analysis to study the frequency and distribution of various message verbs in three types of news messages in China in modern Russian media, as well as to determine the semantic components and semantic models of high-frequency message verbs in news reports. In the course of the analysis, identifying differences in their semantic characteristics of verbs, combining the functions of prediction in the text, the ways in which the media form and disseminate their opin-

функций предсказания в тексте, анализируются способы, которыми средства массовой информации формируют и распространяют свое мнение на лексическом уровне.

Ключевые слова: сводки новостей, корпусная лингвистика, глаголы-сообщения, семантические компоненты.

Грантовая поддержка: Данная статья является крупным проектом Ключевой исследовательской базы Министерства образования по гуманитарным и социальным наукам «Аплиянская лингвистическая теория и исследование семантического синтаксиса современного китайского языка» (проект №: 17JJD740005); результаты родственной теории категорий толкования словаря и исследования моделирования толкования китайского словаря (17YYE420).

Для цитирования: Сяо Жоу, Ли Ся. Семантический анализ глаголов в репортажах российских СМИ на основе корпусной теории – на примере трех типов отчетов об инцидентах в Китае. *Современные востоковедческие исследования*. 2023; Том 5 (1). (на кит.яз.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2023-53-72>

摘要. 本文采用语料库语言学分析方法, 考察最近一段时间俄罗斯主流媒体对中国三类新闻报道中各类转述动词的频数、分布等情况, 对新闻报道中的高频转述动词进行语义成分和语义模式分析, 阐明其语义特征差异; 并结合其预示、支配语篇意义的语用功能, 从词汇使用层面来分析媒体塑造、传播其观点的方式。

关键词: 新闻报道, 语料库语言学, 转述动词, 语义成分

ion at the lexical level are analyzed.

Keywords: *news* reports, corpus linguistics, reporting verbs, semantic components

Acknowledgement: This article is a major project of the Ministry of Education's Humanities and Social Sciences Key Research Base "Aplyian Linguistic Theory and Modern Chinese Semantic Syntax Research" (Project No.: 17JJD740005); Heilongjiang Philosophy and Social Science Research Planning Project "Russian Linguist Apply Phased results of the related dictionary interpretation category theory and Chinese dictionary interpretation modeling research (17YYE420).

For citation: Xiao Rou, Li Xia. Semantic analysis of verbs in Russian media reports based on corpus theory – Case study of three types of incident reports in China. *Modern Oriental Studies*. 2023; Volume 5 (1). (In Chin.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2023-53-72>

致谢: 本文系教育部人文社会科学重点研究基地重大项目“阿俄罗斯语言学家阿普列相词典释义类别理论与汉语词典释义模式化研究（17YYE420）”的阶段性成果。普列相语言学理论与现代汉语语义句法研究”（项目编号：17JJD740005）；黑龙江省哲学社会科学研究规划项目“

引证: 肖柔, 李侠. 基于语料库的俄媒转述动词语义分析——以中国三类事件报道为例. *现代东方学*. 2023. No. 5(1).

引言

新闻报道的基本要求是真实性与客观性，但其形成是报道者对客观事实进行的主观传达，不可避免地会表达符合自身利益及自己对客观事件的观点及态度等。这其中言语转述发挥着重要作用，而转述动词是构成言语转述的重要手段：一方面转述动词将被转述者的论断引入语篇，体现了报道真实性和客观性的特征；另一个方面，通过转述动词可以表达转述者对被转述者及其论断的态度、观点和评价。本文以三类新闻报道为语料，采用语料库语言学分析方法，考察最近一段时间俄罗斯主流媒体对中国重大新闻事件报道中各类转述动词的频数、分布等情况，继而对新闻报道中的高频转述动词语义特征和语义特征模式进行分析，发现转述动词语义特征差异；并结合其预示、支配语篇意义的语用功能，从词汇层面来分析媒体塑造、传播其观点的方式。

转述动词

西方语言学从20世纪70年代开始大规模的新闻语篇转述言语的分析研究，目前关于转述言语研究主要体现在文体结构特征、认知分析、语用与语篇功能、符号语言学阐释等层面（Vandelanotte 2009, Harry 2014, 辛斌、高小丽2018, 刘晓华 2011）。国内对新闻言语的研究仍然把重点放在“语境”方面，对言语转述在新闻报道中的形式与功能的研究较少（辛斌2007）。转述动词是言语转述的重要组成部分。转述动词用来转述他人的言语或观点，构成转述最直接的交际语境，具有预示和支配语篇意义的语用功能（唐青叶 2004）。它还“传达说话者或报道者对声明的立场，具有预测或调节含义的功能。这类动词具有评价性，是读者如何理解说话者声明的关键。”（Bell 1991:207）

现代语言学中，关于转述动词分类界限并不明显，转述动词分类更多地取决于研究的对象和目

的，因语篇类型的不同而有不同，对它们的研究应建立在具体的语篇和语境上（辛斌2008）。对其研究主要集中在学术语篇和新闻语篇，M. L. Geis（1987）把新闻语篇中一些常用的转述动词，依据其可能引起的情感反应分为积极和消极两类。G. Thompson & Y. Ye（1991）面向学术语篇，他认为从被转述者角度每个转述动词都有符号和评价两层意义：符号意义层面，转述动词可分为话语、心理和研究性转述动词，而话语表意动词中存在一类表示被转述者的言语行为的动词；评价意义层面，转述动词可分为积极、中性和消极转述动词。之后学者基本延续了他的分类方法，只是在术语使用和细致程度上有所区别，例如K. Hyland（1999）从评价意义层面区分出积极、中性和消极及试探性转述动词，辛斌、高小丽（2018）从转述过程特征区分出言语、心理和言语行为转述动词。本文结合Hyland（1999）和Thompson & Ye（1991）等学者的分类方式，多角度考察转述动词的语义特征，以此分析媒体转述言语塑造其观点的方式。

转述动词的语义分析

3.1 高频转述动词的提取

本文选取《俄罗斯报》中有关中国三类新闻报道为语料进行数据分析：1）公共卫生事件：新冠疫情；2）体育事件：2022年北京冬奥会；3）政治事件：2022年佩罗西访台事件。选取理由如下：以新冠疫情为代表的公共卫生事件近年来一直贯穿在大众生活中，对人民生活产生重大、持续影响；而以2022年北京冬奥会为代表的体育事件和以2022年佩罗西访台事件为代表的政治事件具有时效性以及在全球产生了广泛的影响，后者该政治事件更是引起了国际舆论的轩然大波。

具体做法如下：手动删除标题、日期等部分，只留下正文，公共卫生事件报道选取时间跨度为2020年3月到2021年10月；其余两类事件新闻报

道选取时间为发生日期至今。自建两个语料库,《人民日报》75 篇,共计12041字;《俄罗斯报》35篇,共计12005字;用词频检索软件AntConc统计两个语料库中的转述动词,其中不同形式的动词统一标记为原形;检索两大报纸中相关新闻报道中的10个高频词以及频次,并对此进行语义分析,提取词汇使用上的突出特征。

类符形符比(TTR=type/token ration)指的是特定文本中使用的不同词项(类符)总数和文本中所有词项(形符)总数的比值,是测量词汇多样性最普遍使用的一种方法。统计结果如表1所示:

引言

新闻报道的基本要求是真实性与客观性,但其形成是报道者对客观事实进行的主观传达,不可避免地会表达符合自身利益及自己对客观事件的观点及态度等。这其中言语转述发挥着重要作用,而转述动词是构成言语转述的重要手段:一方面转述动词将被转述者的论断引入语篇,体现了报道真实性和客观性的特征;另一个方面,通过转述动词可以表达转述者对被转述者及其论断的态度、观点和评价。本文以三类新闻报道为语料,采用语料库语言学分析方法,考察最近一段时间俄罗斯主流媒体对中国重大新闻事件报道中各类转述动词的频数、分布等情况,继而对新闻报道中的高频转述动词语义特征和语义特征模式进行分析,发现转述动词语义特征差异;并结合其预示、支配语篇意义的语用功能,从词汇层面来分析媒体塑造、传播其观点的方式。

转述动词

西方语言学从20世纪70年代开始大规模的新闻语篇转述言语的分析研究,目前关于转述言语研究主要体现在文体结构特征、认知分析、语用与语篇功能、符号语言学阐释等层面(Vandelanotte 2009, Harry 2014, 辛斌、高小丽2018, 刘晓华 2011)。国内对新闻言语的研究

仍然把重点放在“语境”方面,对言语转述在新闻报道中的形式与功能的研究较少(辛斌2007)。转述动词是言语转述的重要组成部分。转述动词用来转述他人的言语或观点,构成转述最直接的交际语境,具有预示和支配语篇意义的语用功能(唐青叶 2004)。它还“传达说话者或报道者对声明的立场,具有预测或调节含义的功能。这类动词具有评价性,是读者如何理解说话者声明的关键。”(Bell 1991:207)

现代语言学中,关于转述动词分类界限并不明显,转述动词分类更多地取决于研究的对象和目的,因语篇类型的不同而有不同,对它们的研究应建立在具体的语篇和语境上(辛斌2008)。对其研究主要集中在学术语篇和新闻语篇,M. L. Geis(1987)把新闻语篇中一些常用的转述动词,依据其可能引起的情感反应分为积极和消极两类。G. Thompson & Y. Ye(1991)面向学术语篇,他认为从被转述者角度每个转述动词都有符号和评价两层意义:符号意义层面,转述动词可分为话语、心理和研究性转述动词,而话语表意动词中存在一类表示被转述者的言语行为的动词;评价意义层面,转述动词可分为积极、中性和消极转述动词。之后学者基本延续了他的分类方法,只是在术语使用和细致程度上有所区别,例如K. Hyland(1999)从评价意义层面区分出积极、中性和消极及试探性转述动词,辛斌、高小丽(2018)从转述过程特征区分出言语、心理和言语行为转述动词。本文结合Hyland(1999)和Thompson & Ye(1991)等学者的分类方式,多角度考察转述动词的语义特征,以此分析媒体转述言语塑造其观点的方式。

转述动词的语义分析

3.1 高频转述动词的提取

本文选取《俄罗斯报》中有关中国三类新闻报道为语料进行数据分析:1)公共卫生事件:新冠

疫情；2) 体育事件：2022年北京冬奥会；3) 政治事件：2022年佩罗西访台事件。选取理由如下：以新冠疫情为代表的公共卫生事件近年来一直贯穿在大众生活中，对人民生活产生重大、持续影响；而以2022年北京冬奥会为代表的体育事件和以2022年佩罗西访台事件为代表的政治事件具有时效性以及在全球产生了广泛的影响，后者该政治事件更是引起了国际舆论的轩然大波。

具体做法如下：手动删除标题、日期等部分，只留下正文，公共卫生事件报道选取时间跨度为2020年3月到2021年10月；其余两类事件新闻报道选取时间为发生日期至今。自建两个语料库，《人民日报》75篇，共计12041字；《俄罗斯报》35篇，共计12005字；用词频检索软件AntConc统计两个语料库中的转述动词，其中不同形式的动词统一标记为原形；检索两大报纸中相关新闻报道中的10个高频词以及频次，并对此进行语义分析，提取词汇使用上的突出特征。

类符形符比（ $TTR = \text{type}/\text{token ration}$ ）指的是特定文本中使用的不同词项（类符）总数和文本中所有词项（形符）总数的比值，是测量词汇多样性最普遍使用的一种方法。统计结果如表1所示：

引言

新闻报道的基本要求是真实性与客观性，但其形成是报道者对客观事实进行的主观传达，不可避免地会表达符合自身利益及自己对客观事件的观点及态度等。这其中言语转述发挥着重要作用，而转述动词是构成言语转述的重要手段：一方面转述动词将被转述者的论断引入语篇，体现了报道真实性和客观性的特征；另一个方面，通过转述动词可以表达转述者对被转述者及其论断的态度、观点和评价。本文以三类新闻报道为语料，采用语料库语言学分析方法，考察最近一段时间俄罗斯主流媒体对中国重大新闻事件报道中各类转述动词的频数、分布等情况，继而对新

报道中的高频转述动词语义特征和语义特征模式进行分析，发现转述动词语义特征差异；并结合其预示、支配语篇意义的语用功能，从词汇层面来分析媒体塑造、传播其观点的方式。

转述动词

西方语言学从20世纪70年代开始大规模的新闻语篇转述言语的分析研究，目前关于转述言语研究主要体现在文体结构特征、认知分析、语用与语篇功能、符号语言学阐释等层面（Vandelanotte 2009, Harry 2014, 辛斌、高小丽2018, 刘晓华 2011）。国内对新闻言语的研究仍然把重点放在“语境”方面，对言语转述在新闻报道中的形式与功能的研究较少（辛斌2007）。转述动词是言语转述的重要组成部分。转述动词用来转述他人的言语或观点，构成转述最直接的交际语境，具有预示和支配语篇意义的语用功能（唐青叶 2004）。它还“传达说话者或报道者对声明的立场，具有预测或调节含义的功能。这类动词具有评价性，是读者如何理解说话者声明的关键。”（Bell 1991:207）

现代语言学中，关于转述动词分类界限并不明显，转述动词分类更多地取决于研究的对象和目的，因语篇类型的不同而有不同，对它们的研究应建立在具体的语篇和语境上（辛斌2008）。对其研究主要集中在学术语篇和新闻语篇，M. L. Geis（1987）把新闻语篇中一些常用的转述动词，依据其可能引起的情感反应分为积极和消极两类。G. Thompson & Y. Ye（1991）面向学术语篇，他认为从被转述者角度每个转述动词都有符号和评价两层意义：符号意义层面，转述动词可分为话语、心理和研究性转述动词，而话语表意动词中存在一类表示被转述者的言语行为的动词；评价意义层面，转述动词可分为积极、中性和消极转述动词。之后学者基本延续了他的分类方法，只是在术语使用和细致程度上有所区别，

例如K. Hyland (1999) 从评价意义层面区分出积极、中性和消极及试探性转述动词，辛斌、高小丽 (2018) 从转述过程特征区分出言语、心理和言语行为转述动词。本文结合Hyland (1999) 和Thompson & Ye (1991) 等学者的分类方式，多角度考察转述动词的语义特征，以此分析媒体转述言语塑造其观点的方式。

转述动词的语义分析

3.1 高频转述动词的提取

本文选取《俄罗斯报》中有关中国三类新闻报道为语料进行数据分析：1) 公共卫生事件：新冠疫情；2) 体育事件：2022年北京冬奥会；3) 政治事件：2022年佩罗西访台事件。选取理由如下：以新冠疫情为代表的公共卫生事件近年来一直贯穿在大众生活中，对人民生活产生重大、持续影响；而以2022年北京冬奥会为代表的体育事件和以2022年佩罗西访台事件为代表的政治事件

具有时效性以及在全球产生了广泛的影响，后者该政治事件更是引起了国际舆论的轩然大波。

具体做法如下：手动删除标题、日期等部分，只留下正文，公共卫生事件报道选取时间跨度为2020年3月到2021年10月；其余两类事件新闻报道选取时间为发生日期至今。自建两个语料库，《人民日报》75 篇，共计12041字；《俄罗斯报》35篇，共计12005字；用词频检索软件AntConc统计两个语料库中的转述动词，其中不同形式的动词统一标记为原形；检索两大报纸中相关新闻报道中的10个高频词以及频次，并对此进行语义分析，提取词汇使用上的突出特征。

类符形符比 (TTR=type/token ration) 指的是特定文本中使用的不同词项 (类符) 总数和文本中所有词项 (形符) 总数的比值，是测量词汇多样性最普遍使用的一种方法。统计结果如表1所示：

	语料库形符	转述动词类符	转述动词形符	TTR
公共卫生事件： 新冠疫情	12005	43	264	0.163
体育事件： 2022年北京冬奥会	12005	17	56	0.304
政治事件： 2022年佩洛西窜访台湾 事件	12003	38	612	0.062

Табл. 1. Статистические результаты.

Table 1. Statistical results.

表1. 统计结果.

注：TTR=类符 / 形符

由表1可得，《俄罗斯报》中三类新闻中转述动词的类符、形符数量存在较大差异。从类符数量来看，公共卫生事件（43）>政治事件（38）>体育事件（17），且公共卫生事件类符数量是体育事件类符数的两倍多；从形符数量来看，政治事件（612）>公共卫生事件（264）>体育事件（56），且政治事件的形符数远超出体育事件形符数。从比值来看，公共卫生事件、体育事件、政治事件TTR分别为0.163、0.304、0.062。这说明在此三类事件新闻报道中，以2022年北京冬奥

会为代表的体育事件新闻报道中使用的转述动词类型更丰富，词汇使用更灵活、多样；以2022年佩洛西窜访台湾事件为例的政治事件新闻报道中大量使用了转述动词，而且使用总频次远超出其他两类，但是转述动词类符数有限，说明使用的转述动词较为单一、集中。

在统计转述动词的频次时，检索出三类新闻报道中频次靠前的10个转述动词，并计算这10个词在对应语料库所有转述动词中的所占比例。结果如表2所示：

公共卫生事件： 新冠疫情			体育事件： 2022年北京冬奥会			政治事件： 2022年佩洛西窜访台湾事件		
转述动词	频次	比例/ %	转述动词	频次	比例/ %	转述动词	频次	比例/ %
отметить	41	15.65	сказать	19	33.93	подчеркнуть	60	9.80
сообщить	25	9.54	показать	10	17.86	отметить	53	8.67
заявить	23	8.78	подчеркнуть	7	12.5	заявить	46	7.52
сказать	21	8.02	заявить	5	8.93	советовать	43	7.03
выявить	14	5.34	добавить	3	5.36	считать	40	6.54
показать	11	4.20	надеяться	3	5.36	призвать	36	5.88
призвать	9	3.44	поддержать	2	3.57	комментировать	33	5.39
демонстрировать	7	2.67	рассказать	2	3.57	сообщить	23	3.76
опубликовать	6	2.29	сообщить	1	1.79	рекомендовать	20	3.27
считать	5	1.91	отметить	1	1.79	сказать	17	2.78
合计	162	61.83	合计	53	94.66	合计	371	60.64

Табл. 2. Топ-10 наиболее часто встречающихся глаголов.

Table 2. Top 10 reported verbs with the highest frequency.

表2. 频次最高的前10个转述动词.

注：比例是指该词在对应语料库所有转述动词中所占比例

3.2 高频转述动词的语义分析

通过表2我们发现,《俄罗斯报》中以新冠疫情为例的公共卫生事件语料库中频次排前10的转述动词是 отметить, сообщить, заявить, сказать, выявить, показать, призвать, продемонстрировать, опубликовать, считать; 体育事件语料库中依次是 сказать, показать, подчеркнуть, заявить, добавить, надеяться, поддержать, рассказать, сообщить, отметить; 政治事件语料库中则依次 为 подчеркнуть, отметить, заявить, советовать, считать, призвать, комментировать, сообщить, рекомендовать, сказать。除去共有、重复的高频转述动词,一共为18个动词: отметить, сообщить, заявить, сказать, выявить, показать, призвать, продемонстрировать, опубликовать, считать, подчеркнуть, добавить, надеяться, поддержать, рассказать, советовать, комментировать, рекомендовать。在三个语料库中占比前10的转述动词比例总计超过了60%,其中最大值与最小值之差为34.02%,可见不同主题事件的新闻报道中对转述动词的使用有较大差异。以2022年北京冬奥为例的体育事件新闻报道对个别转述动词的依赖性较强,因为体育事件相对于其他两种主题事件而言,事件发生的客观性更强,受政治观、民族观影响较小,可争议性相对较小。而在政治事件报道中使用的转述动词类型更为丰富,由于同一政治事件对各国利益场偏向不同,故存在使用含不同语义元素、不同语义色彩的转述动词来表达隐性观点的可能性。

Ю.Д. Апресян (2007:1088) 认为转述动词的主要目的是“传达信息”,可元语言释义为 ‘Субъект А даёт Адресату С о информации, по мне-

нию А-а, С-у неизвестно о Р-ом’ (主体A向受体C说出信息P, 主体A认为, 受体C不知道信息P)。这一元语言释义说明了转述动词核心语义是“传达信息”,涉及主体、客体和信息内容三个情景参项。除了以上核心语义成分,具体动词可能含有目的、指向、方式、评价意义、公开性、官方性等外围语义成分,这些外围成分可概括为转述过程特征、转述效力特征、评价意义特征、X等,其中X代表不确定项,指其他附带属性,是各转述动词词汇语义的个性特征项,其作用也是区分词义。由此转述动词的词汇语义模式可以概括为“核心语义+转述过程特征+转述效力特征+评价意义特征+根据+X”。

根据被转述者的行为过程特征,转述动词可分为言语转述动词、言语行为转述动词、心理转述动词和事实性转述动词四类 (Thompson & Ye 1991, 辛斌、高小丽2018)。言语转述动词,目的在于尽量客观中立地呈现所转述的话语,如 сказать, рассказать等。言语行为转述动词,即不仅行使言语转述功能,同时也能明确表达出话语的言外之力。相较于言语转述动词,增加了转述内容的权威性、公开性等外围信息,如 заявить, призвать, сообщить 等;心理转述动词,用来表达被转述者的思想和心理活动,如 считать, надеяться 等;事实性转述动词,指未发生实际言语过程的、同样具有转述功能的动词,学术语篇中也称之为“研究性转述动词”,转述研究行为的结果或者过程,新闻语篇中则可以指对某种行为和事件结果、过程的转述,如 показать, выявить等。

评价意义特征主要从被转述者立场出发,将转述动词分为积极、消极、中性转述动词 (Hyland 1999)。积极转述动词帮助塑造被引述者严谨、可靠、镇定、真实等正面形象,如 заявить, подчеркнуть 等;消极转述动词则根据

转述者的目的和语境传达被引述者一种不严谨、不可靠，甚至霸道、胁迫他人等众多丰富的负面形象，如считать, предупредить等。中性转述动词语义上最单调乏味，但也最可信、最精确、最客观、最清楚不过，如сказать、показать等。

转述效力特征是指转述动词表达转述行为时所具有的效力，分为公开性、官方性、权威性以及无明显特征。根据《现代汉语词典》，“公开”是指不加隐蔽的，面向公众的；“官方”是指政府方面；“权威”是指具有使人信服的力量和威望。三者关系十分微妙，彼此区别又相互渗透。效力程度：官方性>权威性>公开性。

此外，Апресян曾指出，советовать（建

议）和рекомендовать（建议）的一个差别在于：告知的根据不同，前者是基于某种意见，后者是基于说话人的知识（Апресян и др. 2004a:16）“告知的根据”实际上属于隐性的信息，它属于预设的成分。（王洪明：2016）故根据此，可将不同转述动词进行根据划分。

结合以上，本文将参阅以下词典的释义进行分析，分别为 А.П. Евгеньева 主编的四卷本词典 «Словарь русского языка» (1999) (以下简称 МАС), С.А. Кузнецов 主编的 «Большой толковый словарь русского языка» (2000) (以下简称 БТСРЯ) 以及 С.И. Ожегов 和 Н.Ю. Шведова 主编的 «Толковый словарь русского языка» (1998) (以下简称 ТСРЯ)。并将高频转述动词特征参数列表如下：

参数特征/语义类别	转述过程特征				转述效力特征				评价意义特征			根据	X			
	言语转述	心理转述	言语行为转述	事实性转述	官方性	权威性	公开性	无明显特征	积极	中性	消极		作用			工具
сообщить	-	-	+	-	-	-	+	-	-	+	-	+	-	-	-	-
заявить	-	-	+	-	+	+	+	-	+	-	-	+	-	-	-	-

Табл. 3. Параметры признаков высокочастотных глаголов сообщения.

Table 3. Feature parameters of high-frequency reporting verbs.

表3. 高频转述动词特征参数.

参数特征/语义类别	转述过程特征				转述效力特征				评价意义特征			根据	X			
	言语转述	心理转述	言语行为转述	事实性转述	官方性	权威性	公开性	无明显特征	积极	中性	消极		作用			工具
ВЫЯВИТЬ	-	-	-	+	-	-	-	+	-	+	-	- 某种显露	-	-	-	-
ОТМЕТИТЬ	-	-	+	-	-	-	-	+	+	-	-	+	+	-	-	-
ПОДЧЕРКНУТЬ	-	-	+	-	-	-	-	+	+	-	-	+	+	-	-	-
СКАЗАТЬ	+	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	+	-	-	-	-
ПРИЗВАТЬ	-	-	+	-	-	-	+	-	+	-	-	+	-	-	+	-
ДОБАВИТЬ	-	-	+	-	-	-	-	+	+	-	-	+	-	+	-	-
ОПУБЛИКОВАТЬ	-	-	+	-	-	-	+	-	+	-	-	+	-	-	-	+
ПОДДЕРЖАТЬ	-	-	+	-	-	-	-	+	+	-	-	+	-	-	+	-

Табл. 3. Параметры признаков высокочастотных глаголов сообщения.

Table 3. Feature parameters of high-frequency reporting verbs.

表3. 高频转述动词特征参数.

参数特征/语义类别	转述过程特征				转述效力特征				评价意义特征			根据	X				
	言语转述	心理转述	言语行为转述	事实性转述	官方性	权威性	公开性	无明显特征	积极	中性	消极		作用			工具	
демонстрировать	-	-	+	-	-	-	-	+	+	-	-	+	某种事实	-	-	-	-
считать	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	+	+某种意见	-	-	-	-	
показать	-	-	-	+	+	+	+	-	-	+	-	+	某种事实	-	-	-	-
надеяться	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+某种意见	-	-	-	-	
рассказать	+	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	+某种意见	-	-	-	-	
советовать	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	+	+	某种意见	-	-	+	劝告
комментировать	-	-	+	-	-	-	-	+	-	+	-	+	某种知识	-	-	+	评价
рекомендовать	-	-	+	-	-	-	-	+	-	+	-	+某种知识	-	-	+	劝告	

Табл. 3. Параметры признаков высокочастотных глаголов сообщения.

Table 3. Feature parameters of high-frequency reporting verbs.

表3. 高频转述动词特征参数.

频次靠前的18个转述动词中，**рассказать**，**сказать** 属于言语转述动词，**считать**，**надеяться** 属于心理转述动词，**выявить**，**показать** 属于事实性转述动词，其余都属于言语行为转述动词。

此外，所有上述转述动词中 **сказать** 最为特殊，可以直接或间接引述他人话语，外围语义成分最少，表达转述意义时语义最中立。与此最接近的是 **рассказать**，该动词还含有“叙述”之意，相对而言所接信息含量更多。由表3可知，**сказать** 之外的转述动词，除了表示“转述信息”这一核心语义之外，还包含更多的外围语义成分。例如：**сообщить** 还表示“让其他人知道”的目的，强调“公开性”；**заявить** 还表示“受众多”，富有“公开性”、“权威性”；**выявить** 还表示“显示”、“揭示”、“无实际言语过程”；**отметить** 还表示“提及”、可以表示“强调”意味的语义；**подчеркнуть** 还有“强调”、“特别突出”的含义；**призвать** 还可以表示“呼唤”、“号召”的语义；**добавить** 还可以表示“增加信息”；**опубликовать** 还可以表示“公开性”、并且是以“书面”形式转达信息；**поддерживать** 还可以表示“支持”、“鼓励”这一语义，大多体现了“相同的立场”；**демонстрировать** 还可以表示“用可靠的材料”、表明“人或者事物”的“真实性、积极性”；**считать** 则可以表示“对某人或者某物持有确

定的看法，并做出某种判断”；**показать** 还表示“展示出，说明，证明”的含义；**надеяться** 还可以表示“希望某事件朝某方向发展”，隐含个人立场；**комментировать** 表示“评论”，依据个人已有的知识来进行评论；**советовать** 与 **рекомендовать** 都表示“建议”，意义上大部分重合。**Апресян** 指出，**советовать**（建议）和 **рекомендовать**（建议）的一个差别在于：告知的根据不同，前者是基于某种意见，后者是基于说话人的知识（**Апресян и др. 2004a:16**）“告知的根据”实际上属于隐性的信息，它属于预设的成分。（**王洪明：2016**）故根据此，可将不同转述动词的根据进行划分，得出不同高频转述动词的隐性根据。

俄媒报道中转述动词使用特点

基于自建语料库，本部分将转述动词预设分析部分中转述过程特征、评价意义特征进行分析，考察中俄媒体报道中转述动词使用特点和高频转述动词的语用特点。

4.1 转述过程特征分类

基于转述过程特征，对语料库中言语转述动词、言语行为转述动词、心理转述动词和事实性转述动词的使用情况进行统计，制表如下。

		言语转述动词	心理转述动词	言语行为转述动词	事实性转述动词
公共卫生事件： 新冠疫情	类符	3	6	26	8
	比例%	6.98	13.95	60.47	18.60

Табл. 4. Классификаторы, используемые четырьмя типами глаголов-сообщений, и их доли в общем количестве классификаторов глаголов-сообщений.

Table 4. The classifiers used by the four types of reporting verbs and their proportions in the total classifiers of the reporting verbs.

表4. 四类转述动词使用的类符和占转述动词总类符的比例.

		言语转述动词	心理转述动词	言语行为转述动词	事实性转述动词
体育事件： 2022年北京冬奥会	类符	2	2	11	2
	比例%	11.76	11.76	64.71	11.76
政治事件： 2022年佩洛西 窜访台湾事件	类符	4	2	28	4
	比例%	10.53	5.26	73.68	10.53

Табл. 4. Классификаторы, используемые четырьмя типами глаголов-сообщений, и их доли в общем количестве классификаторов глаголов-сообщений.

Table 4. The classifiers used by the four types of reporting verbs and their proportions in the total classifiers of the reporting verbs.

表4. 四类转述动词使用的类符和占转述动词总类符的比例。

		言语转述动词	心理转述动词	言语行为转述动词	事实性转述动词
公共卫生事件：新冠疫情	形符	26	18	184	36
	比例%	9.85	6.82	69.70	13.64
体育事件： 2022年北京冬奥会	形符	11	3	32	10
	比例%	19.64	5.36	57.14	17.86
政治事件： 2022年佩洛西 窜访台湾事件	形符	27	18	538	29
	比例%	4.41	2.94	87.91	4.74

Табл. 5. Классификаторы, используемые четырьмя типами глаголов-сообщений, и их пропорции к общему количеству классификаторов глаголов-сообщений.

Table 5. The classifiers used by the four types of reporting verbs and their proportions in the total classifiers of the reporting verbs.

表5. 四类转述动词使用的形符和占转述动词总形符的比例。

由表5可以看出, 两类报刊中, 四类转述动词形符占总形符比例的大小程度有所差异, 共性是言语行为转述动词使用频次最多, 心理转述动词频次最少。总体来看, 三大事件报道中言语行为转述动词在类符和形符中的比例都是最高的, 表明言语行为转述动词词义的丰富性以及实际使用率高。

(1) 言语转述动词。形符数和形符占比都高于心理转述动词, 低于言语行为转述动词。Сказать和 рассказать 属于典型的言语转述动词, 可直接引述话语, 最大可能地还原了被转述内容的准确性, 不包含报道者的任何隐形评论。相比较而言, 体育事件报道中此类动词使用频率更高, 说明该报刊力争更为客观、公正地向外界介绍本国疫情发生情况。例如: “О трагедии в семье журналистам **рассказала** мама биатлонистки. Эстафета к тому же совпала с днем похорон. (运动员的母亲向记者讲述了家庭悲剧。接力棒也与葬礼是一天。)

(2) 言语行为转述动词。此类动词增加了更多外围信息, 具有更丰富的语义, 因此在新闻语篇中更具适用性。这类转述动词不仅可以行使转述功能, 同时还能表达转述话语的言外之意。三类新闻事件报道中该类转述动词类符和形符数量最多。且从形符占比来看, 政治事件新闻报道的比例比其他两类新闻报道要高。说明该类主题新闻报道中使用该类转述动词更为灵活。Сообщить, отметить 等属于言语行为转述动词。例如: Следует **отметить**, что радость некоторых стран, связанная с поставками китайских вакцин, во многом связана с тем, что они не могут приобрести вакцины на Западе. (应该指出, 一些国家对中国疫苗供应感到高兴, 很大程度上是因为他们无法获得西方疫苗。)

(3) 心理转述动词。从形符数量和占比来看, 心理转述动词是三类报道中最少的; 从

类符数和占比来看, 公共卫生事件报道中心理转述动词占比大于言语转述动词, 而体育事件中这两类转述动词在数量与占比方面都是持平, 政治事件报道中心理转述动词的数量与占比均位于最后。具体到实际使用来看, Считать, думать 属于典型的心理转述动词; 该类转述动词通常用于报道者对被转述者持有某种观点、思想的描述, 说明报道者对转述信息含有立场倾向性或者不确定性。并且能影响读者的认知, 引导读者的看法。例如: Скорость, масштаб и эффективность, демонстрируемые в борьбе с эпидемией, в полной мере показали преимущества социалистического строя, **считают** руководители многих стран и регионов мира. (许多国家和地区领导人表示, 抗击疫情的速度、规模和效率, 充分体现了社会主义制度的优势。)

(4) 事实性转述动词。三类新闻报道中, 事实性转述动词的类符数和占比位居其二; 从形符数和相应占比来看, 只有在体育事件中处于第三, 其余两类新闻报道中也是位居其二; 这说明事实性转述动词在实际使用中对丰富转述动词的使用同样发挥着重要作用。Выявить 属于事实性转述动词, 对事件和行为的结果或过程进行转述。例如: Полиция также **выявила** нарушения многих предприятий, связанные с производством и продажей некачественных масок и других противовирусных средств, а также с незаконной утилизацией медицинских отходов. (警方还揭露了许多企业生产、销售劣质口罩和其他抗疫物资以及非法处理医疗废料有关的违规行为。)

4.2 评价意义特征分类

从被转述者立场出发, 对语料库中积极、消极、中性转述动词的使用情况进行统计, 制表如下。

		积极	中性	消极
公共卫生事件： 新冠疫情	类符	19	23	1
	比例%	46.34	51.22	2.44
体育事件： 2022年北京冬奥会	类符	6	10	1
	比例%	35.29	58.82	5.88
政治事件： 2022年佩洛西窜访台湾事件	类符	5	25	8
	比例%	13.16	86.84	21.05

Табл. 6. Классификаторы, используемые тремя типами глаголов-сообщений, и их доли в общем количестве классификаторов глаголов-сообщений.

Table 6. The classifiers used by the three types of reporting verbs and their proportions in the total classifiers of the reporting verbs.

表6. 三类转述动词使用的类符和占转述动词总类符的比例。

		积极	中性	消极
公共卫生事件： 新冠疫情	形符	161	98	3
	比例%	61.45	37.41	1.15
体育事件： 2022年北京冬奥会	形符	16	38	2
	比例%	28.57	67.86	3.57
政治事件： 2022年佩洛西窜访台湾事件	形符	105	302	205
	比例%	17.16	49.35	33.50

Табл. 7. Классификаторы, используемые тремя типами сообщаемых глаголов, и их доля в общем количестве классификаторов сообщаемых глаголов

Table 7. Classifiers used by three types of reported verbs and their share in the total number of classifiers of reported verbs

表7. 三类转述动词使用的形符和占转述动词总形符的比例。

由表6、表7可以看出，三类新闻报道中中性转述动词的类符数量和类符比位居第一；而从形符数量和相应占比来看，公共卫生事件报道中积极转述动词形符占比最大，使用数量最多；而体育事件和政治事件报道中都是中性转述动词形符占比最大，使用数量最多。这与事件本身性质有关，公共卫生事件与大众生活息息相关，媒体报道中较多使用积极转述动词可以对稳定民众心理、激发社会抗疫信心。而体育事件报道多采用中性转述动词因为着重报道体育事件本身，而体育事件的发生具有较强的客观性，因此多使用中性转述动词；政治事件中多使用中性转述动词主要由于政治事件影响较大，加上新闻客观性为其重要属性，因此主要以客观报道为主。

(1) 中性转述性动词。三类新闻报道中中性转述动词的类符数量和类符比位居第一；Сказать, сообщить, показать等均属于中性转述动词。使用这类动词时，转述者一般不作任何隐形评价，通过直接引语或者间接引语的方式来进行转述。例如：**И советник правительства Китая, сказал, что Китай воспринял визит Пелоси как свидетельство того, что Вашингтон уже сломал "барьеры".**（中国政府顾问说，中国将佩洛西的访问视为华盛顿打破□壁垒□的证据。）

(2) 积极转述动词。由表7可以看出，三类新闻事件中以新冠疫情为代表的公共卫生事件积极转述动词使用率最高（61.45%）；结合语料可知，俄罗斯报对中国疫情报道都趋向于积极与正面。

《俄罗斯报》中频次在前4的积极动词为 отметить, сообщить, заявить, 和 выявить, 其中сообщить（41）使用频率最高。通过分析信息来源，话语基本来自于官方部门或者官方人员，这增加了文本的权威性和可信度。虽然其中不乏个人言论来源，但占比较小。若引自个人言

论，不可避免地带有不同程度的个人色彩与主观意识。例如：

"Это очень опасный ход, который похож на игру с огнем", — **подчеркнул** дипломат, добавив, что те, кто играют с огнем, погибнут от него. (□这是一个非常危险的举动，就像玩火一样，□外交官强调说，□玩火的人会因此而死。□)

通过分析信息源，该句中подчеркнуть转述了外交官的话语。官方人员的话语具有一定的权威信、可靠性。

Стоит **отметить**, что при соблюдении всех контрольных мер, городские жилсоветы и сельские общины предприняли целый ряд дополнительных шагов для обеспечения жителей продуктами питания и товарами первой необходимости.（值得提及的是，在执行所有管控措施时，城市住房和农村社区采取了一系列额外措施，来为居民提供食物和必需品。）

从具体文本来看，此处 отметить 引出了报道者自己的观点。相对而言，话语信息不够权威，并带有个人主观意识，不够客观。

由上可以看出转述信息源不同时，报道的客观性与准确性存在不同程度的差异。

(3) 消极转述动词。由表6、7可以看出，三类新闻事件报道中，只有以2022佩洛西窜访台湾事件为代表的政治事件报道消极转述动词的类符、形符数量和占比均位于第二，其他类新闻报道中消极转述动词的使用都位居最后。

结合语料可以看出，消极转述动词的功能较为丰富，能够大大增加说话人的感情色彩，给读者不同的暗示。例如，“主张”、“警告”、“争论”、“怀疑”此类转述动词折射出新闻报道者隐含

的立场、感情色彩和价值取向，说明报道信息具有不确定性、主观性，对读者产生了一定影响。例如：

В Пекине решили не словом, но делом предупредить Тайвань, насколько важны для острова экономические связи с материком. (北京不是用言语，而是用行动警告台湾，台湾与大陆的经济联系对台湾有多重要。)

Предупредить在该语境中呈现出“预先告知，警告”的语义。可以发现，消极转述动词隐含的色彩较为晦涩、隐性，并给读者一定的言语暗示与导向。

结语

新闻的客观性是相对的，转述动词的语义是丰富的。通过对转述动词语义的分析，我们发现其语义呈现出了以下特征：（1）转述动词既有共性又有个性，充分了解同类词的共性与个性有利于提高此类动词的使用水平与表述准确度；（2）转述动词核心语义成分为“转达信息”，这一成分极大程度上决定了词语的主要意义，决定语义场归属；外围语义成分显示同语义场词语的语义差异，具体体现在转述过程特征、评价意义特征和转述效力特征的差异上。

基于自建以新冠疫情为代表的公共卫生事件、以2022年北京冬奥会为代表的体育事件以及以2022年佩洛西窜访台湾事件为代表的政治事件新闻报道语料库，来分析各个语料库中高频转述动词的语义特征。通过对转述过程特征的分析，可发现言语转述动词与言语行为转述动词均能真实地还原转述信息，言语转述动词最大程度地还原了被转述内容，不隐含报道者的任何隐形主观评价。从三类新闻事件的言语转述动词具体使用来看，形符比占第二或第三；其中体育事件语料库中的形符比高于其余两类，主要由于体育事件新闻

报道主要依据体育赛事的排名等；从报道内容来看，此类新闻受政治立场因素影响最小。三类新闻事件报道中言语行为转述动词占比最大，相较于言语转述动词，它附有转述信息的权威性、官方性等信息，该类转述动词大大提升了语篇中转述动词使用的丰富性与灵活性；心理转述动词能体现报道者对转述信息的个人偏见和爱好，会影响读者对转述信息的态度。这三类新闻报道中，公共卫生事件新闻报道的心理转述动词占比最大，体育事件新闻报道的占比最小。通过分析话语源可知，公共卫生事件新闻报道中常借助心理转述动词来转述中国的抗疫实况，来达到振奋俄罗斯国内抗疫的决心，同时也借助此类转述来推动俄罗斯国内相关具体措施的实施；而事实性转述动词在三类新闻事件报道中也扮演着重要角色，其中体育事件语料库中的事实性转述动词在对应语料库中占比高于另外两类，说明该类事件报道更注重客观地、有效地转述信息、转达事实。

通过对评价意义特征的分析，发现中性转述动词的使用可提升媒体报道的客观性、真实性。在类符使用数量和占比方面，三类事件报道中性转述动词都基本占据第一；在形符使用数量和占比方面，公共卫生事件报道语料库中积极性转述动词形符数量与占比都位于首位；其余两个语料库中中性转述动词仍位于第一。这说明总体上，新闻报道主要以报道消息的客观性和真实性优先，同时一定程度上会利用其他类别的转述动词来达到其余目的。例如，公共卫生事件报道中更多使用积极性转述动词能达到隐性增强大众抗疫信心的目的。消极转述动词使用方面，政治事件语料库中该词类形符、类符占比较大、位居第二，说明隐含俄媒对此事件的批判态度。经过以上系列分析，发现积极、消极性转述动词的使用会给读者产生一定影响，因此不能忽视不同类型转述动词所隐含的态度。

基于转述动词的元语言释义和实际使用分析, 可得出转述动词词汇语义模式: “核心语义+转述过程特征+转述效力特征+评价意义特征+根据+X”, 通过此模式可分析不同转述动词在实际使用中产生的细微影响; 从词汇层面分析媒体塑造、传播其观点的方式。

综上所述, 在不同事件新闻报道中, 恰当使用不同类别的转述动词可以提升新闻报道的客观性、准确性, 同时也可以隐性表达自己的态度与立场; 此外, 也有利于推动中国新闻媒体在对外宣传和国际传播中讲好中国故事。

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. и др. *Новый толковый словарь синонимов русского языка*. М.: Языки славянской культуры, 2004.
2. Апресян Ю. Д. *Новый толковый словарь синонимов русского языка*. М.: Языки славянской культуры, 2007.
3. Евгеньева А.П. *Словарь русского языка*. В 4-х т. М.: Русский язык, 1999.
4. Кузнецов С.А. *Большой толковый словарь русского языка*. СПб.: Норинт, 2000.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. *Толковый словарь русского языка*. М.: АЗЪ, 1998.
6. Bell A. *The Language of News Media*. Oxford: OUP, 1991.
7. Geis M. L. *The Language of Politics*. New York: Springer-Verlag, 1987.
8. Harry J. C. Journalistic quotation: Reported speech in newspapers from a semiotic linguistic perspective. *Journalism*, 2014, 15(8).
9. Hyland K. Academic Attribution: Citation and the Construction of Disciplinary knowledge. *Applied Linguistics*, 1999, 20(3).
10. Thompson G., Ye Y. Evaluation of the reporting verbs used in academic papers. *Applied Linguistics*, 1991, 12(4).
11. Vandelandotte L. *Speech and Thought Representation in English: A Cognitive-Functional Approach*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009.
12. Лю Сяохуа (刘晓华). Критический анализ перефразированных цитат в новостном дискурсе. (转述引语在新闻语篇中的批评性分析). *Лингвистический журнал (Образование и преподавание иностранных языков)*. (语文学刊(外语教育与教学)). 2011(11). С. 16-17. (на кит.)
13. Тан Цинъе (唐青叶). Феномен перефразирования в академических дискурсах (学术语篇中的转述现象). *Иностранные языки и преподавание иностранных языков (外语与外语教学)*. 2004 (2). (на кит.)
14. Ван Хунмин (王洪明). Теория интерпретации и применение методов Московской семантической школы (莫斯科语义学派的释义理论及应用). *Изучение и преподавание русского языка в Китае (中国俄语教学)*. 2016, 35(1). С. 31-38. (на кит.)
15. Синь Бин (辛斌). Диалог между парафразом и новостным дискурсом (转述言语与新闻语篇的对话性). *Иностранные языки (外国语)*, 2007(4). (на кит.)
16. Синь Бин (辛斌). Сравнительный анализ репортажных глаголов в текстах новостей на китайском и английском языках — на примере «Чайна Дейли» и «Нью-Йорк Таймс» (汉英新闻语篇中转述动词的比较分析——以《中国日报》和《纽约时报》为例).

Журнал Сычуаньского университета иностранных языков (四川外语学院学报), 2008. (на кит.)

17. Синь Бинь, Гао Сяоли (辛斌、高小丽). Сравнительное исследование дискурса и прагматических функций репортажной речи в китайско-английских газетных новостях (汉英报纸新闻中转述言语的语篇和语用功能比较研究). Шанхай: Шанхайское издательство иностранной образовательной литературы (上海: 上海外语教育出版社), 2018. (на кит.)
18. Институт лингвистики Китайской академии социальных наук (中国社会科学院语言研究所). Словарь современного китайского языка (7-е издание (现代汉语词典 (第7版))). Пекин: Коммерческая пресса (北京: 商务印书馆), 2016. (на кит.)

References

1. Apresyan Yu. D. et al. *New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language*. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. (in Russ.)
2. Apresyan Yu. D. et al. *New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language*. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2007. (in Russ.)
3. Evgen'eva A.P. *Dictionary of the Russian language*. In 4 vol. M.: Russkij jazyk, 1999. (in Russ.)
4. Kuznetsov S.A. *Great Dictionary of Russian language*. St. Petersburg: Norint, 2000. (in Russ.)
5. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Explanatory dictionary of the Russian language*. M.: AZ, 1998. (in Russ.)
6. Bell A. *The Language of News Media*. Oxford: OUP, 1991.
7. Geis M. L. *The Language of Politics*. New York: Springer-Verlag, 1987.
8. Harry J. C. Journalistic quotation: Reported speech in newspapers from a semiotic linguistic perspective. *Journalism*, 2014, 15(8).
9. Hyland K. Academic Attribution: Citation and the Construction of Disciplinary knowledge. *Applied Linguistics*, 1999, 20(3).
10. Thompson G., Ye Y. Evaluation of the reporting verbs used in academic papers. *Applied Linguistics*, 1991, 12(4).
11. Vandelanotte L. *Speech and Thought Representation in English: A Cognitive-Functional Approach*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009.
12. Liu Xiaohua. Critical Analysis of Paraphrased Quotations in News Discourse. *Chinese Journal (Foreign Language Education and Teaching)*, 2011(11), pp. 16-17. (in Chin.)
13. Tang Qingye. The Phenomenon of Paraphrasing in Academic Discourses. *Foreign Languages and Foreign Language Teaching*, 2004 (2). (in Chin.)
14. Wang Hongming. Interpretation Theory and Application of Moscow Semantic School. *Teaching Russian in China*, 2016, 35(1), pp. 31-38. (in Chin.)
15. Xin Bin. Dialogue between Reported Speech

and News Discourse. Foreign Languages, 2007(4). (in Chin.)

16. Xin Bin. A Comparative Analysis of Reporting Verbs in Chinese and English News Texts—Taking "China Daily" and "New York Times" as Examples. Journal of Sichuan University of Foreign Studies, 2008. (in Chin.)
17. Xin Bin, Gao Xiaoli. A Comparative Study on the Textual and Pragmatic Functions of Reported Speech in Chinese and English Newspapers. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2018. (in Chin.)
18. Institute of Linguistics, Chinese Academy of Social Sciences, *Modern Chinese Dictionary (7th Edition)*. Beijing: Commercial Press, 2016. (in Chin.)

Информация об авторах

Сяо Жоу,

Магистрант

Ли Ся,

научный руководитель, младший научный сотрудник

Information about the authors

Xiao Rou,

Master

Li Xia,

master tutor, associate researcher

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.01.2023

Одобрена после рецензирования: 10.02.2023

Принята к публикации: 15.03.2023

Information about the article

The article was submitted: 25.01.2023

Approved after reviewing: 10.01.2023

Accepted for publication: 15.03.2023

The role of Kodja Mustapha Pasha's monastery in development and dissemination of Khalvatiyyasufi brotherhood in Ottoman Empire

Роль обители Коджи Мустафы-паши в распространении и развитии суфийского братства Халватийя в Османской империи

Алескерова Несрин Эльдар кызы¹

¹ Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Баку, Баку,
Азербайджан
info@msu.az

Nesrin E. Alasgarova¹

¹ Branch of Moscow State University in Baku, Baku,
Azerbaijan
info@msu.az

УДК 94 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-1-2023-73-78](https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2023-73-78)

АННОТАЦИЯ

Целью данной статьи является исследование деятельности братства Халватийя. Материнское братство Халватийя имело более сорока ответвлений в Османской империи. Деятели дочерних ответвлений создали многочисленные обители этого братства. В статье описывается деятельность выдающихся шейхов братства Джамалийя-Халватийя — руководителей обители Коджи Мустафы-паши в Стамбуле. Раскрывается роль руководителей обители Коджи Мустафы-паши в политической и социальной жизни Османской империи.

Ключевые слова: Османская империя, шейх-реформатор, государство Ширваншахов, Халватийя-Гюлшанийя

Для цитирования: Алескерова Н.Э. Роль обители Коджи Мустафы-паши в распространении и развитии суфийского братства

ABSTRACT

The subject of this article is a further research of Khalvatiyya brotherhood's activities. The Khalvatiyya maternal brotherhood had more than 40 branches in Ottoman Empire. The branches' leaders established numerous monasteries of the brotherhood. The author provides and information about the activities of famous sheikhes of Jamaliyya -Khalvatiyya brotherhood, who were the leaders of Kodja Mustapha Pasha monastery in Istanbul. At the same time, the role of the leaders of Kodji Mustapha Pasha monastery in political and social life of Ottoman Empire was described in article.

Keywords: Ottoman Empire, the reformer sheikh, Shirvanshah's state, Khalvatiyya-Gulshaniyya

For citation: Nesrin. E. Alasgarova The role of Kodja Mustapha Pasha's monastery in development and dissemination of Khalvatiyyasufi

Халватийа в Османской империи. *Современные востоковедческие исследования*. 2023. Том 5 (1). <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2023-73-78>

brotherhood in Ottoman Empire. *Modern Oriental Studies*. 2023; Volume 5 (1). (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2023-73-78>

Средневековое материнское суфийское братство Халватийа зародилось в XIV веке в исторической области Ширвана (нынешняя Азербайджанская республика). В средневековом Азербайджане сложилась организационная структура Халватийи. Ранняя обитель Халватийи сложилась в летней резиденции государства Ширваншахов, городе Шамахе в Ширване. Вторая очень крупная обитель находилась в городе Баку, и возглавлял ее саййид Йахья Бакуви — основной шейх-реформатор Халватийи, заложивший основы теории и ритуально-обрядовой практики. Благодаря деятельности саййида Йахьи Бакуви, подготовившего достойных правопреемников Халватийи, которые создали дочерние ответвления, в результате чего Халватийа распространилась по всей Османской империи (Hülvi, 357-360, 391-392, 395-401). Большое значение для расцвета Халватийи имела ханака Коджи Мустафы паши в Стамбуле. В Османской империи в Средние века и в Новое время были две основные ханаки дочерних ответвлений Халватийи. Это ханака братства Халватийа-Гюлшанийа в Каире и вышеупомянутая ханака Коджи Мустафы паши, принадлежащая братству Джамалийа-Сюнбюлийа в Стамбуле (Алескерова, 27-29; 107; 112-125; Kissling, 251-254).

Широкое распространение Халватийи в Османской империи начинается с периода

правления султана Байазид (1481-1512). Специально для общины Халватийа-Джамалийа, которая переехала в Стамбул из Амасии, султан Байазид Вели и его Великий Везир Коджа (или хаджи) Мустафа-паша решили построить достойную обитель, а именно — реконструировать один их христианских храмов. Выбор пал на сооруженный еще в 767 году в Константинополе женский монастырь, расположенный в районе Йеди Куле и называвшийся по-турецки «Кызлар кенизеси» («Девичья церковь»). Так как все дела, связанные с реконструкцией, взял на себя Великий Везир Мустафа-паша, то центральную обитель братства Халватийа в Стамбуле впоследствии назвали в его честь — ханака Коджи Мустафы-паши (Kissling, 251-254).

Обитель Коджи Мустафы паши прославилась в столице настолько, что в народе говорили о том, что если самый популярный среди суфиев пророк Хизр однажды появится в Стамбуле, то самым подходящим местом своего пребывания он выберет либо мечеть Айа-София, либо ханаку Коджи Мустафы-паши. Не только в Средние века, но уже в Новейшее время в эту обитель обращались за чудодейственными амулетами (Kissling, 254).

Первым главой этой обители был знаменитый Джамалад-дин ал-Аксарай, известный под нисбой Челеби халифа. О нем говорили, что

он «принес в Рум (Малую Азию) аскетизм, знание и любовь Бога» (Hülvi, 434).

Еще одним выдающимся руководителем обители Коджи Мустафы-паши был Сюнбюл Синан (ум.1520 г.), который был муридом и зятем Джамал-ад-дина ал-Аксараи. Сюнбюл Синан — один из самых ярких руководителей ханаки Коджи Мустафы паши. Сюнбюл Синан стал правление Байазид Вели (1481–1512) и Салима Йавуза (1512–1520), с которым, однако, у него складываются весьма противоречивые отношения. Согласно источникам, однажды Селим даже хотел разрушить обитель Коджи Мустафы-паши с целью отнять некоторые стройматериалы, чтобы использовать их на строительство одного из павильонов своего дворца. Но вскоре султан побоялся харизматической силы Сюнбюл Синана и отступил (Kissling, 258). По-видимому, такое противоречивое отношение султана Селима к братству было вызвано тайным исповеданием всеми Халвати шиизма. Селим ненавидел шиитов, в отличие от своего отца, который поддерживал всех суфиев, как суннитов, так и шиитов (Lindner, 128; Sevim, 236-241; Кинросс, 183–184).

Услышав о намерении султана разрушить обитель Коджи Мустафы-паши, представители нормативного ислама решили встать на сторону правителя, попытавшись обвинить суфиев этой обители в ереси. Этот спор касался дозволенности или недозволенности дервишеского зикра и радений-сама. Первый спор между улама и Сюнбюл Синаном закончился победой последнего. Но, несмотря на это, он стал предтечей большого скандала, поставившего поздние общи-

ны Халватийи в центр разногласий между представителями нормативного ислама и дервишами практически по всем религиозным вопросам.

На сей раз Сюнбюл Синану пришлось противостоять нападкам Сары Гюрзы — кади-аскера Стамбула (Sevim, 223; Hülvi, 448-449). Кислинг, например, говорит о том, что Сюнбюл Синан выдвинул серьезные обвинения в адрес 'улама, сказав, что времена изменились, а эти самые поборники «чистоты» в исламе являются весьма беспринципными людьми. Шайх открыто спросил Сары Гюрзу и других важных персон, почему эти мысли о так порицаемых ими обрядах дарвишей только сейчас пришли им в голову. Когда султан Байазид и его Великий Везир Коджа Мустафа-паша появлялись в обители для исполнения религиозных отпращиваний, тот же самый Сары Гюрза и его приближенные усердно участвовали в зикрах суфиев Халватийа. А теперь выяснилось, что все это они делали ради того, чтобы хорошо выглядеть перед султаном и его Великим Везиром. «Такое лицемерие, — говорил Сюнбюл Синан, — одно из проявлений нечестивой души. Это относится к основному злу всех вещей — тяге к мирскому». Затем он поднялся на минбар и еще раз во всеуслышание выразил всем присутствующим свое мнение (Kissling, 257–259).

После этого случая Сюнбюл Синан столь же успешно отразил атаки шейх ал-ислама Камал-паша-заде (1526–1534), известного и влиятельного османского государственного и религиозного деятеля, который был главным оппонентом суфийских шейхов. О необходимости дервишеских радений шейх написал

арабские и тюркские научно-бого-словесные сочинения, так как чувствовал сердцем нарастание в будущем большой битвы между 'улама и суфийскими шейхами. Он также сумел убедить вышеупомянутого шейх ал-ислама выдать юридическое заключение (фатва) о допустимости суфийских зикров и радений (Kissling, 257–259; Hülvi, 446–452). Сюнбюл Синан в течение 33 лет занимался наставничеством и вплоть до своей смерти был главой обители Коджи Мустафы-паши. Он умер в год, когда османский султан Сулейман Кануни впервые осадил Вену. Его похоронили напротив входа в мечеть рядом с обителью. Камал-паша-заде написал на его могильной плите знаменитое изречение и прочитал над могилой элегию (марсийа) (Vidani, 209). Он еще при жизни почитался как святой, а его могила вплоть до XX в. была местом паломничества. Кислинг пишет, что на его могиле были найдены надписи с клятвами, в которых школьники писали: «Если я перейду в следующий класс, то поставлю две свечи (святому)» (Bu sene sınıfı geçerse iki mumdikeseyim - tur). И в современный период школьники дают клятву поставить святому свечи, если сила его благодати и святости поможет им сдать экзамены по программе данного класса. В непосредственной близости от усыпальницы, с левой стороны от ворот мечети, похоронена его жена — Сафийа-хатун, дочь Челеби-эфенди (Kissling, 261—262; Hülvi, 261)

Выдающимся османским суфием, представителем Халватийи был ученик Сюнбюл Синана Муслихад-дин Меркез-Эфенди. Он в свое время время по просьбе матери будущего султана Сулеймана Хафизы-султан возглавил оби-

тель Халватийи в Манисе, в которой шахзаде Сулейман был наместником. Сулейман Кануни часто навещал Муслихад-дина в этой обители. После смерти Сюнбюл Синана Меркез-эфенди при поддержке другого ученика Сюнбюл Синана Йакуба Гермийани стал главой обители Коджи Мустафы-паши. Благодаря деятельности Муслихад-дина Меркеза Эфенди были созданы дочерние обители братства в Стамбуле, в Сирии, в Дамаске. Он 23 года был на посту шейха братства Джамалийа-Сюнбюлийа. Умер Муслихад-дин Меркез Эфенди в 1551 г. В похоронных мероприятиях, проведенных в мечети Мехмета Фатиха при огромном стечении народа, принял участие османский законодатель эпохи султана Сулеймана шейх-ал-ислам Абу-л-Су'уд Эфенди (1545-1574), который высоко ценил роль этого суфийского шейха в распространении и укреплении ислама во многих европейских владениях Империи (Hülvi, 461- 462, 463, 467, 468; Kissling, 259, 261- 263, 264).

Еще одним руководителем ханаки Коджи Мустафы-паши был вышеупомянутый Йакуб Гермийани (ум. 1572 г.). Обитель Коджи Мустафы-паши была довольно популярна среди господствующих слоев Османской империи. В период Йакуба Гермийани ареал распространения Джамалийи-Сюнбюлийи расширился. Дочерние обители были построены в Греции, Болгарии, Албании, вплоть до Эгейского и Средиземного морей. После смерти Сюнбюл Синана на пост главы Центральной обители Коджи Мустафы-паши претендовал также Йакуб Гермийани. Но так как они были духовными братьями и просто хорошими друзьями с Муслихад-дином Меркезом, то Гермийани усту-

пил ему этот пост и поддержал его кандидатуру. Сам Йакуб Гермийани уехал в Йанину для распространения учения Халватийи. Кроме султана Сулеймана Йакубу Гермийани стали покровительствовать второй везир Лютфи-паша (ум. 1562 г.) и его супруга Шах Султан, сестра султана Сулеймана. В свое время Йакуб Гермийани в Йанине спас их от нападения разбойников. Эта супружеская чета специально для Гермийани построили в пригороде Стамбула обитель, что и послужило причиной его переезда из Йанины в Стамбул. Гермийани очень хотел быть шейхом в обители, построенной Лютфи-пашой и Шах султан. Как говорится в сочинении Йусуфа Синана, Йакубу приснился Сюнбюл Синан, который повелел ему стать главой центральной обители. Так как мистические сны и их толкования являлись для последователей Халватийи (как, впрочем, и для всех суфиев) руководством к действию, то Гермийани, не задумываясь, прибыл в центральную обитель Коджи Мустафы-паши и стал ее возглавлять (Kissling, 264-265, 266). Правопреемником Йакуба Гермийани в обители Коджи Мустафы-паши был Йусуф Синан-ад-дин. Он получил суфийское воспитание под наставничеством отца, после чего отец и сын переехали в Стамбул, где Йусуф, став главой обители Коджи Мустафы-паши, увеличил число обителей братства Халватийа (Vicdani, 209-210; Hülvi, 483-485; Kissling, 267). Некоторые другие муриды Челеби-халифы создали многочисленные побочные дочерние ответвления Халватийи и их обители в городах Османской империи, в Кастамону и Болу, в районах Стамбула в Ускюдаре и Ак-Сарайе. После Йусуфа Синан ад-дина сведения

о шейхах обители Коджи Мустафы-паши исчезают. По-видимому, обитель прекращает свою деятельность.

Список литературы

1. Hülvi M.C. Lemez-at-i Hülviye-ez Lemez-at-i Ülviye. (Yüce velilerin tatlı halleri). Hazr. M. S. Tayşi, İstanbul, 1993 (на тур. яз).
2. Kissling H.J. Aus der Geschichte der Chalvetiyye-Ordens. ZDMG. 1953. № 102. pp. 233-319.
3. Алескерова Н.Э. *Суфийское братство Гюлшанийа*. СПб: Петербургское востоковедение, 2002.
4. Martin B.G. A short History of the Khalwati Order of Dervishes. *Scholars, Saints and Sufis. Muslim Religious Institutions in the Middle East since 1500*. Ed. By N. R. Keddie, Berkeley, 1972, pp. 225-305.
5. Vicdani S. Tomar-i Turuk-i Aliyeden Halvetiye silsilenamesi. *Tarikatlar ve silsileleri*. İstanbul, 1995 (на тур. яз).
6. Sevim Ali, Yücel Yaşar. Türkiye Tarihi. Cilt II. Ankara, 1990 (на тур. яз).
7. Кинросс Л. *Расцвет и упадок Османской империи*. Ред. М.С. Мейера. Москва, 1999.
8. Lindner R.P. Nomads and Ottomans in Medieval Anatolia. *Indiana University. Uralik and Altaic series*. 1983. Vol. 144.

References

1. Hülvi M.C. Lemez-at-i Hülviye-ez Lemez-at-i Ülviye. (Yüce velilerin tatlı halleri). Hazr. M. S. Tayşi, İstanbul, 1993 (in Turk).
2. Kissling H.J. Aus der Geschichte der Chalvetiyye-Ordens. ZDMG. 1953. № 102. pp. 233-319.
3. Aleskerova N.E. *Gulshaniyya Sufi Brotherhood*. St. Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, 2002. (in Russ.)
4. Martin B.G. A short History of the Khalwati Order of Dervishes. *Scholars, Saints and Sufis. Muslim Religious Institutions in the Middle East since 1500*. Ed. By N. R. Keddie, Berkeley, 1972, pp. 225-305.
5. Vicdani S. Tomar-i Turuk-i Aliyeden Halvetiye silsilenamesi. *Tarikatlar ve silsileleri*. İstanbul, 1995 (in Turk.).
6. Sevim Ali, Yücel Yaşar. Türkiye Tarihi. Cilt II. Ankara, 1990 (in Turk.).
7. Kinross L. Rise and fall of the Ottoman Empire. Ed. M.S. Meyer. Moscow, 1999. (in Russ.)
8. Lindner R.P. Nomads and Ottomans in Medieval Anatolia. *Indiana University. Uralik and Altaic series*. 1983. Vol. 144.

Информация об авторе

Алескерова Несрин Эльдар кызы,

кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук

филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в городе Баку.

AZ1146, Азербайджан, город Баку, Бинагадинский район, пос. Ходжасан, ул. Университетская, 1,

info@msu.az

Information about the Author

PhD in Historical sciences

Nesrin E. Alasgarova,

Associate Professor at the Department of Humanities sciences

The branch of Lomonosov Moscow State University in Baku

AZ1146, Azerbaijan, Baku, Binagadi district, Hojasan, University str.1

info@msu.az

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.01.2023

Одобрена после рецензирования: 10.02.2023

Принята к публикации: 15.03.2023

Information about the article

The article was submitted: 25.01.2023

Approved after reviewing: 10.01.2023

Accepted for publication: 15.03.2023

History and modernity of Muslim mysticism-tasavvuf in Azerbaijan

История и современность мусульманского мистицизма-тасаввуфа в Азербайджане

Алескерова Несрин Эльдар кызы¹

¹ Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Баку, Баку,
Азербайджан
info@msu.az

Nesrin E. Alasgarova¹

¹ Branch of Moscow State University in Baku, Baku,
Azerbaijan
info@msu.az

УДК 94 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-1-2023-79-98](https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2023-79-98)

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена некоторым особенностям истории суфизма в Азербайджане. В статье описывается история распространения тасаввуфа в Азербайджане, основные школы и течения, а также их влияние на общественно-политическую жизнь Азербайджана. Особое внимание автор уделяет изменениям, произошедшим в эволюции суфизма в Азербайджане в XVIII-XIX веках, т.к. основные средневековые азербайджанские братства Халватийя и Сафавийя перестали вести свою деятельность на территории исторического Азербайджана. Рассматривается факт того, почему именно братство Накшбандийя начинает играть ключевую роль в жизни мусульман Азербайджана в XIX веке. В статье также даны сведения о суфиях, функционировавших в советское время, об их отношениях с государством и обществом.

ABSTRACT

This article is dedicated to some features of the history of Sufism in Azerbaijan. The article describes the history of tasawwuf's spread of in Azerbaijan, the main schools and movements, as well as their impact on the socio-political life of Azerbaijan. The author pays special attention to the changes that took place in the evolution of Sufism in Azerbaijan in the XVIII-XIX centuries as the main medieval Azerbaijani brotherhoods Halvatiyya and Safaviyya ceased to operate on the territory of historical Azerbaijan. The fact of why the Naqshbandiyya brotherhood begins to play a key role in the life of Muslims of Azerbaijan in the XIX century is considered. The article also provides information about the Sufis who functioned during the Soviet era, about their relationship with the state and society.

After the collapse of the USSR, in the atmosphere of independence and intensifying of reli-

После распада СССР в условиях обретения независимости и активизации религиозной жизни тасаввуф возрождается с новой силой. Именно на территории Азербайджана ведут свою деятельность потомки и последователи Накшбандийа-Халидийа. Проявляется это в форме местных оджаков (святых мест) во главе с функционирующими шейхами. Кроме этого, важное значение для духовной жизни мусульман Азербайджана имеет деятельность дервишей-роузеханов, а также паломничество в места захоронений могил суфийских старцев (пиры).

Наряду с вышеуказанным, в 1990-2000 годы среди населения Азербайджана начинают распространяться идеи суфийских шейхов из Турции и России, в частности, северокавказский дагестанский суфизм.

Ключевые слова: Пир Хусайн Ширвани, Халватийа, Сафавийа, Накшбандийа-Халидийа, Насух Эфенди, Осман Нури Топбаш, Эльнур Эфенди

Для цитирования: Алескерова Н.Э. История и современность мусульманского мистицизма-тасаввуфа в Азербайджане. *Современные востоковедческие исследования*. 2023. Том 5 (1). <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2023-79-98>

Суфизм — в оригинальном звучании атасаввуф является одной из основных форм регионального Ислама в Азербайджане. Поэтому целью данной работы является исследование тасаввуфа в Азербайджане, а также попытка показать специфику Ислама вообще и суфизма в прошлом и настоящем.

gious life, the tasawwuf is reviving with renewed vigor. The descendants and followers of the Naqshbandiyya-Khalidiyya conduct their activities on the territory of Azerbaijan, specifically, in the form of local ojaqs (holy places), headed by functioning sheikhs. In addition, the activities of the dervishes-rousekhanes, as well as the pilgrimage to the burial places of the graves of the Sufi elders (feasts), are of great importance for the spiritual life of the Muslims of Azerbaijan.

Additionally, to the above, in 1990-2000s, the ideas of Sufi sheikhs from Turkey and Russia, in particular, North Caucasian Dagestan Sufism, began to spread among the population of Azerbaijan.

Keywords: Pir Chusayn Shirvani, Khalwatiya, Safaviya, Nakshbandiya-Khalidiya, Nasukh Efendi, Osman Nuri Topbash, Elnur Efendi

For citation: Alasgarova N.E. History and modernity of Muslim mysticism-tasavvuf in Azerbaijan. *Modern Oriental Studies*. 2023; Volume 5 (1). (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2023-79-98>

Идеи самосовершенствования человека, высоконравственности правителя, учение о постижении Истины, борьбе Добра и Зла, равноправии людей, а также идеалы мира, свободы и красоты были присущи народу Азербайджана благодаря древним верованиям зороастризма, зарванизма, манихейства, маздакизма

и шаманства, а также христианства, являвшегося государственной религией Кавказской Албании IV-VII вв. И хотя распространение здесь этих религий не привело к консолидации местных племен, они оказали свое влияние на характер Ислама в нашей стране (Алескерова 2005, 13-14).

Несмотря на то, что процесс распространения и утверждения ислама был сложным и многозначным событием, он способствовал подъему духовной жизни народа и формированию общей мусульманской культуры. После того, как воцарилось господство единого Арабского халифата, остановились кровопролитные войны между крупными державами- Сасанидской и Византийской империями, Хазарским каганатом и Арабским халифатом. Утвердившееся спокойствие создало условия для развития городов и ремесленного производства в них, селений и земледелия, большой прогресс этих отраслей способствовал подъему социально-экономического уровня жизни народов, вошедших в состав Арабского халифата. Все вышесказанные факторы способствовали углублению знаний в области астрономии, географии, математики, медицины и т. д. Наряду с расцветом наук наблюдается расцвет культуры и искусства. Еще более ярко это проявляет себя в период политического распада Арабского халифата, когда на ее территории образуются независимые мусульманские эмираты (Алескерова 2005, 14-19).

Расположение Азербайджана на пересечении международных караванных путей, соединяющих Север с Югом, Восток с Западом, оказало положительное воздействие на развитие культуры.

Исторический период, сложившийся между периодами существования государства Атабеков Азербайджана и государства Сафавидов (1501-1736), можно считать периодом азербайджанского Ренессанса, происходившего в общем русле мусульманского Ренессанса. Восприятие населением исторического Азербайджана мусульманства, развитие тюркского (огузского) языка в Азербайджане шло в общем потоке и привело к формированию азербайджанского тюркоязычного народа с единой идеологией (религией), культурой и языком.

Ислам превратился в мировую религию прежде всего потому, что имел способность приспосабливаться к местным условиям. В различных историко-культурных регионах Ислам адаптировался к местным условиям, что привело к формированию его региональных форм. Например, представители шиизма, преследуемые халифскими властями, переехали в провинцию халифата в Иран и Азербайджан, где их идеология мессианства¹ смешалась с местными, доисламскими верованиями зороастризма, манихейства. Но когда Ислам одержал свою окончательную победу, его облик преобразился чертами шиизма, исмаилизма, хуруфизма,

¹ Российский исследователь суфизма Юрий Аверьянов в монографии «Хаджи Бекташ Вели и суфийское братство Бекташийя», ссылаясь на турецких авторов и подтверждая мысль о том, что мессианство в исламе было тесно связано с культом Али и шиизмом выдвигает также мысль о том, что тюркам мессианские идеи могли проникнуть еще в древности при посредстве зороастризма, манихейства и маздакизма и что мессианская традиция в восточных районах Ирана сохраняет преемственность со времен Сасанидов. см. (8, с. 226.)

его многие доктрины дополнились новациями идей суфийских школ самого разнообразного, в том числе и чисто оригинального регионального происхождения» (Абасов 2017, 22).

История суфизма в средневековом Азербайджане

В Азербайджане, согласно источникам, представители суфизма уже были известны в III веке хиджры (X век н.э), когда наступившее ослабление Аббасидского халифата повлекло за собой в Средней Азии, Иране, Азербайджане укрепление местных династий и связанный с этим расцвет наук (языком которых был арабский) и персо-язычной литературы. Эти люди были аскетами и подвижниками, вели благочестивый образ жизни и называли себя и своих товарищей дервишами. Скучные сведения об их образе жизни свидетельствуют о том, что они были приверженцами Басрийской и Хорасанской школ суфизма (Кныш 2004, 64–65; 68–93; 132–133). (Мәһәммәдсәлil, 9–10). (Бертельс, 239–241; 242–247; Рзакулизаде, 30; Алескерова 2015, 11; Ашурбейли, 162–165). (История, 112–127; Ашурбейли, 219; Кули-заде, 76). (Ашурбейли, 162–165; Неймат, 19–45). (Кныш 1991, 118–119; История, 139–142).

Средневековые суфийские братства Сафавийа и Халватийа зародились в Азербайджане. Сафавийа в Ардабиле, а Халватийа в Гиляне. Оба братства имели единое происхождение, так как наставником основателей этих братств был легендарный суфий Ибрахим Захид Гиляни (Алескерова 2015, 71–74), могила которого находится в селении Шихакеран Ленкоранского района Азербайджанской Республи-

ки и является местом паломничества местных жителей — святыней (пиром).

Халватийа была основана Шейхом Захир-ад-дином Умаром ал-Халвати (ум.в Тебризе в 1349 или 1397 г.). Основным пиром, разработавшим теорию и практику этого братства, был бакинский шейх-Саййид Йахйа б. ас-Саййид Баха-ад-дин аш-Шамахи ал-Бакуви ал-Халвати (вторая половина XIV века, ум. в 1464) (Алескерова 2015, 74–82).

Благодаря этому шейху братство Халватийа посредством более 40 ответвлений распространилось на Ближнем и Среднем Востоке, а также на Балканах и в Африке. Братство и многочисленные его ответвления играли большую роль в социально-политической и историко-культурной жизни государств Ширваншахов, Ак-Коюнлу, Кара-Коюнлу. Особенная роль отводилась Халватийи в Османской империи, где приверженцами этого братства были как высшие слои — османские султаны, великие везиры, высшие чиновники и т. д., так и широкие народные массы Балкан, Египта, Марокко и Алжира, Мали и Судана (Алескерова 2015, 82–135).

Шиитское суфийское братство Сафавийа, сыгравшее решающую роль в идеологической, культурной, общественно-политической жизни Азербайджана, зародилось еще при монгольском владычестве. Основателем его был последователь Ибрахима Захида Гиляни (ум. ок. 1300 г.) Сафи-ад-дин Исхак Ардабили (1252–1334 г.).

Возвышение Сафавидов, как политической организации, происходит уже при шейхе Джунейде (1447–1460) и его сыне шейхе Гейдаре (1460–1488) (Петрушевский, 361–376).

Сафавийа из наследственного суфийского братства превращается в мощную шиитскую политическую силу в регионе Ближнего и Среднего Востока, а также Центральной Азии. Объединив под своим руководством крайне — шиитские кызылбашские племена Малой Азии Сафавиды начинают активную борьбу за власть. В итоге во II-й половине XV в. эта борьба завершилась победой Сафавидов, захватом Тебриза на юге и Баку на севере и созданием в начале XVI века Сафавидской империи.

Известно, что Сафавиды, придя к власти в Тебризе и Баку, стали преследовать своих идеологических и политических конкурентов, в том числе и братство Халватийа, поэтому почти все Халвати, преследуемые властями, уехали из Ирана и Азербайджана, в основном в Османскую империю.

Особенно жестоким преследованиям подвергался один из самых ярких представителей Халватийа, глава дочернего от Халватийи братства Гюлшанийа-шейх ИбрахимГюлшани. «Халватийа и его дочерние ответвления, в том числе и Гюлшанийа, изначально и потом тесно связанная с шиизмом имамитов-двунадесятников (исна'ашарийа), попало под полное покровительство османских султанов. В связи с этим алидское учение общины претерпело некоторые изменения. Казалось, Халватийа вместе со своими дочерними ответвлениями стала суннитской шафиитского толка, а шиизм в ней

был низведен до уровня тайного учения — норма существования, присущая шиитам в условиях враждебного окружения — такийа. С другой стороны, возможно мистическая и духовная жизнь приводила суфийских шейхов к толерантности в отношении эзотерических проявлений культа в виде шиизма или суннизма, тем самым позволяя им спокойно приспосабливаться к изменяющимся условиям окружающей среды» — пишет Н. Алескерова (Алескерова 2015, 97).

Поначалу Сафавиды объединили под своим началом все шиитские движения Ирана и Азербайджана, учение которых послужило идеологией многих народных движений в средние века, в конечном счете объявив умеренный шиизм идеологией своего государства.

Начиная с сафавидского шаха Аббаса (конец XVI – нач. XVII) шиитская форма ислама (мазхаб и Джа'фар-и ас-Садыка или мазхаб 12 имамов) стал религией большинства населения Азербайджана (Юнусов 2013, 77–83) (сейчас это 65% мусульман страны)².

После падения Сафавидской империи в начале XVIII в. и падения Афшаридского государства Надир шаха Афшара в середине XVIII в. Азербайджан был разделен на небольшие государственные управления — северные и южные ханства, которых в общей сложности насчитывалось 20 ханств. Несмотря на преобладание шиизма среди народа суннитов здесь было тоже

² Можно сказать, что вплоть до начала XVI в. суннитское толкование ислама преобладало в Азербайджане, по крайней мере, было официальной идеологией средневековых азербайджанских государств. Но и шиитское направление было если можно так сказать «подводным течением» и различные его ответвления были широко распространены среди народа. В различные периоды истории Азербайджана в зависимости от политической ситуации, власть предержащие, в том числе правители государства Ширваншахов, Ак-Коюнлу и Кара-Коюнлу становились приверженцами шиизма.

достаточное количество. До последнего времени в Нахичеванском, Карабахском, Апшеронском, Гянджинском, Мильском, Муганском и Ленкоранском регионах доминирует шиизм, а в Шеки-Закатальском, Губа-Гусарском, Шамаха-Габалинском — суннизм (Алескерова 2005, 19).

Ат-тасаввуф в Азербайджане в Новое и Новейшее Время

В период азербайджанских ханств одним из проявлений суфизма было существование мусульманских святынь (пиров), почитание их местным населением. В комплексе святынь располагались обители (завийа) суфийских шейхов. В этих обителях жили шейхи сосвоимимиридами, и это были крупные вакфные земельные участки (Hüseynli, 131-139). Одним из таких крупных вакфов в Бакинском ханстве было место захоронения одной из последовательниц VIII шиитского имама Али-Рзы, известное в народе как «Биби-Хейбатпири», принадлежавшее шейхам из рода влиятельного в свое время Бунята ал-Бакуви³. Такие святыни-вакфы, которыми руководили суфийские шейхи, находились на территории и других ханств Азербайджана. Например, в Карабахском ханстве вакф мечети Гевхер ага, в Гянджевакф святыни «Имам-заде», в Ардебиле святыня сафавидских шейхов и т.д. (Hüseynli, 137-139).

Суфийские шейхи, муршиды, муриды и дервиши в период азербайджанских ханств относились к четвертой категории духовенства, так называемое свободное духовенство «Азадруханиляр» (Hüseynli, 163).

Политическая и духовная (идеологичес-

кая) активность суфийских братств в Азербайджане особенно проявляет себя в XIX веке, благодаря деятельности влиятельного суфийского братства Накшбандийа-Халидийа. Вообще приверженцы Накшбандийи даже целые накшбандийские семьи появились в Азербайджане уже в XV веке (Məhəmmədcəlil, 19–22).

Расцвет суфийского братства Накшбандийа в Азербайджане приходится на XIX в., когда уроженец Кюрдамира (Кюрдамирский район в исторической области Ширван Северного Азербайджана) Маулана Исмаил Сирадж-ад-дин Ширвани (род. в 1782 г.) примкнул к знаменитому Халиду Багдади и получил от него грамоту (иджазанама) о праве на наставничество. Учение Халидийи проникло на Кавказ в результате именно деятельности Исмаила Сирадж-ад-дина Ширвани. После подавления движения мюридизма часть последователей Шейха Исмаила Сирадж-ад-дина и имама Шамиля были сосланы царской администрацией в Сибирь, другая часть смогла перебраться в Османскую империю и поселиться в городе Амасие, где многие из них также подвергались репрессиям Османских властей. Большая часть также вынуждена была уйти в подполье. Многие из последователей Исмаила Сирадж-ад-дина Ширвани в дальнейшем подверглись репрессиям также и советских властей (Niyazov, 45–145).

Среди последователей азербайджанского братства Накшбандийа-Халидийа-Исмаилийа следует, конечно же, отметить имена Хас Мухаммада Ширвани, который был муршидом знаменитого Мухаммада Йараги, Хаджи Ахмада Гийаси, суфийского поэта Хамзы Нигяри, Хаджи

³ Из этого рода происходил выдающийся востоковед, Герой Советского Союза, академик Зия Мусаевич Бунятов.

Махмуда Эфенди Асланбейли, Хаджи Ахмада Эфенди Кулули, Хаджи Махмуда Баба Кюрдамирли, Хаджи Йахья бейа Куткашенлы, Хаджи Юнуса Эфенди Лелели, Алмалы Махмуда Эфенди (Niyazov, 49-79). Самым знаменитым шейхом Накшбандийи-Халидийи-Исмаилийи в Советское время в Азербайджане был Шейх Мухаммад Насух Эфенди (1917–1996), который был муридом Джалисуллаха Хаджийова Эфенди (ум. 1948). Несмотря на все сложности религиозной жизни в Советское время оба шейха вели достаточно активную деятельность в качестве муршидов. Насух Эфенди был прекрасным знатоком фикха, подготовил 5 халифов, которые оставили о нем письменные воспоминания. Этот шейх смог избежать репрессий, умел договариваться с советскими властями. Его ученики писали в своих воспоминаниях, что сотрудники спецслужб приходили к нему с угрозами, но после беседы с ним мирно покидали его обитель, негласно разрешая ему вести свою деятельность, порой сами тайком приходили к нему за советом. Он был талантливым религиозным просветителем своего времени, был автором тафсиров Корана, сохранились его письменные ответы на так называемые вопросы-фетвы, которые задавали ему не только его муриды, но и ученые мужи Азербайджана. Сохранилась его переписка с некоторыми востоковедами — сотрудниками Академии Наук Азербайджана (ныне Национальная Академия Наук Азербайджана). Например, Насух Эфенди переписывался с азербайджанским востоковедом Али Фахми. Он также перевел на азербайджанский язык множество суфийских сочинений на арабском и персидском языках

и написал комментарии к различным сочинениям, относящимся к тасаввуфу, а также сделал переводы определенных сур Корана (Niyazov, 121–145).

В современном светском Азербайджане 94% верующих являются мусульманами, из них 65% шиитов, остальные мусульмане (примерно 35%) — сунниты. Во главе всех мусульман стоит Духовное управление мусульман Кавказа во главе с Шейхуль-Исламом Аллахшюкюром Пашазаде. Можно сказать, что региональному исламу в Азербайджане характерно мирное сосуществование суннитов и шиитов. Если исключить Сафавидский период так было всегда, и в Советское время, в том числе. Как я написала в одной из своих статей со ссылкой на профессора Али Абасова «в Азербайджане выработалась своеобразная традиция шиитско-суннитского «экуменизма» и это была основная форма ислама в Азербайджане» (Алескерова 2005, 20).

В этой связи следует упомянуть региональный суфизм, который и по сей день имеет большое распространение в нашей стране. Это, прежде всего, посещение святых мест, связанных с суфизмом. Их в республике насчитывается более 500 мест. Например, старое кладбище в селе Шыхлар (Шейхлер) Хачмазского района. В центре кладбища — четырехугольная турба, состоящая из двух комнат. В них погребены Йусуф Мускури и его сын Мухаммад Амин. Кроме этого, важным местом паломничества местного населения является кладбище под названием 66 аулийа, находящееся в селении Пир-Вахид Губинского района Азербайджанской Республики. Эти места паломничества связаны с братством Халватийа. Крупные и массовые места

поклонения (пиры) в Апшероне — это Нардаранпири (селение Нардаран), Али айагы (селение Бузовны), «БибиХейбатпири», Асхаб-и Кахф и Имамзаде в Нахичеванской автономной Республике, «Ибрахим Эфенди» и «Нуснуспири» в Ордубадском районе. На юго-востоке страны в Ленкоранско-Массалинской зоне — Сеййид Ахмед, Сейид Джамал, «Шейх Захид», «Бабадиль» и «Гызылагадж». В Сальянском районе «Ханегяхпири», в Шамахе — Пирсагат и Дедегюнеш, в Агдамском районе «Вейс баба» и «Хаджжи баба». В Гяндже «Гёй имам» или «Имамзаде». В Барде также «Имамзаде». В Губинском районе — «СолтанХалладж» и «Агбиль баба». В Шабранском районе «Пир Абад» (селение Пирабадил). На северо-западе в Товузском районе «Хаджи Эфенди пири». В Шекинском районе «Бабаратма» и «Мухаммад Эфенди» и т.д. Посещают эти места как шииты, так и сунниты (они общеазербайджанские) (Юнусов 2004, 175-176; Nemət, 104).

Среди действующих суфийских шейхов следует назвать последователей и генетических потомков Сеййида Хамзы Нигяри, являющегося одним из халифов Исмаила Сирадж-аддина Ширвани. В результате полевого опроса удалось выяснить, что это Мунтахаб баба, который сейчас проживает в селении Масазыр недалеко от Баку, и Икрам баба, проживающий в городе Барде Карабахской зоны Азербайджанской Республики. Места проживания этих

шейхов являются фактически обителями под названием «Сеййид Нигяри Оджагы», а выше-названные шейхи имеют достаточное количество муридов.

Ирфан в Азербайджане испокон веков и по сегодняшний день представляют дервиши -роузэханы, шиитские суфии-гностики, марсийаханы или маддахи, прославляющие пророка Мухаммада, его Семью (ахл-и бейт) шиитских имамов, мусульманских святых. Они безупречные знатоки Корана, основных шиитских интерпретаций-хадисов о пророке и преданий (ахбар) о его потомках — 12 шиитских имамах. Роузэханы — профессиональные музыканты, композиторы, исполнители азербайджанской национальной мугамной музыки, написанной на стихи классиков суфийской поэзии⁴, сочинители религиозных песен-илахи или мадхия (хвалебные оды), прославляющие бога, пророка Мухаммада, ахли-бейт и 12 шиитских имамов. Численность дервишей-роузэханов на сегодняшний день приближается к 200 человек, и их творчество широко распространено среди азербайджанского народа. Особое место занимает группа «Ахл-и-бейт маддахлары», создателем и руководителем которой был прославленный маддах, роузэхан, ныне покойный Хаджи Машади Яшар Хасан оглы Джахид Нардарани (родом из селения Нардаран, недалеко от Баку). Он и его соратники Хаджи МашадиАгил (род.1952) доцент Азербайджанского Государ-

⁴ Наряду с суфийской поэзией можно сказать, что основополагающую роль духовной жизни Азербайджана всегда играло традиционное музыкальное искусство — мугамат, которое тоже сформировалось под влиянием суфизма. Несмотря на то, что искусство Макама-мугама уходит корнями в глубь веков окончательное философско-эстетическое оформление оно получило именно под воздействием суфизма. Суфизм сыграл основополагающую роль в окончательном философско-эстетическом формировании светского азербайджанского музыкального искусства — мугамата (5, с. 52-53).

ственного Университета Культуры и Искусства, Хаджи Назир и др. являются прославленными роузеханами не только у себя на родине, но и за его пределами, в частности среди азербайджанцев России. Они выступают во время мусульманских праздников, во время месяца Рамазан, траурного месяца Мухаррама, на религиозных свадьбах — «дервиш тойу», а также являются участниками конкурсов религиозной музыки в Республике Турция. Среди современных дервишей — роузеханов следует назвать Хаджи Захида Нардарани (Закиев Захид Фаик-оглы, род.1989), уроженца селения Нардаран. Он потомственный дервиш-роузехан. С семи лет поет марсийа (траурные мистерии) во время месяца Мухаррама, прекрасный знаток Корана — в частности таджвида. В течение 1999–2000 гг. он учился у вышеупомянутого Хаджи Яшара Нардарани мастерству дервишей-роузеханов и с 2012 года является участником группы «Ахл-и-бейт маддахлары». С большим почтением он вспоминает своих учителей Хаджи Яшара Нардарани и Хаджи Назира и высоко ценит искусство роузеханов (Алескерова 2012, 115–118).

В своих музыкальных проповедях они провозглашают любовь к Богу, любовь к Родине и родителям, к семье, детям, любовь ко всему прекрасному, что создано Всевышним. Мероприятия роузеханов играют большую роль в деле нравственного воспитания общества и даже временами укрепления государственности. Эти дервиши-роузеханы находились и находятся под полным покровительством официального ислама и не вмешиваются в политику. Мастерство этих шиитских дерви-

шей-роузеханов переходит из поколения в поколение и не умирает. Прежде всего потому, что оно вросло корнями в народные традиции и интеллектуально-мистический гностицизм являлся одной из форм регионального суфизма.

После распада СССР и установления независимости Азербайджанской Республики в 1990-е годы произошли изменения в религиозной жизни страны. В этот период мы наблюдаем политику Турции, Ирана и Саудовской Аравии по усилению религиозного влияния на население нашей Республики. В ответ на открытую пропаганду Ираном как умеренного, так и радикальных форм шиизма. Турция пыталась внедрить в Азербайджан «менее радикальный» суннитский ислам, а Саудовская Аравия салафизм и его радикальные формы.

Фактически между Ираном, Турцией, Саудовской Аравией начинается борьба за умы и сердца верующих-мусульман. Эта борьба велась посредством издания газет и журналов, открытия различных исламских партий и организаций, университетов, лицеев и колледжей. Все они вели разветвленную религиозно-просветительскую деятельность на территории Азербайджана в 1990-2000 гг. Но с авторизацией власти в Азербайджане многие религиозные партии, организации, фонды, университеты и колледжи, заподозренные в дестабилизации обстановки в стране, были или официально запрещены, или же под различными предлогами их деятельность была свернута (Юнусов 2013, 37-53; 76; 106-114). Однако многие нетрадиционные для Азербайджана суфийские организации и течения и по сегодняшний день ведут свою религиозно-просветительскую деятель-

ность на территории нашей страны. Это так называемый «мягкий ислам» весьма популярный среди нынешней правящей элиты Турции. С точки зрения государственности они не являются реакционными и параллельно с Духовным Управлением мусульман Кавказа и с Государственным Комитетом по работе с религиозными организациями ведут религиозно-прогрессивную деятельность среди мусульман Азербайджана. Это прежде всего приверженцы и последователи известного турецкого накш-бандийского шейха Османа Нури Топбаша — почетного председателя вакфа Азиза Махмуда Худайа «Худай вакфы», автора большого количества книг о теории и практике современного суфизма и ислама в глобальном мире, авторских лекций, переведенных на языки мира и пользующихся огромной популярностью, как среди мусульман, так и среди людей, интересующихся исламом. Осман Нури Топбаш имеет много последователей в Азербайджане (Юнусов 2013, 73). Сторонники этого суфия немногословны, не любят говорить о проводимой ими колоссальной благотворительной деятельности. «Худай Вакфы» создал Закатальское отделение Исламского Университета в Баку, построил большое число мечетей и мужских и женских мадрас. В этих мадраса учатся как сунниты, так и шииты. Многие сотрудники Духовного Управления мусульман Кавказа — сунниты, грамотные богословы являются выпускниками этих учебных заведений.

Часто организовываются встречи и конференции с участием сотрудников Духовного Управления Мусульман Кавказа и Османа Нури

Топбаша. А также Шейхуль-исламом Аллахшюкюром Пашазаде организовываются мероприятия, посвященные презентациям религиозно-философских книг Топбаша. Топбаш также является создателем в Азербайджане «Фонда помощи молодежи» (Gəncliyə Yardım Fondu), который играет большую роль в социальной и общественной жизни Азербайджана, ведет большую благотворительную работу. В дни Второй Карабахской Войны этот Фонд морально и материально поддерживал воинов на фронте. Сейчас они также поддерживают героев (газилер) Карабахской Войны, совершают благотворительные визиты к семьям павших (шехидов) с гуманитарной помощью. Среди представителей Фонда помощи молодежи и последователей Топбаша можно назвать ЭминаХасанлы, Мубариза Геюшева, Эльдениза Салманова, Эльдара Керимова, Руфата Ширинова и др. (Əziz Mahmud Hüdai). Председатель Духовного Управления мусульман Кавказа хаджи Аллахшюкюр Пашазаде в одном из своих выступлений высоко оценил Топбаша, сказав, что «из зарубежных стран приезжают также немало ученых с чистыми намерениями, которые служат распространению истинных знаний об исламе. Одним из них является Осман Нури Топбаш» (30). Еще в период президентства в Азербайджане Гейдара Алиева Шейх Осман Нури подарил волос пророка Мухаммада мусульманам Азербайджана (Ниязов).

В Баку есть также последователи шейха Назима ал-Хаккани ал-Кыбриси. С ноября 2011 года — его сын шейх Мехмет ал-Кыбриси Турецкой Республики Северного Кипра продол-

жает дело своего отца (Юнусов 2013, 73). Влияние другого турецкого шейха Накшбандийи Махмуда Усты Османоглы широко распространилось в Западной зоне — Газахе и Агстафе (Юнусов 2013, 73). В Азербайджане с 2000 года также широко распространилось турецкое суфийское братство Сулейманийя. Это последователи Хильми Тунахана Силитреви (1888–1959) (İskəndərli, 49-51). Однако представители этого братства были подвергнуты репрессиям и сейчас они ведут свою деятельность подпольно (İskəndərli, 75-76). На северо-западе в Закатальском, Гахском и Балаканском районах и по сей день среди национальных меньшинств есть последователи влиятельного и знаменитого дагестанского шейха Саида Эфенди ал-Чиркави (убит 2012 г.).

В Губинском и Хачмазском районах в 2011 г. Накшбандийу-Халидийу возглавлял шейх Сирадж-ад-дин Ибрафимов (Шихалиев 2006), а после его убийства 2011 г. в этом регионе братство возглавляет его халифа шейх Эльнур Эфендиев (далее Эльнур Эфенди), происходящий из рода потомственных суфиев. В результате полевого исследования я выяснила, что он родился 7 июля 1975 года в семье учителей, в городе Губе, находящемся в северной части Азербайджана, известном также своими святыми местами — пирами. Эльнур Эфенди получил образование агронома, а с пятнадцати лет также занимался религиозной деятельностью — служил муэззином в мечети Хаджи Джафар в Губе, затем был заместителем имама этой мечети. Начальное религиозное образование получил у губинских религиозных деятелей

(моллы). Высшее богословское образование получил в Бакинском Исламском Университете. В Губе испокон веков функционировали четыре мечети, которые были закрыты в годы Советской власти. Но одна из них — вышеупомянутая мечеть Хаджи Джафар была открыта в 1944 г. Все остальные мечети были отреставрированы и возвращены верующим в 90-е годы прошлого века. В мечети Хаджи Джафар в годы советской власти шиитская и суннитская общины функционировали вместе, и эта традиция остается в силе по сей день. В 1996 г., когда Эльнуру Эфенди исполнилось 20 лет, Духовное Управление Мусульман Кавказа назначило его имамом этой самой мечети Хаджи Джафар.

Несмотря на то, что Эльнур Эфенди уже к своим 25 годам был образованным мусульманским богословом, выпускником достаточно серьезного религиозного учебного заведения — Бакинского Исламского Университета, имамом одной из больших мечетей в Губе, он поставил цель стать суфием, почувствовал необходимость прикоснуться к иному, отличному от традиционного восприятию божественного. После долгих поисков он примкнул к вышеназванному влиятельному южнодагестанскому суфийскому шейху Сирадж-ад-дину Ибрафимову. Как он сам сказал: «Это было самым большим счастьем в моей жизни»⁵.

В 2002 году Эльнуру Эфенди его муршидом была представлена грамота о праве на наставничество (иджазет) и на проведение Хатм-и Хваджагана в Губе. Эльнур Эфенди был первым и единственным азербайджанцем,

получившим право на наставничество от мау-ланы Сирадж-ад-дина Ибрафимова. Эльнур Эфенди рассказал, что у его муршида было около 8 тысяч муридов, так объявили по телевидению в день гибели Сирадж-ад-дина в 2011 г. Но иджазанаме он дал всего лишь двум своим муридам — Эльнуру Эфенди и своему дагестанскому муриду, Усам-ад-дину Эфенди, который сейчас является имамом исторической Джума мечети в Дербенте.

Эльнур Эфенди высоко отзывался о своем муршиде Сирадж-ад-дине Ибрафимове, как о самом выдающемся суфийском шейхе Южного Дагестана, благодаря которому, наряду со знаниями о тарикате, он также познакомился с тонкостями шафиитского мазхаба⁶, которых раньше не знал.

Самостоятельная деятельность Эльнура Эфендиева в качестве шейха братства Накшбандийа-Халидийа в Губе

Эльнур Эфенди является единственным в современном Азербайджане шейхом Накшбандийи-Халидийи, имеющим право на наставничество (иджазанаме). В 2012 году он стал вести самостоятельную деятельность в качестве халифы Сирадж-ад-дина Хурики в Губе.

В течение многих лет, начиная с 20-летнего возраста, Эльнур Эфенди был имамом главной губинской мечети Хаджжи-Джафар. Но на сегодняшний день он ушел с этой должности и возглавил собственную, как он ее назвал, Ак-мечеть (Белая мечеть-пер. с аз.). Эту мечеть он построил сам на собственном земельном участке, она примыкает к его дому. Эта трехэтажная мечеть является самой большой мечетью в северном регионе Азербайджана. В 2017

⁵ И действительно этот шейх Накшбандийи обладал колоссальным авторитетом и завораживающей харизмой. Именно подробно об этих качествах своего муршида беспрестанно рассказывал мне Эльнур Эфенди во время беседы с ним. Эльнур Эфенди много рассказывал о деятельности Сирадж-ад-дина Хурики в качестве муршида братства Накшбандийи-Халидийи, о том, как его почитали азербайджанцы Южного Дагестана. Он также рассказал о том, что после него, многие из жителей Губы и Хачмаза стали муридами и приверженцами Ибрафимова. Эльнур Эфенди также рассказывал о широкой религиозной и общественно политической деятельности своего муршида, привел также интересные факты о деятельности Сирадж-ад-дина Эфенди в качестве создателя и руководителя религиозно-образовательного центра Баб-аль-Абваб и исламского Университета им. Абдаллаха Эфенди Курики. Он также много говорил о высокой ответственности Сирадж-ад-дина Ибрафимова, за каждого своего муриду, о том как Сирадж-ад-дина Хурики руководствуясь накшбандийским принципом «Сердце Богу, руки труду», кроме изучения религиозных наук также отправлял своих муридов изучать ремесла, например ремесло каменщика, столяра, сварщика, сантехника и т.д. Все это делалось для того, чтобы муриды не материализовали свои религиозные убеждения, а поклонение Создателю не превратили в средство достижения земных благ. Поэтому к нему стекались со многих стран — со всех концов России — Поволжья и Татарстана, из Азербайджана, Средней Азии, Афганистана, Пакистана и других стран. Сирадж-ад-дин Ибрафимов активно боролся с экстремизмом ваххабитов, выступал против реакционных группировок в Чечне и Дагестане. За что видимо и был убит во дворе своего дома в октябре 2011 года.

⁶ Шафиитский мазхаб — один из четырех мусульманских мазхабов, основан на рубеже VIII-IX вв. имамом Мухаммадом аш-Шафи'и (ум. в 820г.) (25, с. 295-296.)

году он расширил территорию мечети и подобно своему муршиду создал своего рода религиозно-образовательный центр. На территории этого комплекса есть столовая, мадраса, общежитие для студентов, обучающихся в этом мадраса, библиотека, баня, специальные помещения для ночлега беднякам. В четверг и воскресенье Эльнур Эфендиев с семьей и муридами устраивают обед для бедняков. Ежемесячно где-то 200 человек малоимущих жителей Губы и его окрестностей обеспечиваются продуктами и одеждой со стороны общины Ак-мечети. Один раз в год в сентябре перед началом занятий община Эльнура Эфенди раздает школьные формы и другие школьные принадлежности детям из малоимущих семей, а также оказывает денежную помощь их семьям.

Когда я задала Эльнуру Эфенди вопрос о том, какие у него складываются отношения с государственными властями, он ответил: «Есть два правительства, власть которых полностью соответствует законам Аллаха: первое — это управление пророка Мухаммада мусульманской уммой, а второе — пришествие 12-го шиитского имама Махди»⁷. Далее, он привел в пример Османскую империю и сказал о связи Османа гази с шейхом Эдэбали, благословившим его правление, упомянул влияние Ак-Шамс-ад-дина на завоевателя Константинополя Мехмета II Фатиха (Sevim, T.1, 188-191, T.2,

120-129). Именно из-за приверженности Османских султанов к суфийским шейхам и ирфану, они смогли создать такую сильную империю. По мнению Эльнура Эфенди, Восток именно тогда стал отставать от Запада и терпеть неудачи во внутренней и внешней политике, когда салафитская секта ваххабитов вбила клин между мусульманскими правителями, простыми мусульманами и суфиями.

Эльнур Эфенди, так же как в свое время его устасз Сирадж-ад-дин Исфафилов, придерживается принципа невмешательства в дела государства, не сопротивления государственным властям, борется с экстремизмом ваххабитов, выступает против реакционных группировок. При этом он приводит в пример также кадирийского шейха Кунта Хаджжи Кишиева (Месхидзе, 61–62), который осуждал любого рода войну (в том числе и против властей), считая ее неугодной Аллаху. Эльнур Эфенди сказал, что каждый народ заслуживает своего правителя, если народ богобоязнен, то и Аллах посылает своему народу совершенного и богобоязненного властителя. Согласно Эльнуру Эфенди, если какие-то определенные группировки или отдельные люди выступают против властей, значит эти люди считают светские власти сильнее и выше Аллаха. Это недопустимо. Это грех. Единственным властителем мира является Всевышний Аллах.

⁷ Силсила Накшбандийи-Халидийи, приверженцем которой является Эльнур Эфенди, восходит к пророку Мухаммаду посредством двух линий: 1) через шестого шиитского имама Джафар ас-Садыка к 4-му праведному халифу и первому шиитскому имаму Али-ал-Муртаза и через Гасим ибн Мухаммада и Салмана ал-Фариси к Абу-Бакра ас-Сыддыку. Таким образом, Эльнур Эфенди, а также его муршид Сирадж-ад-дин Курихи будучи суннитами-шафиитами использовали в своей практике и элементы шиизма. Как я выше отмечала «Мистическая и духовная жизнь приводила суфийских шейхов к толерантности в отношении экзотерических проявлений культа в виде шиизма или суннизма, тем самым позволяя им спокойно приспособляться к изменяющимся условиям окружающей среды».(см. страницу 6 данной статьи.)

«Наш тарикат, мой муршид Сирадж-ад-дин Эфенди, его муршид Абдаллах Эфенди Курухи (который жил в Советское время, но никогда и словом не обмолвился о сопротивлении советскому государству) и мы придерживаемся принципа, что власть принадлежит Аллаху, суфии не должны занимать оппозиционную позицию по отношению к властям, не должны вмешиваться в политику. Даже если законы не соответствуют шариату и тасаввуфу, в обществе должна царить обстановка свободы вероисповедания, руководитель страны должен быть справедливым, все основные потребности граждан должны быть обеспечены, государство должно гарантировать безопасность жизни, имущества и чести своих граждан, должна существовать налаженная система здравоохранения, справедливая экономическая система. Вот с таким государством мы хотим сотрудничать» — сказал Эльнур Эфенди.

Если существуют законы, которые не соответствуют правилам шариата и тасаввуфа, то мы призываем к смирению. Коран запрещает организацию движений неповиновения. Народ должен помогать государству проводить в жизнь меры, направленные на улучшение всеобщего благосостояния и благополучия. Деятели религии и суфии при этом должны оказывать народу и государству свою посильную помощь.

«В плане свободы вероисповедания и толерантности Азербайджан может показать пример всему миру» — сказал Эльнур Эфенди. Исполнен веков большое количество народов и этнических групп, принадлежащих к разным религиозным течениям, мирно проживают

на территории Азербайджана. «Это является большим достоянием нашего народа» — сказал Эльнур Эфенди.

Эльнур Эфенди рассказал, что в 2003 году, когда умер Президент Азербайджана Гейдар Алиев, Сирадж-ад-дин Исрафилов прочитал специальную молитву и посвятил ее духу покойного Президента. А когда Ильхам Алиев был избран Президентом Азербайджана, Сирадж-ад-дин Эфенди благословил его, сказав, что уже 400 лет Азербайджан не знал такого сильного правителя, как Ильхам Алиев.

На мой вопрос, какие отношения складываются у Эльнура Эфенди с Комитетом по работе с религиозными организациями Азербайджанской Республики и Духовным Управлением мусульман Кавказа, он ответил, что в разные времена, в зависимости от обстановки отношения складываются по-разному. Бывали и бывают очень прохладные, но бывают и очень теплые времена во взаимоотношениях. Эта проблема весьма противоречива. Но Эльнур Эфенди отметил, что несмотря ни на что, он всегда выполнял поручения этих государственных организаций: участвовал со своими муридами на мероприятиях, устраиваемых этими организациями, по направлению и Комитета, и Духовного Управления выступал с докладами в нашей стране и за границей. Эльнур Эфенди является также автором многочисленных статей, изданных в Бюллетене Комитета по работе с религиозными организациями и в сборниках Духовного Управления мусульман Кавказа. На мой вопрос о деятельности Ак мечети и общины Эльнура Эфенди во время

Второй Карабахской войны он ответил следующим: «Защита Родины — это святой долг любого мужчины и гражданина. Джихад и пасть шехидом во время войны с захватчиками — это большая честь для любого мусульманина, в том числе и для азербайджанцев. Наш народ показал большой героизм и освободил захваченные земли. Наряду с азербайджанцами в рядах азербайджанской армии пали шехидами сыны и других народов, населяющих нашу страну. Все они сражались за Родину. Среди сражавшихся во время Второй Карабахской войны были и муриды Эльнура Эфенди.

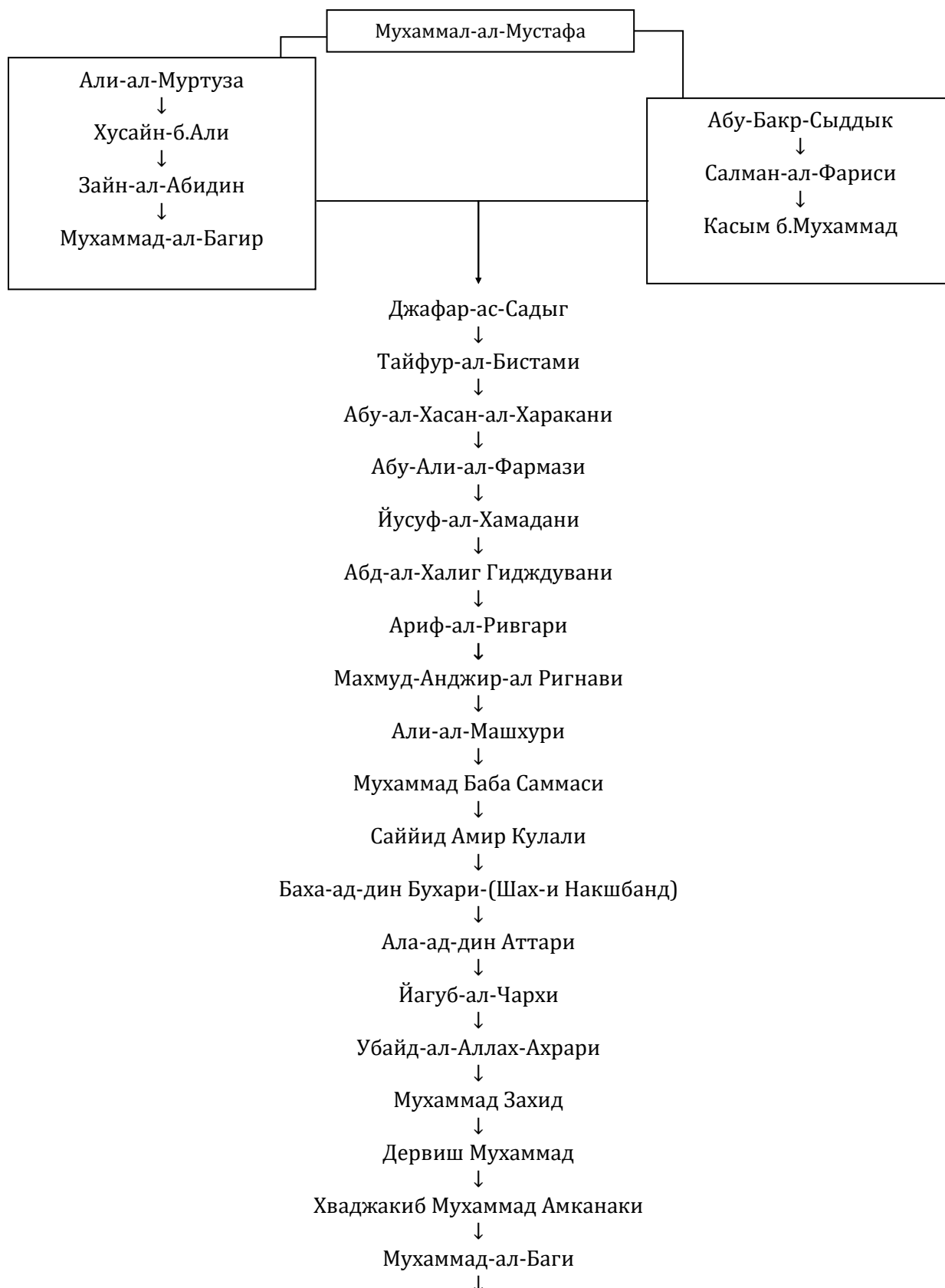
«Среди моих муридов есть и ветераны Первой Карабахской войны. Во время военных действий наша община по мере возможности помогала фронту продовольствием и одеждой. Кроме этого, мы поддерживали наших солдат и морально, своими молитвами. Я устраивал специальные зикры, на которых многократно читались суры из Корана, например сура Фатх, далее многократное произнесение прекрасного имени Аллаха – Фаттах и т. д. Подобно тому, как суфии – воины в Османской империи сопровождали группы войск и молились за воинов, за победу в каждом сражении, также и мои муриды посещали армию и поддерживали солдат» – сказал Эльнур Эфенди. Сейчас община Акмечети старается помогать семьям шехидов, поддерживает их морально, непрерывно молится за их души, посещает их могилы.

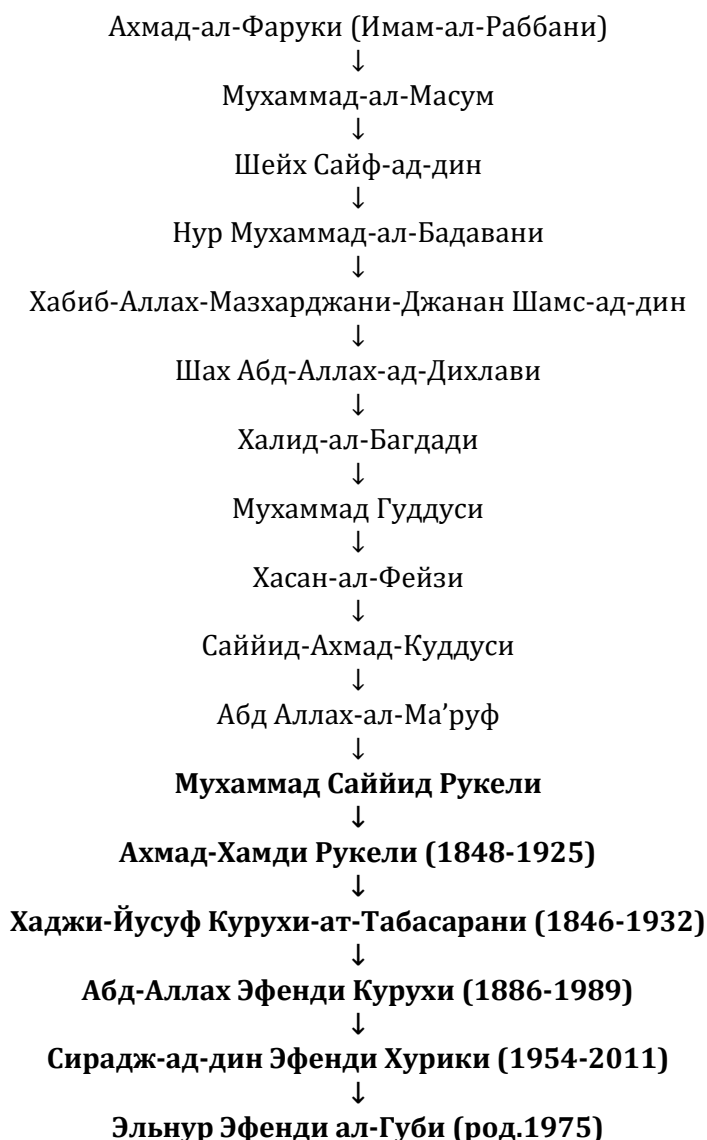
Подытоживая все вышеизложенное, я снова хотела бы вернуться и еще раз особо подчеркнуть специфическую черту тасаввуфа, которая отличала и отличает его на протяже-

нии многих веков от ортодоксальных направлений в религии. И эта черта — толерантность. Кроме этого, во все века для интеллектуальной элиты ат-тасаввуф воспринимался как сочетание тонких теософских учений. Для простых приверженцев суфизма большое значение приобретала практическая сторона — культ суфийских святых, их харизма и чудотворства, чудодейственные атрибуты и реликвии, места захоронения суфийских святых. Представители интеллектуального суфизма выступили с такими морально-этическими идеалами как «чистота сердца и рук», социальная справедливость, равенство всего человечества перед Богом, борьба со злом, утверждение доброты, советливости, братства среди людей и т. д.

В качестве подтверждения я снова хочу обратиться к высказываниям Эльнура Эфенди. Он сокрушается, что современное общество поражено различными пороками: наркомания, преступность, разврат, практически полное уничтожение моральных ценностей, ложь, лицемерие и воровство, религиозный фанатизм и экстремизм. Этот список может тянуться долго. На сегодняшний день единственный достойный ответ, который современное общество может дать общественным недугам — это тасаввуф, который в состоянии понять все эти проблемы, указать пути их разрешения и привести таким образом к совершенствованию человека и общества в целом.

Духовная генеалогия — Силсила Накшбандийи-Халидийи, шейхом которой является Эльнур Эфенди

Начиная с Мухаммада Саййида Рукели начинается линия Эльнура Эфенди.

Это основные шейхи этой цепочки.

Учение этих шейхов широко распространилось среди этнических азербайджанцев.

А также эти шейхи отвергли движение имама Шамиля.

Схема 1. Духовная генеалогия – Силсила Накишбандийи-Халидийи

Scheme 1. Spiritual genealogy - Silsila Naqshbandiyi-Khalidiyi

Список литературы

1. Абасов А. Ислам в современном Азербайджане: Образы и реалии. *Азербайджан и Россия: общества, государства*. Москва, 2001.
2. Абасов А., Фурман Д. *Ислам в пространстве – времени Азербайджана*. Баку, 2017.
3. Алескерова Н. Ислам в Азербайджане: История и современность. *Идентичность, власть и город в работах молодых ученых Южного Кавказа*. Тбилиси, Heinrich BöllStiftung, 2005. С. 12-38
4. Алескерова Н.Э. Роузэханы. *Ислам на территории бывшей Российской империи*. Энциклопедический словарь. Вып. 5. Москва, 2012. С. 115-118
5. Алескерова Н.Э. Роль азербайджанской суфийской литературы и музыки в духовной культуре азербайджанского народа. *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусства*, 2017. №4. С. 50-55
6. Алескерова Н. *Суфийское братство Халватийа*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2015.
7. Ашурбейли С. *Государство Ширваншахов*. Баку, 1983.
8. Аверьянов Ю.А. *Хаджи Бекташ Вели и суфийское братство Бекташийа*. М. 2011.
9. Аликберов А.К. *Эпоха классического ислама на Кавказе*. М., 2003.
10. Бертельс Е.Э. *Суфизм и суфийская литература*. М., 1965.
11. Hüseynli Rəsul. *Azərbaycan Ruhaniliyi*. Bakı, 2002. (на азерб.)
12. İskəndərli C. *Azərbaycanda qeyri-ənənəvi dinlər və tərigətlər*. Bakı, 2008. (на азерб.)
13. История Азербайджанской философии. Под ред. Ф.К. Кочарли, З.А. Кулизаде. Баку, 2002, Т. 1.
14. Кныш АД. Ал-Ишрак. *Ислам*. Энциклопедический словарь. М, 1991.
15. Кныш А.Д. *Мусульманский мистицизм*. М.-СПб, 2004.
16. Кулизаде З.А. *Из истории азербайджанской философии VII-XVI вв.* Баку, 1992.
17. Nemət M. *Azərbaycanda pirlər*. Bakı, 1992. (на азерб.)
18. Niyazov Ə. *XIX əsr Azərbaycanın Şimal-Qərbində (Gənix_Həftəran vadisi) dini həyat, elm və mədrəsələr*. Bakı, 2019. (на азерб.)
19. Məhəmmədcəlil M., Xəlili F. *Mövlanə İsmayıl Stradəddin Şirvani*. Bakı, 2003. (на азерб.)
20. Неймат М.С. *Корпус эпиграфических памятников Азербайджана*. Баку, 1991.
21. Месхидзе Дж. И. Кунта-хаджжи. *Ислам на территории бывшей Российской империи*. Вып. 1. М., 1998. С. 61-62
22. Петрушевский И.П. *Ислам в Иране*. Санкт-Петербург, 1964.
23. Рзакулизаде С.Д. *Мировоззрение Баба Кухи Бакуви*. Баку, 1978.
24. Sevim Ali. Yücel Yaşar. *Türkiyə tarihi*. cilt. 1, Ankara. 1990, cilt 2. Ankara, 1990. (на тур.)
25. Халидов А.Б. аш-Шафи'йя. *Ислам*. Энциклопедический словарь. М., 1991., С.295-296.
26. Шихалиев Ш.Ш. *Суфийский шейх сегодня*. Этнографическое обозрение. №2. М., 2006. С. 24-32
27. Юнусов А. *Ислам в Азербайджане*. Баку, 2004.

28. Юнусов А. *Исламский фактор в Азербайджане*. Баку, 2013.
29. Ниязов Абдул-Вахид. *Шейх Осман Нури-Топбаш и его «Худай Вакфы»*. <https://abdul-vakhed.livejournal.com> (дата обращения: 24.12.2022).
30. В Управлении мусульман Кавказа состоялась встреча с почетным председателем Вагфа Азиза Махмуда Худай. Баку 7 мая 1918 г. Азертадж <https://azertag.a1>xeber> (дата обращения 24.12.2022).
31. Əziz Mahmud Hüdai Vəgfinin səlahiyyətli nümayəndəsi şəhid və gazi ailələrini ziyarətətdi. http://facebook.com/story.php?story_fb_id=4195986687148014&id=416578661755521&sfnsn=mo (дата обращения 24.12.2022). (на азерб.)
- References**
1. Abasov A. Islam in modern Azerbaijan: Images and realities. *Azerbajdzhan i Rossija: obshchestva, gosudarstva*. Moscow, 2001. (in Russ.)
2. Abasov A., Furman D. *Islam in the space-time of Azerbaijan*. Baku, 2017. (in Russ.)
3. Aleskerova N. Islam in Azerbaijan: History and Modernity. *Identichnost', vlast' i gorod v rabotah molodyh uchenyh Juzhnogo Kavkaza*. Tbilisi, Heinrich BöllStiftung, 2005. pp. 12-38 (in Russ.)
4. Aleskerova N.E. Rosehans. Islam in the territory of the former Russian Empire. *Encyclopedic Dictionary*. Iss. 5. Moscow, 2012. pp. 115-118 (in Russ.)
5. Aleskerova N.E. The role of Azerbaijani Sufi literature and music in the spiritual culture of the Azerbaijani people. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstva*, 2017. №4. pp. 50-55 (in Russ.)
6. Aleskerova N. *Sufi brotherhood Khalvatiya*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2015. (in Russ.)
7. Ashurbeyli S. *State of the Shirvanshahs*. Baku, 1983. (in Russ.)
8. Averyanov Yu.A. *Haji Bektash Veli and the Bektashiya Sufi Brotherhood*. M. 2011. (in Russ.)
9. Alikberov A.K. *The era of classical Islam in the Caucasus*. M., 2003. (in Russ.)
10. Bertels E.E. *Sufism and Sufi literature*. M., 1965. (in Russ.)
11. Hüseynli Rəsul. *Azərbaycan Ruhaniliyi*. Bakı, 2002. (in Azerb.)
12. İskəndərli C. *Azərbaycanda qeyri-ənənəvi dinlər və tərigətlər*. Bakı, 2008. (in Azerb.)
13. History of Azerbaijani philosophy. Ed. F.K. Kocharli, Z.A. Kulizade. Baku, 2002, Vol. I. (in Russ.)
14. Knysh AD. Al-Ishraq. *Islam. Encyclopedic Dictionary*, M. 1991. (in Russ.)
15. Knysh A.D. *Muslim mysticism*. M.-SPb, 2004. (in Russ.)
16. Kuli-zade Z.A. *From the history of Azerbaijani philosophy of the 7th-16th centuries*, Baku, 1992. (in Russ.)
17. Nemət M. *Azərbaycanda pirlər*. Bakı, 1992. (in Azerb.)
18. Niyazov Ə. *XIX əsr Azərbaycanın Şimal-Qərbində (Ganix_Həftəran vadisi) dini həyat, elm və mədrəsələr*. Bakı, 2019. (in Azerb.)
19. Məhəmmədcəlil M., Xəlili F. *Mövlənə İsmayıl Stradəddin Şirvani*. Bakı, 2003. (in Azerb.)

20. Neimat M.S. *Corpus of epigraphic monuments of Azerbaijan*. Baku, 1991. (in Russ.)
21. Meskhidze J. I. Kunta-hajji. Islam in the territory of the former Russian Empire. M., 1998. Iss. 1, pp. 61-62 (in Russ.)
22. Petrushevsky I.P. *Islam in Iran*. St. Petersburg, 1964. (in Russ.)
23. Rzakulizade S.D. *Worldview of Baba Kukhi Bakuvi*. Baku, 1978. No 89. (in Russ.)
24. Sevim Ali. Yücel Yaşar. *Türkiyə tarihi, cilt 1*, Ankara. 1990, cilt II. Ankara, 1990. (in Turk.)
25. Khalidov A.B. Ash-Shafi'yya. *Islam. Encyclopedic Dictionary*. M., 1991, pp. 295-296. (in Russ.)
26. Shikhaliev Sh.Sh. Sufi sheikh today. *Jetnograficheskoe obozrenie*. M., 2006. №2, pp. 24-32 (in Russ.)
27. Yunusov A. *Islam in Azerbaijan*. Baku, 2004. (in Russ.)
28. Yunusov A. *Islamic factor in Azerbaijan*. Baku, 2013. (in Russ.)
29. Niyazov Abdul-Vakhid. Sheikh Osman Nuri Topbash and his Khudai Waqfy. <https://abdul-vakhed.livejournal.com> (accessed: 24.12.2022). (in Russ.)
30. A meeting was held at the Caucasian Muslims Office with the honorary chairman of the Wagf, Aziz Mahmud Khudai. Baku May 7, 1918 Azertaj <https://azertag.a1>xeber> (accessed 24.12.2022). (in Russ.)
31. Əziz Mahmud Hüdayi Vəgfinin səlahiyyətli nümayəndəsi şəhid və gazi ailələrini ziyarətətdi. http://facebook.com/story.php?story_fbid=4195986687148014&id=416578661755521&sfnsn=mo (accessed 24.12.2022). (in Azerb.)

Информация об авторе

Алескерова Несрин Эльдар кызы,

кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук

филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в городе Баку.

AZ1146, Азербайджан, город Баку, Бинагадинский район, пос. Ходжасан, ул. Университетская, 1,

info@msu.az

Information about the Author

PhD in Historical sciences

Nesrin E. Alasgarova,

Associate Professor at the Department of Humanities sciences

The branch of Lomonosov Moscow State University in Baku

AZ1146, Azerbaijan, Baku, Binagadi district, Hojasan, University str.1

info@msu.az

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.01.2023

Одобрена после рецензирования: 10.02.2023

Принята к публикации: 15.03.2023

Information about the article

The article was submitted: 25.01.2023

Approved after reviewing: 10.01.2023

Accepted for publication: 15.03.2023

Childbearers of the Lord of the Beijing Eastern Peak
Temple's Guangxidian chamber

Чадоподатели из палаты Гуансыдянь храма
Владыки Восточного пика в Пекине

Лемешко Юлия Геннадьевна,

¹МГИМО МИД России, Москва, Россия

ulemeshko@mail.ru

Yuliya G. Lemesenko,

¹MGIMO University, Moscow, Russia

ulemeshko@mail.ru

УДК 39; 726; 94 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-1-2023-99-108](https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2023-99-108)

АННОТАЦИЯ

В статье представлены материалы, посвященные пекинскому храму Дун-юэ мяо (Владыки Восточного пика), история которого насчитывает более 700 лет. Особое внимание уделяется божествам из палаты Гуансыдянь и ритуальным практикам, связанным с молитвами о ниспослании детей. Изучение палаты чадоподателей, основными фигурами которой являются Первозданная владычица и Первозданный владыка, помогает восстановить ритуальные практики, связанные с рождением ребенка, многие из которых сохранились и до наших дней. Культ этих чадоподателей был одним из самых популярных в цинском Китае.

Ключевые слова: пекинский храм Дун-юэ мяо, народная религия, чадоподатели, ритуал

Для цитирования: Лемешко Ю.Г. Значение образования общества советско-китайской дружбы в 1957 году для межгосударственных отношений. *Современные востоковедческие исследования*. 2023; Том 5 (1). <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2023-99-108>

ABSTRACT

The article presents materials on the Beijing Temple of Dong Yue Miao (Lord of the Eastern Peak), whose history spans over 700 years. Particular attention is paid to deities from the Guangxidian chamber and ritual practices associated with prayers for the sending of children. The study of the chamber of childbearers, the main figures of which are the Primordial Lady and the Primordial Lord, helps to restore the ritual practices associated with the birth of a child, many of which have survived to this day. The cult of these child-givers was one of the most popular in Qing China.

Keywords: Peking Temple of the Eastern Peak, popular religion, givers of children, ritual

For citation: Lemesenko Yu.G. Childbearers of the Lord of the Beijing Eastern Peak Temple's Guangxidian chamber. *Modern oriental studies*. 2023; Volume 5 (1). (in Russ.). <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2023-99-108>

Строительство Храма Владыки Восточного пика в Пекине (Бэйцзин Дун-юэ мяо, 北京东岳庙) началось в 1319 г., храм был установлен в честь горы Тайшань и ее духа Тайшань-шэня (泰山神). Другое имя божества, Дун-юэ Дади, (Верховный Владыка Восточного пика, 东岳大帝), связано с распространенным названием этой священной горы — Дун-юэ (Восточный пик, 东岳).

Во многих древних цивилизациях горы, обладая сакральным статусом, становились объектом религиозного поклонения [Батомункеева, 255]. В Китае культ гор также берет начало в глубокой древности, «с горой в Китае ассоциируется такой пучок связей, который выделил ее как ценный для данной культуры знак. В культе гор элементы фетишизма входят в сложный тотемистический комплекс, в котором выявляются и анимистические компоненты разной стадийности» [Яншина, 35].

Поклонение Восточному пику началось задолго до того, когда в 219 г. до н. э. «Цинь Ши хуанди поднялся на Тайшань, поставил там памятный камень, насыпал холм и принес жертвы» [Сыма]. Восхождение первого императора на великую гору оформило правила ритуалов, связанных с жертвоприношениями Небу и Земле, придав им официальный статус и сделав частью государственной религии. В главе «Фэн шань» («Жертвоприношение Небу и Земле») трактата «Гуань-цзы» (IV–III вв. до н.э.) сказано, что первопредки Фу-си, Шэнь-нун и все цен-

тральные персонажи китайской мифологии совершали обряды жертвоприношений на горе Тайшань. На гору Лянфу¹ поднимались все 72 правителя древности [Гуань-цзы].

Согласно сформировавшемуся в древности мифологическому нарративу, под горой Тайшань находился подземный Китай, поэтому Владыка Восточного пика воспринимался как божество рождения и смерти. Рождение ассоциировалось с восходом солнца на востоке, смерть коррелировала со знаменитым холмом Хаоли (Хаолишань, 蒿里山), где собирались души умерших. В мифологических и религиозных представлениях Владыка Восточного пика стал персонификацией горы Тайшань для китайцев, проживающих в близлежащих к ней районах. В начале I в. н. э. вера в духа горы Тайшань, получившего к этому времени титул Тайшань Фуцзюнь (Правитель Управления горы Тайшань, 泰山府君), постепенно распространилась по всей стране.

В сунскую династию на основании высочайших приказов божеству был пожалован титул Верховного владыки – *Дади* (大帝). Официальная поддержка со стороны императорского двора и сверхпопулярность среди народа горы Тайшань и ее духа обусловили повсеместное возведение храмов (кумирен) в их честь. «В минскую и цинскую династии самыми распространенными были храмы духов-покровителей городов, духов-покровителей местности, храмы в честь бога Гуань-ди и др. Многочисленные храмы Дун-юэ мяо (东岳庙)

¹ Лянфушань 梁父山 – южный хребет тайшаньской горной системы

также определялись широкой территорией локализации, они были установлены во всех регионах Китая» [Чжао, 46].

Пекинский храм Дун-юэ мяо, ставший первой даосской обителью северного Китая, по значимости и размерам уступал только храму Владыки Восточного пика на горе Тайшань. История создания и функционирования даосского храма в Пекине, его роль в системе религиозной деятельности монашествующих сообществ столицы, значение и место в жизни простых мирян, эти и другие вопросы не раз становились предметом научных изысканий. Начальный этап исследований пекинского храма Владыки Восточного пика раскрыт в статье Е.А. Завидовской, где автор подробно осветила работы китайских и зарубежных ученых, написанные в 20–30 гг. XX в. В статье представлен материал о ритуальных практиках, проводимых во время коллективных молитв, и уникальная информация об объединениях паломников, поклоняющихся Владыке Восточного пика [Завидовская]. В монографическом исследовании «Духи и божества китайской преисподней» авторский коллектив предлагает подробную характеристику образа Верховного Владыки Восточного пика [Сторожук, 113–124].

Вопрос о необходимости продолжать изучение истории храма Дун-юэ мяо и его современного состояния был поднят в статье «Обзор исследований храма Восточного пика в Пекине». Ее автор, Гуань Синь, заместитель директора столичного музея народных традиций (北京民俗博物馆), находящегося на территории храмового комплекса, отмечает, что

«начиная с курса реформ и открытости, когда охране культурных памятников стали уделять должное внимание, храм Дун-юэ мяо стал важным культурным символом городской истории и, соответственно, объектом пристального внимания китайских и зарубежных ученых». Анализ статьи Гуань Синя дает возможность утверждать, что провозглашенная в КНР в конце XX в. модернизация в области культуры позволила не только восстановить храм Владыки Восточного пика, полностью разрушенного во время «культурной революции» (1966–1976), но и обобщить предыдущие успехи в изучении храма, определить новые направления в его исследовании.

Согласно сформировавшемуся в древности мифологическому нарративу, под горой Тайшань находился подземный Китай, поэтому Владыка Восточного пика воспринимался как божество рождения и смерти. Рождение ассоциировалось с восходом солнца на востоке, смерть коррелировала со знаменитым холмом Хаоли (Хаоли шань, 蒿里山), где собирались души умерших. В мифологических и религиозных представлениях Владыка Восточного пика стал персонификацией горы Тайшань для китайцев, проживающих в близлежащих к ней районах. В начале I в. н. э. вера в духа горы Тайшань, получившего к этому времени титул Тайшань Фуцзюнь (Правитель Управления горы Тайшань, 泰山府君), постепенно распространилась по всей стране.

В сунскую династию на основании высочайших приказов божеству был пожалован титул Верховного владыки — *Дади* (大帝).

Официальная поддержка со стороны императорского двора и сверхпопулярность среди народа горы Тайшань и ее духа обусловили повсеместное возведение храмов (кумирэн) в их честь. «В минскую и цинскую династии самыми распространенными были храмы духов-покровителей городов, духов-покровителей местности, храмы в честь бога Гуань-ди и др. Многочисленные храмы Дун-юэ мяо (东岳庙) также определялись широкой территорией локализации, они были установлены во всех регионах Китая» [Чжао, 46].

Пекинский храм Дун-юэ мяо, ставший первой даосской обителью северного Китая, по значимости и размерам уступал только храму Владыки Восточного пика на горе Тайшань. История создания и функционирования даосского храма в Пекине, его роль в системе религиозной деятельности монашествующих сообществ столицы, значение и место в жизни простых мирян, эти и другие вопросы не раз становились предметом научных изысканий. Начальный этап исследований пекинского храма Владыки Восточного пика раскрыт в статье Е.А. Завидовской, где автор подробно осветила работы китайских и зарубежных ученых, написанные в 20–30 гг. XX в. В статье представлен материал о ритуальных практиках, проводимых во время коллективных молитв, и уникальная информация об объединениях паломников, поклоняющихся Владыке Восточного пика [Завидовская]. В монографическом исследовании «Духи и божества китайской преисподней» авторский коллектив предлагает подробную характеристику образа Верховного Владыки Восточного пика [Сторожук, 113–124].

Вопрос о необходимости продолжать изучение истории храма Дун-юэ мяо и его современного состояния был поднят в статье «Обзор исследований храма Восточного пика в Пекине». Ее автор, Гуань Синь, заместитель директора столичного музея народных традиций (北京民俗博物馆), находящегося на территории храмового комплекса, отмечает, что «начиная с курса реформ и открытости, когда охране культурных памятников стали уделять должное внимание, храм Дун-юэ мяо стал важным культурным символом городской истории и, соответственно, объектом пристального внимания китайских и зарубежных ученых». Анализ статьи Гуань Синя дает возможность утверждать, что провозглашенная в КНР в конце XX в. модернизация в области культуры позволила не только восстановить храм Владыки Восточного пика, полностью разрушенного во время «культурной революции» (1966–1976), но и обобщить предыдущие успехи в изучении храма, определить новые направления в его исследовании.

Пространство храма Владыки Восточного пика в Пекине многие ученые рассматривают как семиотическое целое, изучение которого дает возможность для конструирования образа религиозной жизни столицы до начала республиканского периода. Рассмотрев организацию всего храмового комплекса, можно согласиться с мнением специалистов о том, что столичный храм Владыки Восточного пика отличается от остальных храмов Дун-юэ мяо, находящихся на территории современного Китая, тремя особенностями («три много», *сань до 三多*): большое количество статуй божеств (*шэньсян до 神*

лозунги, уникальные образцы каллиграфии были потеряны навсегда, стелы закопаны или разбиты. Согласно документальным свидетельствам и фотографиям, в 70-х гг. XX в. столичный храм Владыки Восточного пика пережил самый тяжелый период своей истории.

В 80-е гг. XX в., руководствуясь установкой создания позитивного имиджа Китая на международной арене, компартия приняла решение восстановить храмы, разрушенные во время потерянного десятилетия, вернуть должности репрессированным служителям культа. Даосизм постепенно становился символом традиционной китайской культуры, транслируемой за пределы современного Китая. Идея «взаимного соответствия религии и социализма», провозглашенная в начале реформ, переросла в либеральную политику КПК в отношении религиозной жизни. Сегодня главным требованием для всех религиозных объединений и организаций является их готовность подчиняться базовым принципам религиозной политики, выработанной за 40 лет руководством Китая. В 1995 г. правительственными ведомствами Пекина было принято решение восстановить храм Дун-юэ мяо и на его территории разместить музей народных традиций, в 1996 г. храм был объявлен национальным достоянием, памятником культуры, находящимся под охраной государства (全国重点文物保护单位). Открытие музея произошло в 1999 г., будучи центром выставочной деятельности, музей ставит своей целью исследование религий и народных верований, на его площадке проводят форумы, научные конференции [北京民俗博物馆].

В 2008 г. храм открыл двери для постоянного размещения представителей школы религиозного даосизма Чжэнъи-дао (正一道, Путь истинного единства). Даосские монахи ежедневно осуществляют храмовые ритуальные практики, проводят многодневные обряды, изгоняя нечистую силу, призывая верховных божеств. Доходы от хозяйственной и предпринимательской деятельности (на территории храма работает павильон с тематической сувенирной продукцией) идут на восстановление Дун-юэ мяо.

Автор статьи является очевидцем изменений, которые произошли в храме за последние годы. Столичный храм не прекращает реставрационных работ, в музее проходят регулярные выставки. До ситуации с эпидемией коронавирусной пневмонии его ежедневно посещали туристические группы, на экскурсию приводили столичных школьников. На примере этого даосского храма прослеживаются трансформации религиозного сознания в условиях модернизирующегося Китая. Ученые разных научных дисциплин пишут о том, что у городских жителей ширится количество жизненно важных областей, подвергнувшихся десакрализации, тем интереснее наблюдать за китайцами, пришедшими в храм молиться о сокровенном.

Центральным объектом поклонения в храме Дун-юэ мяо во все времена был Владыка Восточного пика, но не меньшей популярностью у пекинцев пользовались даосские божества из его свиты. В статье будут рассмотрены образы чадоподателей из палаты Гуансыдянь

像多), большое количество каменных стел с надписями (*бэйкэ до* 碑刻多), большое количество парных надписей на колоннах и горизонтальных досках (*инлянь бян'э до* 楹联匾额多).

На стенде, расположенном перед храмом, указано, что пекинский Дун-юэ мяо в настоящее время обладает крупнейшим собранием статуй, каменных стел, парных надписей. Сегодня здесь находится более тысячи статуй даосских божеств, патронирующих разные стороны жизни мирян, в цинский период статуй было более трех тысяч. На территории храма стоит около сотни отреставрированных каменных стел, выполненных в юаньскую, минскую, цинскую династии и республиканский период, на них — надписи о благотворительных объединениях *шаньхуй* (善会), о деятельности столичных объединений верующих, о событиях, которые происходили в старом Пекине. Репертуар парных надписей на колоннах и горизонтальных досках, являющихся частью ансамбля павильонов, палат и залов, представляет собой уникальный ресурс для проведения исследований в области религии.

Изучение цинского периода этого даосского храма помогает читать историю китайской столицы. В середине XIX в. на пожертвования населения при Дун-юэ мяо была построена одна из первых бесплатных школ для детей из бедных семей, некоторые из послушников жили при храме. В это время он был значительно расширен, в восточной и западной частях появилось более ста комнат, в которых проводили столичные экзамены для получения чиновничьей должности, здесь же располагались ад-

министративные органы, ведающие их проведением. Как и большинство пекинских храмов Дун-юэ мяо пострадал во время восстания ихэтуаней 1900 г. (в одном из источников отмечается, что воины из восставших отрядов проводили учения непосредственно перед алтарями). В республиканский период в храме останавливались вооруженные отряды, руководимые генералами северных армий. Во время японской агрессии здесь была расположена штаб-квартира японцев, потом разместилось полицейское управление Гоминьдана.

Несмотря на события первой половины XX в., храм, выживающий за счет аренды помещений, оставался местом проведения традиционных и религиозных праздников и жертвоприношений даосским святым. Ежегодно 28 числа 3-го месяца по лунному календарю в храме устраивали торжества в честь дня рождения Владыки Восточного пика (мероприятия проводили в течение двух недель, заканчивались они пышной церемонией, возвеличивающей даосское божество).

Угасающая жизнь храма полностью остановилась накануне образования КНР, когда в нем поселились прибывшие в столицу студенты из Шаньси, одержимые борьбой с религией и суевериями. Их стараниями была прекращена деятельность даосской общины. В 1949 г. за все время своего существования впервые было отменено проведение храмовой ярмарки. Во время «культурной революции» в храме расположилось местное отделение общественной безопасности. Записи на стелах были замазаны чернилами или перебиты в революционные

(дословно: палата многочисленного потомства, 廣嗣殿). Ее начали возводить в 1323 г. (третий год правления императора династии Юань, Шидэбала). В настоящее время палата Гуансыдянь представляет собой одноэтажное храмовое строение. Стоечно-балочная деревянная конструкция, загнутая крыша со сложной системой кронштейнов и балок (доугунов), черепичная кровля, планировка палаты — все основные элементы этого строения — соотносятся с архитектурным стилем сунской эпохи. Искусствоведы отмечают, что особенности архитектурно-художественной композиции карниза палаты указывают на следование традициям храмостроительства, заложенным в сунскую и юаньскую эпохи. Колористические решения достаточно просты, павильон покрашен в темно-красный цвет, красные колонны покрыты лаком.

Над входом в палату висит горизонтальная доска с надписью 殿嗣廣 (Гуансыдянь), выполненной в соответствии с установленными правилами, иероглифы написаны справа налево. Надписи на колонах перед палатой раскрывают ее предназначение: 賜天上嘉祥慈恩莫罄 ¼ 廣人間福嗣應瑞難名 Цы Тяньшан цзясян цыянь мо цин ¼ Гуанжэнь цзянь фусы ин жуй нань мин (Милостью Неба не иссякнут благие предзнаменования, сострадание и милосердие ¼ Трудно перечислить счастливые предзнаменования для многочисленных потомков).

Чадоподательные функции были введении двух центральных обитателей этой палаты: Первозданной владычицы, царицы девяти небес, охранительницы покоев (Цзю Тянь вэй

фан шэнму юаньцзюнь, 九天卫房圣母元君) и ее супруга, Первозданного владыки, светлейшего божества девяти небес (Цзю Тянь цзянь шэн мин су чжэньцзюнь, 九天监生明素真君). Их прообразом являются Чжоу Вэньван (周文王) со своей супругой Тай Сы (太姒). Изменения, происшедшие на протяжении длительной истории Китая, влияли на формирование и смену объектов поклонения, тем не менее, прослеживается четкая связь между супружеской парой из палаты Гуансыдянь и популярными в народе Матушки кровати (Чуан-му 床母), и Господина кровати (Чуан-гун 床公). Очевидно, что вопрос генезиса образа чадоподательницы Чуан-му в настоящее время решен китайскими исследователями: «Образ богини кровати формировался под влиянием преданий о жене чжоуского Вэньвана, родившей 99 сыновей» [Чжунго сушэнь, 46]. Культ супругов, дарующих потомство, получил распространение в X-XIII вв., их почитали среди простого народа и в императорских дворцах. Большинство китайских специалистов относит чадоподателей к домашним божествам (家神) или богам жилища (住宅神), уступающим по популярности только Цзао-цзюню (灶君), Богу очага.

В цинский период бумажные иконы-чжима с изображением Матушки кровати и Господина кровати были распространены по всей стране. Среди икон-чжима из коллекции академика В.М. Алексеева, находящейся в ГМИР, есть подобные экземпляры. Описание одной из них, выполненной китайскими сяньшэнами², дает представление о ритуалах совершаемых с целью родить ребенка [Сонм богов]: «Это господин и матушка постели. Матушка

кровати в руках держит ребенка. На столе курильница, справа и слева на столе дети, один ребенок из бутылки льет воду, моет другого ребенка, по сторонам двое предстоящих, левый держит в руках ребенка, правый держит в руках жезл жуи, для прибавления потомства необходимо омыть три подношения на кане или на кровати» [Китайская народная картина].

В палате Гуансыдянь Первозданная владычица и Первозданный владыка, как и на иконах, держат на руках ребенка, на коленях у Первозданного владыки сидит три младенца. Эта композиция демонстрирует основную добродетель супругов — чадоподание (рис. 1).

Рис. 1

Fig.1

Молодые супруги, замужние женщины, матери и бабушки, пришедшие в пекинский храм за помощью, выполняются предписанные ритуалом действия. Они молятся, проводят жертвоприношения, стоя на коленях перед алтарем. Для того, чтобы их молитва была услы-

шана как можно скорее, китайцы жертвуют деньги. В разных провинциях в даосских монастырях и храмовых комплексах автору статьи приходилось не раз наблюдать картину богоединения. После того, как молящиеся положили в ящик для денег купюры, даосский монах, находящийся в зале, слегка ударяет деревянной колотушкой (чуй, 槌) по медному цину³. Долгий вибрирующий звук наполняет пространство палаты и уходит на небо, передавая сообщение о совершенном пожертвовании. Святые, услышав звук цина, реагируют на просьбу и ниспосылают долгожданного продолжателя рода.

Наибольший интерес, по нашему мнению, вызывают фигуры двух мужчин (сунцзы ланцзюнь 送子郎君, дословно: «милостивый государь, дарящий детей»), находящихся по обе стороны от алтаря. Один из даосских божеств держит в руках по малышу, на шее и плечах сидят еще трое (рис. 2). Второй святой стоит с мешком, из которого выглядывают счастливые детские лица (рис. 3). Присутствие мужских святых в этой палате помогает транслировать универсальную национально-культурную константу «много сыновей — много счастья» (до цзы до фу 多子多福). К сожалению, на момент написания статьи не удалось найти авторитетный источник, который помог бы объяснить историю происхождения образов этих двух даосских святых.

² Сяньшэн – в переводе с китайского «учитель», «наставник». Так В.М. Алексеев называл своих знакомых китайцев, которые по его просьбе во время стажировки в Китае (1906-1909 гг.), составляли письменные описания народных ксилографических картин.

³ Цин (磬) – гонг, медный музыкальный инструмент небольших размеров (поющая чаша).

Рис. 2
Fig. 2

Рис. 3
Fig. 3

Идея большой семьи являлась стержневой в китайском конфуцианском обществе, продолжение рода было базовым аксиологическим ориентиром, которым руководствовались все без исключения. В свое время палата чадоподателей была одной из самых популярных в храме Дун-юэ мяо, сегодня, после реконструкции и открытия она получила вторую жизнь.

Список литературы

1. Батомункеева С.Р. Феномен сакрализации в контексте культа поклонения священным горам. *Вестник Бурятского университета*, 2011, № 6. С. 254 – 257
2. Яншина. Э. М. *Формирование и развитие древнекитайской мифологии*. М.: Наука, 1984.
3. Сыма Цянь. *Исторические записки* (Ши цзи). Том 2. М.: Восточная литература, 2003.
4. Гуань-цзы. *Chinese Text Project*. <http://ctext.org/guanzi/feng-chan> (дата обращения: 27.12.2022) (На кит. яз.)
5. Чжао Шиюй. О народной храмовой культуре Китая в минскую и цинскую эпоху. *Вестник Пекинского педагогического университета*, 1990, № 4. С. 45-52 (На кит. яз.)
6. Завидовская Е.А. Этнографические материалы 1920-1930 гг. о практиках поклонения божествам загробного мира в храмах

- Китай. ПДВ, 2012, № 5. С.149-158
7. Сторожук А.Г., Завидовская Е.А., Корнильева Т.И. *Духи и божества китайской преисподней*. СПб.: КАРО, 2012.
8. Пекинский народный музей. Официальный сайт. (北京民俗博物馆). <http://www.dym.com.cn> (дата обращения 27.12.2022)
9. Чжунго сунь. *Популярные божества Китая* / Ред. Цю Фэнь Хэфэй, 2012. 184 с. (На кит. яз.)
10. Сонм богов. 144. Д-3491-VII. Бумага, ксилография. 49x40.
11. Каталог ГМИР. Китайская народная картина. Чжима. Чжима с изображением божеств даосского пантеона. <http://alekseev-collection.gmir.ru/catalog/item/d-3491-vii> (дата обращения: 27.12.2022)
7. Storozhuk A.G., Zavidovskaya E.A., Kornilyeva T.I. *Spirits and deities of the Chinese underworld*. St. Petersburg: KARO, 2012. (In Chin.)
8. Beijing People's Museum. Official site. (北京民俗博物馆). <http://www.dym.com.cn> (accessed 27.12.2022)
9. *Zhongguo susheng. Popular deities of China*. Ed. Qiu Feng. Hefei, 2012. 184 p. (In Chin.)
10. Host of gods. 144. D-3491-VII. Paper, woodcut. 49x40.
11. GMIR catalog. Chinese folk painting. Zhima. Zhima with the image of the deities of the Taoist pantheon. <http://alekseev-collection.gmir.ru/catalog/item/d-3491-vii> (accessed: 27.12.2022)

References

1. Batomunkueva S.R. The phenomenon of sacralization in the context of the cult of worship of the sacred mountains. *Bulletin of the Buryat University*, 2011, No. 6, pp. 254 – 257 (in Russ.)
2. Yanshin. E. M. *Formation and development of ancient Chinese mythology*. Moscow: Nauka, 1984. (in Russ.)
3. Sima Qian. *Historical notes (Shiji)*. Volume 2. Moscow: Vostochnaya literatura, 2003. (in Russ.)
4. Guanxi. Chinese Text Project. <http://ctext.org/guanxi/feng-chan> (accessed 27.12.2022) (in Chin.)
5. Zhao Shiyu. On the folk temple culture of China in the Ming and Qing eras. *Bulletin of Beijing Normal University*, 1990, No. 4, pp. 45-52 (In Chin.)
6. Zavidovskaya E.A. Ethnographic materials 1920-1930 about the practices of worshipping the deities of the underworld in the temples of China. *PDV*, 2012, No. 5. P.149-158

Сведения об авторе

Лемешко Юлия Геннадьевна,

канд.филол.н.

МГИМО МИД России, Москва, Россия

ulemeshko@mail.ru

Information about the author

Yulia G. Lemeshko,

PhD in Philology

MGIMO MFA of Russia, Moscow, Russia

ulemeshko@mail.ru

Institute of China and Modern Asia

ulemeshko@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.01.2023

Одобрена после рецензирования: 10.02.2023

Принята к публикации: 15.03.2023

Information about the article

The article was submitted: 25.01.2023

Approved after reviewing: 10.01.2023

Accepted for publication: 15.03.2023

The History of Military Awards of the Red Army of China

Об истории военных наград Красной Армии Китая

**Семенов Александр Владимирович¹,
Семенов Илья Александрович²**

¹ кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой восточных языков
Дипломатической академии МИД России,
Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0002-8492-2568>

legatus@bk.ru

² соискатель Института международных
отношений и мировой истории Нижегородского
государственного университета им.
Н.Н.Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

<https://orcid.org/0000-0003-2651-3827>

ilya@tento.com.tw

**Aleksandr V. Semenov ¹,
Ilya A. Semenov ²**

¹ Candidate of History, Associate Professor, Head of
the Department of Oriental Languages, Diplomatic
Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the
Russian Federation, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-8492-2568>

legatus@bk.ru

² PhD candidate, Institute of International Relations
and World History, Lobachevsky Nizhny Novgorod
State University, Nizhny Novgorod, Russian
Federation

<https://orcid.org/0000-0003-2651-3827>

ilya@tento.com.tw

УДК 94(510)+355.134.22 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-1-2023-109-121](https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2023-109-121)

АННОТАЦИЯ

Наградная система государства является важной существенной характеристикой государства, являясь с одной стороны одним из символов страны, с другой — системой поощрения, частью института госуправления. Исследование системы военных наград имеет важное практическое значение, оно позволяет рассмотреть генезис военного механизма и сделать вывод о зрелости военных институтов в стране. Тема изучения военных наград КНР, как и всей наградной системы страны не часто привлекала внимание как российских, так и даже китайских

ABSTRACT

The award system of the state is an important essential characteristic of the state, being, on the one hand, one of the symbols of the country, on the other hand, an incentive system, part of the institution of public administration. The study of a system of military awards is of great practical importance, it allows us to consider the genesis of the military mechanism and draw a conclusion about the maturity of military institutions of a country. The topic of the military awards of the PRC, as well as the entire award system of the country, has not often attracted the attention of

специалистов. Лишь в последние годы уже при Си Цзинпине с формированием единой системы государственных наград тема военных орденов и медалей появилась в общественном дискурсе в Китае. Привлекая новые источники и литературу, рассмотрев развитие наградной системы, как прототипа будущей наградной системы НОАК, мы можем понять и изучить те образцы, на которые опирается реформа и модернизация китайской армии сегодня. Выявление недостатков и ошибок в создании военной наградной системы китайской Красной армии позволит разобратся в тех трудностях, которые стоят на пути учреждения современной государственной системы наград НОАК, среди которых одними из основных является определенная инерция в отсутствии должного уважения к орденам и медалям в китайском обществе.

Ключевые слова: КНР, военные награды, государственные награды, ордена, медали, НОАК

Для цитирования: Семенов А.В., Семенов И.А. История военных наград Красной Армии Китая. *Современные востоковедческие исследования*. 2023; Том 5 (1). <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2023-109-121>

Наградная система государства является важной существенной характеристикой государства. С одной стороны, она, как флаг, герб и гимн — представляет один из символов страны, с другой — как система поощрения входит в состав института управления государства. Наградная система стимулирует граждан добиваться наивысших успехов в труде и исключительных заслуг в защите государства.

both Russian and even Chinese scholars. Only in recent years, already under Xi Jinping, with the formation of a unified system of state awards, the topic of military orders and medals appeared in public discourse in China. Drawing on new sources and literature, considering the development of the award system as a prototype of the future award system of the PLA, we can understand and study the patterns on which the reform and modernization of the Chinese army is based today. The identification of shortcomings and errors in the creation of the military award system of the Chinese Red Army will make it possible to understand the difficulties that stand in the way of establishing a modern state system of awards of the PLA, among which one of the main ones is a certain inertia in the lack of due respect for orders and medals in the Chinese society.

Keywords: PRC, military awards, state awards, orders, medals, PLA

For citation: Aleksander V. Semenov, Ilya A.Semenov. The History of Military Awards of the Red Army of China. *Modern Oriental Studies*. 2023; Volume 5 (1). (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2023-109-121>

Военные ордена, медали и почетные звания занимают особое место в наградной системе страны. Они имеют отношение к главной функции государства — обеспечивать безопасность и единство Родины и охранять ее границы от вторжения извне. В этой связи своевременно и справедливо поощрять военнослужащих за мужество и отвагу при исполнении воинского долга, за инициативные действия при решении поставленных задач, за усердие и за-

слуги по службе является важной задачей военной наградной системы.

Исследование системы военных наград имеет важное научное и практическое значение. История возникновения типов и видов наград, процедуры их учреждения, процесса отбора кандидатов и награждения отличившихся позволяет рассмотреть генезис военного механизма в государстве, режим его становления и развития, его функционирование в настоящее время и сделать вывод о зрелости военных институтов в стране.

Тема изучения военных наград Китайской Народной Республики, как и всей наградной системы страны не часто привлекает внимание российских историков и специалистов в смежных областях: права, военного дела и т.д.

Следует отметить докторскую диссертацию Розанова О.Н. «Наградные системы в политике и идеологии стран Северо-Восточной Азии». Автор исследовал исторический материал, связанный с наградными системами Японии, Монголии, Кореи и Китая, с середины XIX в. до начала XXI в. Он рассмотрел место и роль наградных систем в политике и идеологии стран данного региона, важность их для государственного управления, необходимость их для модернизации государства или строительства нового, неотъемлемость их для здорового и устойчивого развития государственного механизма как внутри страны, так и на международной арене.

Доктор исторических наук, ведущий сотрудник Института востоковедения РАН Захаров А.О. в своей статье «Новые награды Китая и Монголии» анализирует изменения в наград-

ной системе Китая и Монголии в настоящее время и считает, что несмотря на заимствование западных символов власти, в развивающихся странах усиливаются авторитарные тенденции и маргинализация масс (Захаров 2020).

Капитан 2 ранга А. Кировец в статье «Наградная система Национально-освободительной армии Китая» (2013) подробно описал награды китайских военнослужащих 50-х гг. и с 80-х по 2011 г., до утверждения новых образцов орденов и медалей председателем КНР Ху Цзиньтао. Автор фактически изложил традиционный механизм ведомственного награждения военнослужащих, так как государственная система высших наград еще не сложилась (Кировец 2013).

Китайские ученые фактически приступили к рассмотрению темы наград Китая после 2007 года, когда Министерство гражданской администрации объявило о том, что «в течение нескольких лет будет создана всесторонняя государственная система наград» (За орденами, n.d.).

Авторы обзорной статьи по исследованиям в области государственной наградной системы профессор Цзэн Ли и Ян Лиюань из Колледжа марксизма Чжэцзянского финансово-экономического университета считают, что с 2002 по 2021 гг. было опубликовано достаточное количество работы, чтобы сделать вывод о разработанности темы (Цзэн Ли, Ян Лиюань 2022, 89). Первой научной статьей о наградах КНР можно считать работу научного сотрудника Юридического института Академии общественных наук провинции Цзянсу Цянь Нинфэн «О конституционной основе наградной системы государства». В дальнейшем эта тема

рассматривалась с исторической, юридической, политологической и идеологической стороны. Наиболее цитируемыми авторами стали корреспонденты газеты «Жэньминь жибао» Шэн Жовэй и «Фачжи жибао» Чэнь Липин (Шэн Жовэй 2008), (Чэнь Липин 2008). Их материал по реформе наградной системы государства вызывал большой интерес у читателей. Целую серию статей о системе наград КНР написал директор Института политических наук Китайской академии общественных наук и декан Школы государственного управления Университета Китайской академии общественных наук Чжан Шухуа (Чжан Шухуа, Пань Чэньгуан, Чжу Вэйвэй 2010). Он также стал одним из авторов и главным редактором монографии о сравнении наградных систем в Китае и за границей (Чжан Шухуа, Пань Чэньгуан 2011).

Подробный анализ исторического аспекта военной наградной системы КНР дал полковник Сюй Пин, научный сотрудник научно-исследовательского отдела Академии тыла НОАК, специалист по военной истории (Сюй Пин 2019).

Кроме журналистов и ученых, в изучении темы и ее пропаганде принимали участие юристы, которые непосредственно участвовали в разработке системы наградной системы Китая: Чэнь Гоган, заместитель начальника управления государственного права Рабочей комиссии по вопросам законодательства ПК ВСНП (Чэнь Гоган 2019), Хуан Юйфэй, начальник отдела управления конституционного права Рабочей комиссии по вопросам законода-

тельства ПК ВСНП (Хуан Юйфэй 2019) и др.

Рассмотрев работы основных авторов по теме статьи, мы можем констатировать, что изучение военных наград периода: с 1 августа 1927 года дата рождения Красной Армии Китая по 1 октября 1949 г основание КНР — осуществлялось не системно и фрагментарно. Не уделялось должного внимания как тенденциям развития военной наградной системы этого периода, так и изучению конкретных образцов орденов и медалей 30-40-х гг., многие из которых сейчас даже в Китае представляют историческую и коллекционную ценность.

Задачу нашей работы мы видим, привлекая новые источники и литературу, рассмотреть развитие наградной системы, изучить наградные знаки, разобраться в наградном производстве в китайской Красной армии — НОАК.¹

Исследование наград 30-40-х гг. как прототипа будущей наградной системы НОАК в КНР позволит понять и изучить те образцы, на которые опирается реформа и модернизация китайской армии сегодня. Выявление недостатков и ошибок в создании военной наградной системы китайской Красной армии позволит разобраться в тех трудностях, которые стояли на пути учреждения современной государственной системы наград НОАК.

1 августа 1927 года вооруженные силы, возглавляемые коммунистами Чжоу Эньлаем, Хэ Луном, Е Тинном, Чжу Дэ, подняли восстание в г. Наньчане (пров. Цзянси) против Нанкинско-

¹ Китайская Красная армия стала называться Народно-освободительной армией Китая (НОАК) с 1946 года, после начала гражданской войны с гоминьданом.

го правительства Чан Кайши, которое вступило на путь борьбы с КПК.

30 июня 1933 года на заседании Военно-революционного комитета ЦК КПК было решено считать 1 августа днем образования Китайской Красной армии, которая впоследствии стала называться Народно-освободительной армией Китая (НОАК). 11 июля Временное Центральное правительство Китайской Советской Республики утвердило это решение.

С тех пор дата 1 августа, по-китайски «八一» стала символом НОАК и ее отличительным знаком в военной наградной системе Китая.

В октябре 1930 г. был обнародован «Проект Дисциплинарного устава Китайской рабоче-крестьянской Красной армии», а в мае 1932 г. он был принят Центральным революционным военным комитетом Китайской Советской Республики для пробной реализации. В главе о поощрении были описаны способы поощрения и получение полномочий на их одобрение, а также устанавливается принцип «духовного поощрения в качестве основного фактора и материального поощрения в качестве вторичного».

В начальный период строительства НОАК китайские коммунисты важность поощрения бойцов и командиров Красной армии, причем признавалось как коллективное, так и индивидуальное проявление мужества и отваги. В 1930 г. Первая рота 27 полка 9 дивизии 3 армии 1 фронта Красной армии под руководством командира Ли Цзюйкуя и комиссара Куан Вэньлуна напала на штаб 18 дивизии гоминьдана и взяла в плен командира дивизии Чжан Хуэйцзяня. За этот успех в бою 3 рота получила

почетное звание «Боевая героическая рота» (战斗英雄连). Эта первая награда за коллективный героизм стала предтечей будущей воинской наградной системы.

Первые индивидуальные награды были разработаны по советским образцам.

Первая высшая награда в истории КПК и Красной армии была учреждена на I съезде Советов, который проходил с 7 по 20 ноября 1931 года в Жуйцзине, пров. Цзянси. Это был орден Красного Знамени, которым награждались командиры и бойцы Красной Армии, героически сражавшиеся с гоминьданом и внесшие выдающийся вклад в дело Советской власти в Китае.

Основная форма ордена представляет собой пятиконечную звезду с красным знаменем посередине. На красный знамени расположена эмблема партии — серп и молот, а также надпись «Пролетарии всего мира объединяйтесь». Красное знамя находится в круге, своим древком сверху и снизу, выходящим за рамки круга. В центре круга расположена винтовка, приклад которой выходит за рамки круга. Винтовку обрамляют колос пшеницы — слева и часть шестеренки — справа. Шестеренка, пшеница, и винтовка символизируют соответственно рабочих, крестьян и армию. Красное знамя — руководящую роль Коммунистической партии Китая (Цзян Тинъюй 2020).

Орденом Красного знамени были награждены Мао Цзэдун, Чжу Дэ, Пэн Дэхуай, Фан Чжиминь, Сюй Сянцян за их выдающийся вклад и заслуги в революционной войне.

Фан Чжиминь и Сюй Сянцян не смогли присутствовать на съезде из-за того, что они руководили борьбой против «карательного

похода» гоминьдановских войск на северо-востоке Цзянси и революционных базах Хубэй, Хэнань и Аньхой соответственно. Они получили орден Красного Знамени позднее².

В декабре 1931 года в городе Нинду провинции Цзянси вспыхнуло восстание 26 армии гоминьдана, в результате которого часть армии более 17 тыс. человек ушли в Центральный Советский район и присоединились к коммунистам. По приказу Временного Центрального революционно-военного комитета руководители восстания, бывшие гоминьдановские офицеры Чжао Бошэн и Дун Чжэнтан были награждены орденами Красного знамени.

Кавалеры первого ордена «Красного знамени» в дальнейшем стали первыми лицами в новом Китае. Мао Цзэдун — Председателем КНР, Чжу Дэ — главнокомандующим НОАК, Пэн Дэхуай и Сюй Сянцзинь — маршалами НОАК. Фан Чжиминь, Чжао Бошэн и Дун Чжэнтан погибли во имя победы китайской революции.

В связи с тем, что данный орден был учрежден правительством Китайской советской республики, и объектами награждения могли быть не только военнослужащие, то он не является чисто военным (Байду n.d.). Внешний вид ордена также имеет скорее партийную, чем военную символику. В то же время данным орденом были награждены крупные военачальники, в том числе и Мао Цзэдун, партийная должность которого соответствовала самой высшей военной должности. Поэтому орден можно скорее считать партийно-военным, ко-

торый символизировал руководящую роль партии в армии.

9 июля 1933 г. и.о. председателя Временного Центрального революционно-военного комитета Сян Ин подписал «Приказ об учреждении и вручении медали Красная звезда». Медаль «Красной звезды» имела первую, вторую и третью степень. Приказ стал первым юридическим документом, разработанным для боевой награды.

Согласно положениям этого документа, медалью первой степени награждались те, кто «руководил ходом всей революционной войны и добился особых заслуг»; медаль второй степени выдавалась тем, кто изменил положение в определенном сражении и одержал великую победу; медаль третьей степени вручали тем, кто «часто действовал смело и решительно» (Подвиги и заслуги 2017). В соответствии с данным приказом руководители Наньчанского восстания и командиры, имеющие особые заслуги в революционной войне награждались медалью первой степени.

Медаль «Красная звезда» первой степени изготовлена из золота и имеет форму десятиугольника, состоящего из двух пятиконечных звезд разного размера, расположенных под разными углами, причем углы одной из звезд покрыты красной эмалью, диаметром 5 см и серебряной цепочки длиной 4 см; медаль «Красная звезда» второй степени изготовлена из серебра, имеет ту же форму, что и первая степень, немного упрощенная, диаметром

² Из-за военных действий и сложностей со связью Фан Чжиминь только в марте 1933 года, 16 месяцев спустя получил орден Красного Знамени письмо о награждении от Временного центрального правительства Советского района. Сюй Сянцзинь, командующий 4 армией был награжден орденом Красного знамени лично Мао Цзэдуном в июле 1935 года во время Великого похода.

4,3 см и серебряной цепочки длиной 3 см; Медаль «Красная звезда» третьей степени — бронзовая, имеет форму пятиконечной звезды с острыми концами, диаметр 3,4 см и медной цепочки длиной 3 см. Внутри всех трех медалей расположены пятиконечные звезды, покрытые красной эмалью и пшеничные колосья, а также иероглифы, которые означают «Красная звезда». На оборотной стороне содержится надпись иероглифами — справа Центральный революционный военный совет, а слева — степень медали, дата выдачи и порядковый номер (Ян Хайфэн 2006).

В 1933 году в день праздника «1 августа»³ награда Медаль «Красной звезды» первой степени была вручена Чжоу Эньлаю⁴, Чжу Дэ, Линь Бяо, Пэн Дэхуаю, Сян Ину ; медалью В 1933 году в день праздника «1 августа» награда Медаль «Красной звезды» первой степени была вручена Чжоу Эньлаю, Чжу Дэ, Линь Бяо, Пэн Дэхуаю, Сян Ину ; медалью Красной Звезды второй степени были награждены Чэнь И, Чжан Юньи, Ло Жуйцин, Сяо Кэ, Хэ Чангун, Ло Бинхуэй, Чэнь Боцзюнь, Ли Да, Ли Цзюйкуй, Би Чжаньюнь, Тэн Дайюань, Пэн Шаохуэй, Ван Чжэн, Кун Хэчун, Цзэн Сишэн; медаль Красной Звезды третьей степени получили Чэнь Цзыхуа, Ван Чжэнь, Ли Тянью, Ян Дэчжи, Ян Юн, Су Чжэньхуа, Цао Сянжэнь, Цзоу Бичжао.

В 1934 году 1 августа, день годовщины Китайской Красной армии опять проходили награждения медалью «Красной звезды».

Медаль «Красной звезды» первой степени не вручалась.

Медаль «Красной звезды» второй степени получили Чэнь И (второй раз), Сюнь Хуайчжоу, Лэ Шаохуа, Хун Чао, Ван Яонань.

Медалью «Красной звезды» третьей степени были награждены Ван Сунцин, Хуан Чжэнь, Лун Дэшэн, Сюй Хунфэй, Ли Чжицин, Ли Баошэн, Ли Сюньхуэй, У Чжаньчан, У Дэшэн, Чжан Шоучунь, Чжан Дэцзянь, Мо Кунь, Тан Цюгуан, Пэн Миншэн, Се Фашэн, Се Чаочжан.

В связи с награждением в военное время и ограниченным объемом выпуска медали «Красная звезда» трех степеней стали большой редкостью. Военном музее Китайской народной революции сохранилось всего семь экземпляров. Среди них две медали «Красной звезды» первой степени, принадлежавшие Чжоу Эньлаю и Чжу Дэ, три медали второй степени: две — генерал-майоров Пэн Шаохуэя и Чэнь Боцзюня и одна — генерал-лейтенанта Цю Чуанчэна; и две медали третьей степени — генерал-майора Ян Дэчжи и генерал-лейтенанта Чэнь Чжэнсяна.

Помимо общеармейской медали «Красной Звезды», различные части Красной Армии также награждали медалями командиров и бойцов Красной Армии, добившихся больших боевых успехов. Например, «Медаль за выдающиеся заслуги» (特级优胜奖章) 2-го фронта Красной Армии, «Медаль бойца» (战士奖章) 30-й армии 4-го фронта Красной Армии, медаль «Третьей бригады» (三总队奖章) 4-го фронта Красной Армии, медаль «Образцовый герой» (英勇模范奖章) штаба 17-й дивизии Красной Армии, медаль «Первого района военного округа

³ 1 августа - «День образования НОАК»

⁴ Будущий премьер КНР Чжоу Эньлай получил медаль «Красная звезда» первой степени порядковый номер 9

Цзянси» (江西军区第一分区奖章), медаль «Отличника учебы» (优胜奖章) на окончание филиала Военная академия Пэнъян и др (Понятно 2022).

В связи с военной обстановкой в Китайской Красной армии не было единой системы военных наград и изготовления медалей. Награды обычно учреждали в дивизиях и выше, иногда можно было встретить медали подразделений типа полка.

Несмотря на тяжелые военные условия, большое значение придавали материалу медалей и качеству изготовления. Медали «Красная звезда» первой, второй и третьей степени были соответственно золотыми, серебряными и бронзовыми, а медаль «За усердие» (努力奖章) Военного революционного комитета Северо-Востока провинции Цзянси была сделана из серебра.

После начала антияпонской войны в целях поощрения бойцов и командиров была сделана попытка привести в порядок наградную систему Китайской Красной армии.

В 1939 году был принят первый «Дисциплинарный устав», в котором конкретизировались награды, вручаемые бойцам Красной армии за боевые заслуги. А в 1940 году Центральный революционный комитет опубликовал «Указание о поощрениях в 8-й армии», в котором было высказано требование об организации четкой системы награждения в войсках и на революционных базах.

Медали, которые учреждались в военных округах и воинских подразделениях, были следующими: «Медаль авангарда Железной армии» (铁军前卫奖章) Шаньси-Чахар-Хэбэйского военного округа, «Медаль 1 мая» военного

округа центральной части провинции Хэбэй, «Медаль Красного знамени» Хэбэй-Шаньсийского военного округа, медаль «Знамя Мао Цзэдуна» (毛泽东旗帜奖章) 11-ой дивизии Новой 4-й армии, «Медаль боевого героя» 4-ой бригады Шаньси-Хэбэй-Шаньдун-Хэнаньского военного округа 8-ой армии, «Медаль героя труда Наннинвань» 359-ой бригады, «Медаль образцового производственного рабочего» кавалерийской бригады Центральной военной комиссии и т. д (Понятно 2022).

В связи с разным местонахождением антияпонских баз, ограниченными условиями коммуникации и потребностями быстро реагировать на изменения боевой обстановки, каждая армия КПК и освобожденный район самостоятельно решали задачи поощрения личного состава. Они изготавливали различные медали, но система боевых наград не была унифицирована.

Учитывая, что гоминьдановская армия имела дурную привычку раздавать ордена и медали без разбора, нередко ценность учрежденных на местах боевых наград оказывалась девальвированной, поэтому отличившимся в бою бойцам и командирам вручали более подходящие для повседневных нужд «материальные награды» — животное (буйвола), тетрадь, ручку и т.д. Не воспитывались уважение и почет к медальным наградам, не создавалась должная преемственность коллективных и индивидуальных наград, установленных каждой полевой армией или освобожденным районом.

Несмотря на децентрализованность управления в Китайской Красной армии стремились развивать первоначальный опыт построения системы наград за боевые заслуги.

В ходе освободительной войны НОАК часто одерживала победы, и в ходе боевых действий появлялись примеры проявления героизма.

Чтобы обеспечить развитие и поддержку движению за боевые заслуги, были разработаны «Общие правила движения за боевые заслуги», «Временное положение о движении за боевые заслуги» и «Проект положения о движении за боевые заслуги», в которых были последовательно сформулированы положения о боевых заслугах, устанавливающие стандарты и процедуры оценки боевых заслуг, присуждение служебные звания, формы отчетности, способы проведения награждений и поздравлений.

Кампании за боевые заслуги в значительной степени мобилизовала энтузиазм офицеров и солдат для героической борьбы с врагом. Бойцы и командиры НОАК стали проявлять групповой героизм, как «Бригада Линьфэнь» (临汾旅), «Ташаньский героический полк» (塔山英雄团), «Первый цзинаньский полк» (济南第一团), «Стальной батальон» (钢铁营) и «Рота острова Далянь» (大练岛连). Многие бойцы, как Дун Цуньруй, Чжи Шуньи, Лю Мэйцунь, Ван Кэцин, Вэй Лайго совершали героические подвиги.

В связи с улучшением экономических условий в этот период, для поощрения и награждения героев, различными подразделениями НОАК было выдано больше медалей, чем во время Антияпонской войны, а именно «Медаль за большие заслуги» (大功奖章) и «Медаль за особые заслуги» (特功奖章) военного округа Шаньси-Чахар-Хэбэй; «Медаль Героя Красной Звезды» (红星英雄奖章) военного округа Чахар; «Медаль героя» (英雄奖章), «Медаль за об-

разцовую службу» (模范奖章), «Медаль за храбрость» (勇敢奖章), «Медаль Мао Цзэдуна» (毛泽东奖章) и «Медаль Чжу Дэ» (朱德奖章) Армии Северо-Восточного Демократического Альянса (позже Северо-Восточной Народно-Освободительной Армии); «Медаль Народного Героя» (人民英雄奖章) Восточно-Китайской Полевой Армии; «Медаль За Заслуги» первой степени (一等功奖章) НОАК Восточного Китая; «Медаль за заслуги перед народом» (人民功臣奖章) Хэбэй-Шаньдун-Хэнаньского военного округа; «Медаль героя, разящего врага» (杀敌英雄奖章) военного округа Тайхан; и «Медаль боевого героя» (战斗英雄奖章) 3-й армии; «Медаль образцового члена партии» (模范党员奖章) 14-ой армии; «Медаль героя форсирования реки» (渡江战斗英雄奖章) 16-ой армии, «Медаль за заслуги перед народом за освобождение Юго-Запада» и т.д. (Понятно 2022).

Во время Войны сопротивления японской агрессии и Освободительной войны большая часть армейских медалей была изготовлена из серебра и бронзы. В более поздний период освободительной войны, когда территории освобождённых районов постоянно расширялись, материальное положение НОАК значительно улучшилось, а качество материала и форма медалей стали лучше. В частности, внешний вид и качество медалей Народно-освободительной армии Северо-Востока, освободившей многие крупные и средние промышленные города, занимали лидирующие позиции во всей армии.

И тем не менее, несовершенная наградная система принесла огромную историческую инерцию в упорядочение системы почетных наград в будущем. В НОАК привычка награждать

орденами и медалями не поднялась до уровня институционального строительства, и система так и осталось на стадии «награды за заслуги». Для большинства командиров и бойцов в наградной системе был важен процесс получения поощрения после установления заслуг, а не сама медаль, поэтому медальные награды не приносили достойный почет. Такие награды, как «Медаль за большие заслуги», «Медаль за храбрость» и «Медаль Мао Цзэдуна» периода освободительной войны, являлись продуктами наградной системы того времени. Как и медали периода антияпонской войны, все эти медали остались в прошлом и не получили своего продолжения после образования КНР.

Подобное, несколько небрежное отношение к орденам и медалями сохранилось и в течение некоторого время после основания КНР, когда даже в НОАК некоторые военные не поддерживали построение институциональной системы военных наград (Ван Шичунь 2022).

Список литературы

1. Захаров А.О. Новые награды Китая и Монголии: возврат к средневековью, авторитарный поворот и маргинализация масс (к портрету современной цивилизации), Вестник Института востоковедения РАН. 2020.№ 2.С 294-312. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-294-312
2. Кировец А. Наградная система Народно-освободительной армии Китая. Зарубежное военное обозрение. – 2013. № 11. С. 35-41. http://factmil.com/publ/strana/kitaj/nagrada-ja_sistema_narodno_osvoboditelnoj_armii_kitaja_2013/59-1-0-326 (дата обращения: 16.09.2022)
3. За орденами – государственная наградная система (勋章背后是国家荣誉制度) Ван И. <http://news.163.com/special/reviews/medal.html> (дата обращения: 17.09.2022)
4. Цзэн Ли, Ян Лиюань. (曾骊, 杨丽媛) Фокус исследования, тенденция и эволюция исследований по государственной наградной системе: исследование и анализ с 2002 по 2021 гг. (国家荣誉制度研究焦点、趋势与演化路径——基于2002年至2021年研究成果的分析) Наблюдения и размышления (观察与思考) №4, 2022. С.89-96. (на кит. яз.)
5. Шэн Жовэй. (盛若蔚) Министерство гражданской администрации: Государственная наградная система будет создана в течение нескольких лет. (人事部：国家荣誉制度将在几年内全面建立). Жэньмиьжибао (人民日报) 02.01.2008 (на кит. яз.)
6. Чэнь Липин. (陈丽平) Не допускать связи государственной наградной системы и национальных противоречивых привилегий. (防止将国家荣誉与国家抵触的特权联系在一起). Фачжижибао (法治日报) 04.01.2008. (на кит. яз.)
7. Чжан Шухуа, Пань Чэньгуан, Чжу Вэйвэй. (张树华、潘晨光、祝伟伟) Размышления о создании в Китае государственной системы наград. (关于中国建立国家功勋荣誉制度的思考). Чжичжэнсюэ яньцзю (政治学研究) №3, 2010 (на кит. яз.);
8. Чжан Шухуа. (张树华) Высокие награды должны играть руководящую духовную роль (发挥崇高荣誉的精神引领作用). Синьчанчжэн (新长征), №8, 2016 (на кит. яз.);
9. Чжан Шухуа, Пань Чэньгуан. (张树华、潘晨光) Наградные системы в Китае и за рубе-

- жом. (中外功勋荣誉制度). Пекин: Китайское издательство по социальным наукам, 2011.
10. Сюй Пин. (徐平) Подвиг и слава: ордена и медали НОАК за 70 лет нового Китая. (功勋和荣誉: 新中国成立七十年我军的勋章、奖章). Чжунгоцзюньван (中国军网) 10.07.2019 https://www.toutiao.com/article/6711837915518861832/?&source=m_redirect (дата обращения: 18.09.2022) (на кит.яз.);
11. Сюй Пин. (徐平). В чем разница двух масштабных награждений НОАК? Какое содержание золота в орденах НОАК. (我军两次大规模授勋有哪些不同? 勋章含金量有多少). НОАК (中国军网) 01.06.2018 https://www.toutiao.com/article/6562039629254492680/?&source=m_redirect (дата обращения: 18.09.2022)
12. Чэнь Гоган (陈国刚). Рождение Закона о государственных орденах и государственных почетных званиях. (国家勋章和国家荣誉称号法诞生记). Фачжижибао (法制日报) 29.01.2019 (на кит. яз.)
13. Хуан Юйфэй (黄宇菲). Законотворческая практика создания системы государственных орденов и государственных почетных званий КНР. (我国国家勋章和国家荣誉称号制度的创制性实践). ВСНП (中国人大网) 17.09.2019 <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/201909/9a4ea8d2b75744198bc8f5a4c7585a8e.shtml> (дата обращения: 18.09.2022)
14. Цзян Тинъюй. (姜廷玉) Орден Красного знамени: первый Орден в истории нашей партии и нашей армии. (红旗勋章: 我党我军历史上的第一枚勋章). Цзефанцзюнь бао. (解放军报) 19.04.2020 // http://www.mod.gov.cn/education/2020-04/19/content_4863789.htm (дата обращения: 18.09.2022)
15. Орден Красного знамени. (红旗勋章). Байду (百度百科). <https://baike.baidu.com/item/%E7%BA%A2%E6%97%97%E5%8B%8B%E7%AB%A0/13134100> (дата обращения: 18.09.2022) (на кит.яз.)
16. Подвиги и заслуги: Ордена и медали за 90 лет создания НОАК. (功勋和荣誉: 《我军建军90年的勋章奖章》). Пэнпай синьвэнь (澎湃新闻) 03.06.2017 http://m.thepaper.cn/kuaibao_detail.jsp?contid=1707904&from=kuaibao (дата обращения: 18.09.2022) (на кит. яз.)
17. Ян Хайфэн. (杨海峰) Самые ранние боевые награды, учрежденные в НОАК: медаль «Красной звезды» (解放军最早颁发的全军性奖章: 红星奖章(组图)). Цзефанцзюнь бао. (解放军报) 21.07.2006 <http://jczs.news.sina.com.cn/2006-07-21/0618385121.html> (дата обращения: 18.09.2022)
18. Понятно с первого слова! Эволюция наград за заслуги НОАК. (一文读懂! 我军立功奖章的演变). Янши Цзюньши (央视军事) 0.02.2022 <https://milnews.sina.com.cn/history/2022-02-10/doc-ikyammz9981450.shtml> 18.09.2022) (на кит.яз.)
19. Ван Шичунь (王世纯) Последний фрагмент головоломки для военной реформы. Почему система воинской чести важна в новую эпоху. (军队正规化最后一片拼图 新时代军人荣誉体系为何重). Обозреватель (观察者网) 13.02.2022 <https://mil.news.sina.com.cn/china/2022-02-13/doc-ikyamrna0505238.shtml> (дата обращения: 18.09.2022) (на кит. яз.).

References

1. Zakharov A.O. New awards of China and Mongolia: a return to the Middle Ages, an

- authoritarian turn and the marginalization of the masses (toward a portrait of modern civilization), *Bulletin of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences*. 2020. No. 2. pp. 294-312. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-294-312 (In Russ.)
2. Kirovets A. Reward system of the People's Liberation Army of China. *Foreign military review*. — 2013. No. 11. pp. 35-41. http://factmil.com/publ/strana/kitaj/nagradna-ja_sistema_narodno_osvoboditelnoj_armii_kitaja_2013/59-1-0-326 (accessed: 16.09.2022) (In Russ.)
3. Behind the orders — the state award system. Wangyi agency // <http://news.163.com/special/reviews/medal.html> (accessed: 17.09.2022) (In Chin.)
4. Zeng Li, Yang Liyuan. Research focus, trend and evolution of research on the state award system. *Research and analysis from 2002 to 2021. Observations and reflections* No. 4, 2022 pp. 89-96. (In Chin.)
5. Sheng Ruwei. Ministry of Civil Administration: The state award system will be created within a few years. *Newspaper Renminribao* 02.01.2008 (in Chin.)
6. Chen Liping. Do not allow the connection between the state award system and national conflicting privileges. *Newspaper Fazhizhibao* 04.01.2008. (in Chin.)
7. Zhang Shuhua, Pan Chengguang, Zhu Weiwei. Reflections on the establishment of a state system of awards in China. *Zhizhenxue Journal* No. 3, 2010 (in Chin.)
8. Zhang Shuhua. High Honors Should Play a Leading Spiritual Role. *Xinchangzheng Journal* No.8, 2016 (in Chin.)
9. Zhang Shuhua, Pan Chengguang. *Reward systems in China and abroad*. Beijing, China social sciences publishing, 2011 (in Chin.)
10. Xu Ping. *Feat and Glory: PLA Orders and Medals for 70 Years of New China*. Zhongguojunwang 07/10/2019 https://www.toutiao.com/article/6711837915518861832/?&source=m_redirect (accessed: 18.09.2022) (in Chin.)
11. Xu Ping. What is the difference between the two large-scale awards of the PLA? What is the gold content in the orders of the PLA. *PLA* 06.01.2018 https://www.toutiao.com/article/6562039629254492680/?&source=m_redirect (accessed: 18.09.2022) (in Chin.)
12. Chen Guogang. Birth of the Law on State Orders and State Honorary Titles. *Fazhizhibao* 29.01.2019 (in Chin.)
13. Huang Yufei. Legislative practice of creating a system of state orders and state honorary titles of the PRC. NPC Portal. 17.09.2019 <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/201909/9a4ea8d2b75744198bc8f5a4c7585a8e.shtml> (accessed: 18.09.2022) (in Chin.)
14. Jiang Tingyu. Order of the Red Banner: the first Order in the history of our party and our army. *Jiefangjun bao*. 09.04.2020 http://www.mod.gov.cn/education/2020-04/19/content_4863789.htm (accessed: 18.09.2022) (in Chin.)
15. Order of the Red Banner. Baidu Encyclopedia <https://baike.baidu.com/item/%E7%BA%A2%E6%97%97%E5%8B%8B%E7%AB%A0/13134100> (accessed: 18.09.2022) (in Chin.)

16. Feats and merits: Orders and medals for 90 years of the creation of the PLA. Pengpai xinwen 03.06.2017 http://m.thepaper.cn/kuaibao_detail.jsp?contid=1707904&from=kuaibao (accessed: 18.09.2022) (in Chin.)
17. Yang Haifeng. Earliest combat awards established in the PLA: Red Star Medal. Jiefangjun Bao 21.07.2006 <http://jczs.news.sina.com.cn/2006-07-21/0618385121.html> (accessed: 18.09.2022) (in Chin.)
18. Clear from the first word! Evolution of PLA Merit Awards. Yangshi Junshi. 10.02.2022 <https://mil.news.sina.com.cn/history/2022-02-10/doc-ikyarmz9981450.shtml> (accessed: 18.09.2022) (in Chin.)
19. Wang Shichun, The Last Piece of the Jigsaw for Military Reform. Why the military honor system is important in the new era. Observer 13/02/2022 <https://mil.news.sina.com.cn/china/2022-02-13/doc-ikyarmna0505238.shtml> (accessed: 18.09.2022) (in Chin.)

Сведения об авторах

Семенов Александр Владимирович,

Кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой восточных языков
Дипломатическая академия МИД России
119034, Россия, Москва, ул. Остоженка,
53/2, стр. 1
legatus@bk.ru

Семенов Илья Александрович,

Магистр международных отношений, ДА
МИД России, Соискатель кафедры восточных языков и лингвокультурологии института международных отношений и мировой

истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
19F-6, No. 186, Shizheng N. 7 th rd., Xitun District, Taichung city, Taiwan, 407618
ilya@tento.com.tw

Information about the authors

Aleksander V. Semenov

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Oriental Languages
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
Building 1, 53/2, Ostozhenka str., Moscow, Russia, 119034
legatus@bk.ru

Ilya A. Semenov

MA International relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation PhD candidate, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation
19F-6, No. 186, Shizheng N. 7 th rd., Xitun District, Taichung city, Taiwan, 407618
ilya@tento.com.tw

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.01.2023

Одобрена после рецензирования: 10.02.2023

Принята к публикации: 15.03.2023

Information about the article

The article was submitted: 25.01.2023

Approved after reviewing: 10.01.2023

Accepted for publication: 15.03.2023

Marxist discourse of the modern Chinese political leadership

Марксистский дискурс современного китайского политического руководства

Жилкибаев Санат Нурболович

Финансовый университет при Правительстве
РФ, Москва, Россия
prozrach@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8079-9075>

Sanat. N. Zhilkibaev

Financial University under the Government of the
Russian Federation, Moscow, Russia
prozrach@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8079-9075>

УДК 1(091); 94; 329.15 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-1-2023-122-132](https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2023-122-132)

АННОТАЦИЯ

В данной статье автором рассматривается современный политико-идеологический тренд пятого поколения китайских руководителей во главе с Си Цзиньпином (2012/2013 — по настоящее время), реанимирующий руководящую роль марксизма при условии его модернизации и китаизации.

Исследование проходило на основе системного анализа важнейших стратегических речей китайского лидера на важнейших политических мероприятиях.

Конечная цель в лице устранения капитализма и достижения коммунизма остаётся неизменной целью Коммунистической партии Китая (КПК) при корректировке курса на достаточно продолжительное сохранение политэкономической модели социально ориентированного государственно-монополистического капитализма

ABSTRACT

In this article, the author considers the modern political and ideological trend of the fifth generation of Chinese leaders led by Xi Jinping (2012/2013 — to the present), which reanimating the leading role of Marxism, provided that it is modernized and sinicization.

The study was based on a system analysis of the most important strategic speeches of the Chinese leader at the most important political events.

The ultimate goal in the person of eliminating capitalism and achieving communism remains the unchanged goal of the Chinese Communist Party (CCP) when adjusting the course for a fairly long preservation of the political economic model of socially oriented state-monopoly capitalism («socialism with Chinese characteristics») for the period of industrial and post-industrial modernization of the economy and society China,

(«социализм с китайской спецификой») на период индустриальной и постиндустриальной модернизации экономики и общества Китая, которая переходит с «экспортной модели» на модель «внутреннего потребления» и «внешнего расширения». Это требует не только консервации идеологической надстройки, но и её актуального и конструктивного развития.

Более 40-лет «политики реформ и открытости» принесли стране экономическую модернизацию, победу над бедностью и геостратегическую мощь, но также социально-политические и социально-экономические проблемы ползучей реставрации капитализма, обуржуазивания партии, общества и возможной реакции в сторону открытого империализма под националистическими лозунгами. Эта тенденция отображена в социологических исследованиях и опасениях высшего руководства страны.

Подводя итог изучения нового этапа великого исторического эксперимента по совмещению советского политического режима с современной смешанной экономикой, можно уверенно заявить лишь одно — насколько успешно это будет или нет покажет лишь общественно-историческая практика: будущее общественно-политической и социально-экономической системы Китая.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, Коммунистическая партия Китая, политика, экономика, марксизм, Си Цзиньпин

Для цитирования: Жилкибаев С.Н. Марксистский дискурс современного китайского политического руководства. *Современные востоковедческие исследования*. 2023; Том 5 (1). <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2023-122-132>

which goes from the «export model» to the «internal consumption» and «external expansion» model. This requires not only the conservation of an ideological superstructure, but also its relevant and constructive development.

More than 40 years of «policies of reforms and openness» brought the country economic modernization, victory over poverty and geo-strategic power, but also socio-political and socio-economic problems of creeping the restoration of capitalism, Bourgeois transforming the party, Bourgeois transforming society and a possible reaction towards open imperialism under nationalist slogans. This trend is displayed in sociological research and fears of the country's top leadership.

Summing up the study of the new stage of the great historical experiment, according to the combination of the Soviet political regime with the modern mixed economy, only one thing can be confidently stated-how successfully it will be or not will show only socio-historical practice: the future of the socio-political and socio-economic system of China.

Keywords: Cina, Chinese People's Republic, the Communist Party of China, politics, economics, Marxism, Xi Jinping

For citation: Zhilkibaev S.N. Marxist discourse of the modern Chinese political leadership. *Modern Oriental Studies*. 2023; Volume 5 (1). (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2023-122-132>

Тема роли и значения марксизма как идеологии и общественной науки очень велика, особенно в Китае: «первой экономики мира», которой правит Коммунистическая партия (КПК), основываясь на марксизме, ведя страну к социализму, пусть и с китайской спецификой. Новые тренды марксизма были озвучены лидером пятого поколения китайских руководителей, Си Цзиньпином на нескольких важных идеологических мероприятиях: торжественных собраниях в честь 95-летия Компартии Китая (1 июля 2016 г.), в честь 80-летия «Великого похода» Красной армии Китая (21 октября 2016 г.), в честь 200-летия рождения Карла Маркса (4 мая 2018 г.), в честь 40-летия «политики реформ и открытости» (18 декабря 2018 г.), в честь 70-летия основания Китайской Народной Республики (1 октября 2019 г.) и в честь 100-летия КПК (1 июля 2021 г.).

Для Си Цзиньпина Маркс предстает великим и одновременно обычным человеком, а также «революционным учителем пролетариев и трудящихся всего мира, основоположником марксизма, родоначальником марксистской политической партии и международного коммунизма, а также человеком с величайшими идеалами современного времени». «Жизнь Маркса - по его мнению — это жизнь во имя светлых идей: ликвидация старого мира и создание нового ради освобождения человечества от угнетения». И по прошествии двух веков Маркс является великим мудрецом и революционером, а учение марксизма является абсолютно верным и сегодня (习近平 2018).

В целом, марксизм продолжает занимать руководящее и абсолютное значение в идеологии Компартии Китая, благодаря чему КПК и сегодня остаётся великой марксистской политической силой (习近平 2016).

Любой пересмотр данного принципа будет иметь огромную опасность для всей партии и страны (здесь четко прослеживается параллель с КПСС и СССР): «Отказ от неё [марксистской идеологии] означает, что наша партия потеряет свой дух и направление! Это ключевой вопрос, поэтому мы будем твердо его придерживаться! Мы никогда не будем отказываться от своей идеологии! /.../ Мы должны твердо придерживаться нашей идеологии, потому что отказ от идеологии — это самое опасное! Самое опасное для партии начинается с отказа от идеологии! Мы должны смотреть, во-первых, придерживается ли партия идеологии и смотреть на то, как каждый член нашей партии делает это!» (习近平 2016).

При этом, цитируя классиков, Председатель Си предупреждает, что «коммунисты представляют интересы только пролетариата: коммунисты не могут иметь расхождения в интересах с пролетариями — коммунисты борются за интересы большинства». Также Си процитировал классические отрывки из «Манифеста коммунистической партии» Маркса и Энгельса: в классовой борьбе будущее принадлежит пролетариату, а также о светлом будущем бесклассового коммунистического общества (习近平 2018). Это особенно интересно в контексте того, что сам Си на коллективной учебе Политбюро ЦК КПК заявил, что Коммунистическая

партия Китая — это верный носитель духа научного коммунизма (Xi stresses importance of The Communist Manifesto 2018).

Для Председателя Си, марксизм — это современная развивающаяся научная и практическая всеобщая общественно-философская теория понимания и изменения мира с целью освобождения человечества. Состоит марксизм из трех частей: исторический и диалектический материализм, политическая экономия и научный коммунизм» (习近平 2018; 习近平2019; 习近平 2020).

При этом особую линию на отстаивание своей четкой марксистской позиции Си Цзиньпин начал с самого начала своего руководства партией и страной (Си Цзиньпин 2017, 12; 21; 216; 562-563; Председатель КНР Си Цзиньпин: оценка работы чиновников не будет зависеть от экономических показателей 2013; Си Цзиньпин: Китай должен оставаться «красным» 2013; Xi underlines importance of CPC's political building 2018). В частности, на специальном совещании по работе в области философии и общественных наук Си Цзиньпин провозгласил, что марксизм останется правящей в гуманитарных и общественных науках (Китай призывает к приверженности к марксизму в философии и общественных науках 2016; Си Цзиньпин назвал марксизм научным и сильным учением 2016). И эта идеологизация распространяется на все китайское обще-

ство (Си Цзиньпин 2017, 224; Xi calls for better fulfilling missions of publicity work 2018; China Focus: Xi stresses following path of socialist education with Chinese characteristics 2018)¹.

Одновременно с этим Си Цзиньпин указывает на важную необходимость творческого развития марксизма согласно национальной специфике и объективным изменениям современного мира, о чем указывали все классики марксизма (习近平 2016; 习近平 2018).

Теоретический и практический успех китайских экономических реформ лишним образом, по мнению Си, подчеркивает необходимость и правильность теоретический инноваций марксизма (习近平 2018; 习近平 2018). При этом особую линию на соединение теории с практикой Си Цзиньпин начал с момента своего избрания Генеральным секретарем ЦК КПК (Си Цзиньпин 2017, 12; 31-32; 37; 549; 551; Китай призывает к приверженности к марксизму в философии и общественных науках, 2016; Си Цзиньпин назвал марксизм научным и сильным учением 2016).

Социалистическая природа и путь Китая для Си Цзиньпина в настоящее время однозначен (习近平 2019). Это, в основном, воплощается в реальности планомерного социально-экономического развития страны (习近平 2021).

¹ «Концепция ценностей социализма с китайской спецификой» делится на «основные» или «ключевые» с 2012: «могущество, демократия, цивилизация, гармония, свобода, равенство, справедливость, законность, патриотизм, увлеченность своим делом, честность и дружелюбие»; а также «базовые» с 2006: «руководящие идеи марксизма, общие идеалы социализма с китайской спецификой, национальный дух с упором на патриотизм, эпохальный дух с упором на реформы и инновации, социалистические понятия о славе и позоре» (Прим. авт.)

Вопрос коммунистической траектории будущего страны для Си Цзиньпина также однозначно правилен, как в историческом, так и в современном аспекте. Он состоит в идейной убежденности каждого члена партии, особенно руководящего состава и непосредственной практики политики на всех уровнях. При этом коммунизм остается стратегической долгосрочной целью-мечтой (习近平 2016).

Указывается, что «социализм с китайской спецификой — это правильный путь. Мы должны на долгосрочной основе придерживаться его. /.../ Следовать пути социализма с китайской спецификой — это долгий и трудный путь. Поэтому мы должны быть всегда готовы к вызовам, к рискам, к недопониманиям, но мы должны придерживаться социализма с китайской спецификой, чтобы наша партия, страна и народ всегда были в выигрыше. /.../ Мы верим, что социализм с китайской спецификой — это обязательный путь модернизации социализма. /.../ Он является современным и, в то же время, сильным. Все члены КПК должны помнить: мы должны строить социализм с китайской спецификой, а не что-то другое. История социализма с китайской спецификой: это хорошо или плохо — это надо смотреть на реальность, смотреть на оценку китайского народа, а не смотреть на оценки каких-то других людей, которые смотрят через свою призму. Это один из вариантов лучшего развития человечества, который предоставляет КПК» (习近平 2016).

Непрерывная уверенность в правоте дела социализма с китайской спецификой объявля-

на непогрешимой (习近平 2018). При этом конечная цель в виде коммунизма не исчезла, но воспринимается, как сложный и длительный исторический период перехода к иной формации (习近平 2019; 习近平 2019). Одновременно Си однозначно указывает научно-теоретическую основу социализма с китайской спецификой в классической концепции «научного коммунизма», что, одновременно, не мешает его инновациям (习近平 2018).

Историческая ретроспектива «политики реформ и открытости» была выставлена, как исправление партийно-государственной политики от продолжительных и массовых «левых ошибок», следуя «политике реформ и открытости произвела настоящую революцию, страна вышла на «столбовую дорогу» «социалистической модернизации Китая» (习近平 2018).

Дореформенный исторический период развития КНР оценивается Си, в целом, положительно, как период, когда «была создана базовая система социализма», и были успешно осуществлены «глубокие общественные изменения, создавшие фундаментальную политическую предпосылку и институциональную основу для современного развития Китая» (习近平 2018).

В ответ на обвинения некоторых «левых» в стране и в мире в измене КПК марксизму и коммунизму Си отрицает их, указывая на творческое развитие марксизма и научного социализма в изменяющихся условиях национального и международного развития и опору на общественные интересы в каждодневной практике политики китайского руководства (习近平 2019).

При этом особую линию на отстаивание своей четкой прокоммунистической позиции Си Цзиньпин начал с момента своего избрания Генеральным секретарем ЦК КПК в 2012 г. (习近平 2017, 14; 30-33). Теоретическую проблему марксизма по развитию социализма от построения его основ до перехода к развитому состоянию социализма и переходу к коммунизму, а также сложностям перехода от капитализма к социализму, как в развитых, так и в слабо-развитых странах Си указывал в различных выступлениях и статьях, начиная с 2013 г. (习近平 2017, 128-129; 习近平 2019; 习近平 2020).

Для Председателя Си марксистская политическая экономия — это важный и обязательный базис всей идеологии КПК. Основой национальной экономики это только марксистская политэкономия. Эта экономическая школа не только верна и сегодня, но также может взаимодействовать с некоторыми элементами иных экономических учений в общественном интересе (习近平 2020).

На коллективной учебе Политбюро ЦК КПК в 2014 г. в речи «Как следует использовать и «невидимую» и «видимую» руку» Си Цзиньпин добавил о роли рынка в экономике: «Пусть рынок в полной мере сыграет свою роль в тех сферах, где он может справиться» (Си Цзиньпин 2017, 164). А во время первой коллективной учебы членов Политбюро ЦК КПК в ноябре 2012 г., Си указал не меркнущую роль плановых механизмов в управлении экономикой: «Мы подчеркиваем важность общего планирования, ибо социализм с китайской спецификой предусматривает развитие

во всех сферах» (Си Цзиньпин 2017, 15).

Касательно судьбы государственного сектора экономики Председатель Си сказал на Третьем Пленуме ЦК КПК в 2013 г., что госсектор является лидером и чемпионом народного хозяйства (Си Цзиньпин 2017, 108).

Будущее же реформ и открытости китайской экономики он описывает как продолжение в стратегическом долгосрочном плане смешанной планово-рыночной экономики, на основе дуализма государственно-частного партнерства и разумной экономической открытости. При этом роль партии и государства всегда будет оставаться лидирующей, абсолютной и священной в целях соблюдения общественного блага от социально-экономических недостатков рыночной экономики, максимизируя положительные стороны плана и рынка в общественном прогрессе. И этим уроком Китай готов поделиться с миром (习近平 2018; 习近平 2020).

Однако для Си Цзиньпина ясно видна сложность «зияющий высот социализма с китайской спецификой»: политическая индифферентность, политическая измена, коррупция и моральная деградация большей части управляющего партийно-государственного аппарата, что является важнейшей угрозой существования КПК и КНР (Си Цзиньпин 2017, 562-566).

Вторят и даже усугубляют картину идеологических проблем КПК и социальных проблем китайского общества социология. Так, например, некоторые социологические опросы в провинциях Шэньси, Хэнань, Цзянси и Гуандуне в 1990-е гг., показали, что лишь

28 % населения верят в социализм, 36 % — не верят, 22 % — раньше верили (Виноградов А.В. 2008, 279). Другие социологические опросы показывают, что более 80 % городского населения КНР вообще «исповедуют буржуазно-либеральные ценности», а остальные делят свои идейные предпочтения между социализмом и традиционной китайской культурой (Румянцев Е.Н. 2016, 55-56).

И даже официальная китайская социология посредством социологических онлайн-опросов в 2016 г. среди молодежи, работающей в частном секторе, которые показали странную социально-политическую обстановку, что более 90 % респондентов считают, что Китай должен опираться на руководящую роль КПК. Однако средний уровень одобрения коммунизма и марксизма, к сожалению, остается относительно низкими: 3,21 и 2,97 соответственно по пятибалльной шкале. А целых 93 % респондентов считают, что Китай должен научиться тому, что полезно от капитализма, и отказаться от того, чего не полезно. Лишь около половины респондентов ставят общие (коллективные) интересы выше личной выгоды, а остальные либо не согласились, либо были не уверены. А самыми большими проблемами для китайской молодежи стали: неравный доступ к возможностям (социальные лифты) и социальная справедливость (80% believe citizens should actively support country: poll 2018).

Подводя итог изучения нового этапа этого великого исторического эксперимента по совмещению советского политического режима с современной смешанной государственно —

рыночной экономикой (или государственным капитализмом), можно уверенно заявить лишь одно — успешен он будет или нет покажет лишь общественно-историческая практика: будущее правящей общественно-политической и социально-экономической системы Китая. Однако официальной китайской пропагандой и агитацией Си Цзиньпин назван, помимо звания «ядра» ЦК КПК, «стержневого лидера» и даже «народного вождя» также и «живым теоретиком марксизма Китая и XXI века» (Senior CPC official stresses importance of studying Xi's speech commemorating Marx 2018).

Список литературы

1. Си Цзиньпин (习近平). Выступление на праздновании 200-летия со дня рождения Маркса (在纪念马克思诞辰200周年大会上的讲话) // Цюши (求是). 2018. № 10. http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2018-05/15/c_1122827825.htm (дата обращения 24.12.2022) (на кит.яз).
2. Си Цзиньпин (习近平). Выступление на праздновании 95-летия основания Коммунистической партии Китая (在庆祝中国共产党成立95周年大会上的讲话) // Синьхуа Новости (新华社). http://www.xinhuanet.com/politics/2016-07/01/c_1119150660.htm (дата обращения 24.12.2022) (на кит.яз).
3. Xi stresses importance of The Communist Manifesto // Xinhuanet. http://www.xinhuanet.com/english/2018-04/24/c_137134028.htm (дата обращения 24.12.2022)
4. Си Цзиньпин (习近平). Диалектический

- материализм — мировоззрение и методология китайских коммунистов (辩证唯物主义是中国共产党人的世界观和方法论) // Цюши (求是). 2019. № 1. http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2018-12/31/c_1123923896.htm (дата обращения 24.12.2022) (на кит.яз).
5. Си Цзиньпин (习近平). Сохраняйте исторический материализм и открывайте новые горизонты для развития современного китайского марксизма (坚持历史唯物主义不断开辟当代中国马克思主义发展新境界) // Цюши (求是). 2020. № 2. http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2020-01/15/c_1125459115.htm (дата обращения 24.12.2022) (на кит.яз).
6. Си Цзиньпин. О государственном управлении. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2017.
7. Председатель КНР Си Цзиньпин: оценка работы чиновников не будет зависеть от экономических показателей // Жэньминь Жибао онлайн. <http://russian.people.com.cn/31521/8305164.html> (дата обращения 24.12.2022)
8. Си Цзиньпин: Китай должен оставаться «красным» // Синьхуа Новости. http://russian.news.cn/china/2013-07/13/c_132538134.htm (дата обращения 24.12.2022)
9. Xi underlines importance of CPC's political building // Xinhuanet. http://www.xinhuanet.com/english/2018-06/30/c_137292057.htm (дата обращения 24.12.2022)
10. Китай призывает к приверженности к марксизму в философии и общественных науках // Синьхуа Новости. http://russian.news.cn/2016-05/17/c_135366515.htm (дата обращения: 24.12.2022)
11. Си Цзиньпин назвал марксизм научным и сильным учением // Синьхуа Новости. http://russian.news.cn/2016-05/19/c_135369923.htm (дата обращения 24.12.2022)
12. Xi calls for better fulfilling missions of publicity work // Xinhuanet. http://www.xinhuanet.com/english/2018-08/22/c_137410956.htm (дата обращения 24.12.2022)
13. China Focus: Xi stresses following path of socialist education with Chinese characteristics // Xinhuanet. http://www.xinhuanet.com/english/2018-09/10/c_137459026.htm (дата обращения 24.12.2022)
14. Си Цзиньпин (习近平). Выступление на праздновании 40-летия «политики реформ и открытости» (在庆祝改革开放40周年大会上的讲话) // Цюши (求是). 2018. № 24. http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2018-12/22/c_1123888045.htm (дата обращения 24.12.2022) (на кит.яз).
15. Си Цзиньпин (习近平). Выступление на серии мероприятий по случаю 70-летия основания Китайской Народной Республики (总书记在出席庆祝中华人民共和国成立70周年系列活动时的讲话) // Цюши (求是). 2019. № 19. http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2020-09/30/c_1126556581.htm (дата обращения 24.12.2022) (на кит.яз).
16. Си Цзиньпин (习近平). Выступление на

- праздновании 100-летия основания Коммунистической партии Китая (在庆祝中国共产党成立100周年大会上的讲话) // Синьхуа Новости (新华社). http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2021-07/15/c_1127658385.htm (дата обращения 24.12.2022) (на кит.яз).
17. Си Цзиньпин (习近平). Изучение основных теорий марксизма — обязательный курс для коммунистов (学习马克思主义基本理论是共产党人的必修课) // Цюши (求是). 2019. № 22. http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2019-11/15/c_1125234267.htm (дата обращения 24.12.2022) (на кит.яз).
18. Си Цзиньпин (习近平). Некоторые вопросы отстаивания и развития социализма с китайской спецификой (关于坚持和发展中国特色社会主义的几个问题) // Цюши (求是). 2019. № 7. http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2019-04/01/c_1124307480.htm (дата обращения 24.12.2022) (на кит.яз).
19. Си Цзиньпин (习近平). Постоянно открывайте новые области современной китайской марксистской политической экономики (不断开拓当代中国马克思主义政治经济学新境界) // Цюши (求是). 2020. № 16. http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2020-08/15/c_1126365995.htm (дата обращения 24.12.2022) (на кит.яз).
20. Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности / изд. втор., испр. и доп. Москва: НОФМО, 2008.
21. Румянцев Е.Н. Внутренняя и внешняя политика Си Цзиньпина. Москва: Синосфера, 2016.
22. 80% believe citizens should actively support country: poll // Global Times <http://www.globaltimes.cn/content/995100.shtml> (дата обращения 24.12.2022)
23. Senior CPC official stresses importance of studying Xi's speech commemorating Marx // Xinhuanet. http://www.xinhuanet.com/english/2018-05/07/c_137159901.htm (дата обращения: 24.12.2022)

References

1. Xi Jinping (习近平). Speech at the celebration of the 200th anniversary of the birth of Marx (在纪念马克思诞辰200周年大会上的讲话) // Qushi (求是). 2018. № 10. http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2018-05/15/c_1122827825.htm (accessed: 24.12.2022) (In Chin.).
2. Xi Jinping (习近平). Speech at the celebration of the 95th anniversary of the founding of the Chinese Communist Party (在庆祝中国共产党成立95周年大会上的讲话) // Xinhuanet (新华社). http://www.xinhuanet.com/politics/2016-07/01/c_1119150660.htm (accessed: 24.12.2022) (In Chin.).
3. Xi stresses importance of The Communist Manifesto // Xinhuanet. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-04/24/c_137134028.htm (accessed: 24.12.2022)
4. Xi Jinping (习近平). Dialectical materialism - the worldview and methodology of the Chinese communists (辩证唯物主义是中国共产党人的世界观和方法论) // Qushi (求是). 2019. № 1. <http://www.qstheory.cn/>

- dukan/qs/2018-12/31/c_1123923896.htm
(accessed: 24.12.2022) (In Chin.).
5. Xi Jinping (习近平). Preserve historical materialism and open up new horizons for the development of modern Chinese Marxism (坚持历史唯物主义 不断开辟当代中国马克思主义发展新境界) // Qushi (求是). 2020. № 2. http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2020-01/15/c_1125459115.htm (accessed: 24.12.2022) (In Chin.).
6. Si Czin'pin. On public administration. Beijing: Izdatel'stvo literatury na inostrannyh yazykah, 2017. (In Russ.).
7. Chinese President Xi Jinping: the assessment of the work of officials will not depend on economic indicators // Zhenmin zhibao online URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8305164.html> (accessed: 24.12.2022) (In Russ.).
8. Xi Jinping: China must remain red // Xinhua News http://russian.news.cn/china/2013-07/13/c_132538134.htm (accessed: 24.12.2022) (In Russ.).
9. Xi underlines importance of CPC's political building // Xinhuanet. http://www.xinhuanet.com/english/2018-06/30/c_137292057.htm (accessed: 24.12.2022)
10. China calls for adherence to Marxism in philosophy and social sciences // Xinhuanet http://russian.news.cn/2016-05/17/c_135366515.htm (accessed: 24.12.2022) (In Russ.).
11. Xi Jinping called Marxism a scientific and powerful teaching // Xinhuanet http://russian.news.cn/2016-05/19/c_135369923.htm (accessed: 24.12.2022) (In Russ.).
12. Xi calls for better fulfilling missions of publicity work // Xinhuanet. www.xinhuanet.com/english/2018-08/22/c_137410956.htm (accessed: 24.12.2022)
13. China Focus: Xi stresses following path of socialist education with Chinese characteristics // Xinhuanet. http://www.xinhuanet.com/english/2018-09/10/c_137459026.htm (accessed: 24.12.2022)
14. Xi Jinping (习近平). Speech at the celebration of the 40th anniversary of the «policy of reform and opening up» (在庆祝改革开放40周年大会上的讲话) // Qushi (求是). 2018. № 24. http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2018-12/22/c_1123888045.htm (accessed: 24.12.2022) (In Chin.).
15. Xi Jinping (习近平). Speech at a series of events marking the 70th anniversary of the founding of the People's Republic of China (总书记在出席庆祝中华人民共和国成立70周年系列活动时的讲话) // Qushi (求是). 2019. № 19. http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2020-09/30/c_1126556581.htm (accessed: 24.12.2022) (In Chin.).
16. Xi Jinping (习近平). Speech at the celebration of the 100th anniversary of the founding of the Chinese Communist Party (在庆祝中国共产党成立100周年大会上的讲话) // Xinhuanet (新华社). http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2021-07/15/c_1127658385.htm (accessed: 24.12.2022) (In Chin.).

17. Xi Jinping (习近平). Studying the basic theories of Marxism is a compulsory course for communists (学习 马克思主义 基本理论 是 共产党人 的 必修课) // Qushi (求是). 2019. № 22. http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2019-11/15/c_1125234267.htm (accessed: 24.12.2022) (In Chin.).
18. Xi Jinping (习近平). Some issues of upholding and developing socialism with Chinese characteristics (关于 坚持 和 发展 中国 特色 社会主义 的 几个 问题) // Qushi (求是). 2019. № 7. http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2019-04/01/c_1124307480.htm (accessed: 24.12.2022) (In Chin.).
19. Xi Jinping (习近平). Constantly discover new areas of modern Chinese Marxist political economy (不断 开拓 当代 中国 马克思 主义 政治 经济学 新 境界) // Qushi (求是). 2020. № 16. http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2020-08/15/c_1126365995.htm (accessed: 24.12.2022) (In Chin.).
20. Vinogradov A.V. Chinese model of modernization. The search for a new identity / izd. 2. Moscow: NOFMO, 2008. (In Russ.).
21. Rumyantsev E.N. Domestic and foreign policy of Xi Jinping. Moscow: Sinosfera, 2016. (In Russ.).
22. 80% believe citizens should actively support country: poll // Global Times <http://www.globaltimes.cn/content/995100.shtml> (accessed: 24.12.2022)
23. Senior CPC official stresses importance of studying Xi's speech commemorating Marx // Xinhuanet. http://www.xinhuanet.com/english/2018-05/07/c_137159901.htm (accessed: 24.12.2022)

Информация об авторе

Жилкибаев Санат Нурболович,

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

prozrach@mail.ru

Information about the author

Sanat N. Zhilkibaev

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

prozrach@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.01.2023

Одобрена после рецензирования: 10.02.2023

Принята к публикации: 15.03.2023

Information about the article

The article was submitted: 25.01.2023

Approved after reviewing: 10.01.2023

Accepted for publication: 15.03.2023

Corporate social responsibility (CSR) of Chinese seaport operators

Корпоративная социальная ответственность (КСО)

китайских компаний-операторов морских портов

**Сячин Валерий Геннадьевич¹,
Эпштейн Виталий Анатольевич²**

¹Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

²Российская академия народного хозяйства
и государственной службы, Москва, Россия

Автор, ответственный за переписку:
spartak-t@mail.ru

**Valeriy G. Syachin ¹,
Vitaliy A. Epshteyn ²**

¹National Research University Higher School of
Economics, Moscow, Russia

²Russian academy of national economy and public
administration under the President of the Russian
Federation, Moscow, Russia

Corresponding author: spartak-t@mail.ru

УДК 327 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/10.24412/2686-9675-1-2023-133-142](https://doi.org/10.24412/10.24412/2686-9675-1-2023-133-142)

АННОТАЦИЯ

В настоящее время существует высокий спрос на устойчивые практики бизнеса. В том числе это касается портовой инфраструктуры, которая несёт множественные экологические риски для окружающей среды и экономические риски для местных сообществ. В связи с этим, целью исследования является определить специфику формирования системы корпоративной социальной ответственности (далее — КСО) китайских компаний-операторов портов. В статье используются исследования авторов из Эдинбургского университета Нейпира, публикации журнала «Cooperativism and Development» и другие материалы в области устойчивого развития и КСО, в которых подробно рассматриваются негативные факторы

ABSTRACT

Nowadays there is a high demand for sustainable business practices. This also applies to the seaports' infrastructure, which carries multiple environmental risks for the environment and economic risks for local communities. In this regard, the purpose of this study is to evaluate the development of corporate social responsibility (CSR) of Chinese seaport operators. The article uses research made by authors from Edinburgh Napier University, publications of the journal "Cooperativism and Development" and other materials in the field of sustainable development and CSR, which examine in detail the negative impact of port activities on the environment and evaluates the CSR model of Chinese seaport operators. The main sources for the study are reports of Chinese

влияния портовой деятельности на окружающую среду и даётся оценка модели КСО компаний-операторов китайских портовых комплексов. Основными источниками исследования являются отчёты китайских компаний-операторов морских портов, а также нормативная база КНР. В статье проводится сравнение практик крупных китайских компаний, выявляются их особенности и взаимосвязи с общими тенденциями развития системы КСО в КНР и мире. В заключении работы представлен вывод о том, что система корпоративной социальной ответственности китайских компаний-операторов портов проходит этап активного формирования на территории КНР, однако отстаёт от передовых практик некоторых развитых стран на уровне регулирования. В то же время, китайские компании-операторы активно развивают экологические и социальные аспекты деятельности, что обусловлено общегосударственной политикой по снижению углеродных выбросов, борьбе с бедностью, а также происходит ввиду необходимости повышения эффективности работы портов и укрепления положительного имиджа китайских компаний на международной арене.

Ключевые слова: Корпоративная социальная ответственность, порты КНР, SIPG, COSCO, CCCC, CMG

Для цитирования: Сячин В.Г., Эпштейн В.А. Корпоративная социальная ответственность китайских компаний-операторов морских портов: состояние и перспективы реализации в зарубежных портах с китайским участием. *Современные востоковедческие исследования*. 2023; Том 5 (1). <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2023-133-142>

operators of seaports and Chinese regulatory framework. The article compares practices of large Chinese seaport operators, identifies their features and relevance to the Chinese and global trends in CSR development. The article concludes that the CSR system of Chinese seaport operators is at the stage of active formation. However, it lags behind the best practices of some developed countries at the regulatory level. At the same time, Chinese seaport operators are actively developing environmental and social aspects of their activities, which is mainly due to the national policy to reduce carbon emissions, combat poverty, and also due to needs of improving the efficiency of ports and strengthening the positive image of Chinese companies in the international arena.

Keywords: CSR, Chinese ports, SIPG, COSCO, CCCC, CMG

For citation: Syachin V.G., Vitaliy A. Epshteyn. Corporate social responsibility of Chinese marine port operators: the current state and prospects of implementation in foreign ports with Chinese equity. *Modern Oriental Studies*. 2023; Volume 5 (1). (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2023-133-142>

В последние годы Китай всё чаще позиционирует себя как «ответственную державу», подчёркивая стремление к всеобщему процветанию в противовес США (Центральное народное правительство Китайской народной республики 2018; 2020).

На основе заявлений высшего руководства КНР эксперты выделяют ряд аспектов понятия «ответственная держава», включая в него в том числе ответственность КНР за стабильное мировое экономическое развитие (Gill 2007). С 2020 г. это понятие расширилось вследствие опыта борьбы КНР с пандемией COVID-19 и помощи, которая была оказана другим странам мира. Примерно в этот же период возросли ожидания мирового сообщества по отношению к мерам КНР в области устойчивого развития, ввиду отказа администрации Трампа следовать принятой климатической повестке (Savage, 2019).

Таким образом, понимание мировым сообществом в целом и руководством КНР в частности содержания понятия «ответственная держава» видоизменяется под влиянием растущих амбиций Китая и, следовательно, его роли в вопросах мировой повестки (Papageorgiou and de Melo 2022, 163-164).

В сентябре 2020 г. на 75-ой сессии ГА ООН Председатель КНР Си Цзиньпин выступил с заявлением о стремлении КНР достигнуть углеродной нейтральности к 2060 г. (Embassy of the People's Republic of China in the United States of America 2020). С этого момента Китай активизировал сотрудничество с бизнесом в области достижения целей устойчивого развития ООН (UN SDG's) не только внутри страны, но в рам-

ках инициативы «Один пояс, один путь» (United Nations 2022).

Поскольку основной целью «Пояса и пути» является «связывание объектов инфраструктуры» (Министерство коммерции КНР 2015), в том числе портовых комплексов, целесообразно рассмотреть опыт в области КСО, наработанный крупнейшими компаниями-операторами портов КНР.

«Корпоративная социальная ответственность» понимается органами ООН как «концепция управления, в соответствии с которой компании учитывают социальные и экологические проблемы в своих деловых операциях и взаимодействиях со своими заинтересованными сторонами» (UNIDO n.d.).

Как отмечают исследователи, особенно сильно реализации КСО в портах является то, что она должна отвечать как экономическим, так и экологическим целям, что является затруднительным в условиях уникальности каждого порта (Du, Monios and Wang 2019, 211-212). Существенную нагрузку на окружающую среду оказывает само строительство порта, так как строительство причальных стенок и дноуглубительные работы кардинально меняют качество воды в акватории, негативно влияют на популяцию морских животных и водоплавающих птиц. Если говорить о функционирующем портовом комплексе, то его негативное влияние на окружающую среду сводится к трём факторам (OECD 2011):

- Негативное влияние от деятельности самого порта;

- Негативное влияние от кораблей, заходящих в порт;
- Выбросы от интермодального транспорта, связывающего порт и его хинтерланд.

В «негативное влияние» могут быть включены выбросы углекислого газа, шумовое, пылевое загрязнение и, наконец, загрязнение окружающих вод. Ограничения на подобные загрязнения в рамках морской деятельности введены Международной конвенцией по предотвращению загрязнения с судов, за исполнение и совершенствование положений которой ответственен Комитет по защите морской среды (МЕРС) Международной Морской Организации (ИМО) (МЕРС n.d.).

Китай, являющийся членом ИМО с 1973 г., предпринимает активные действия по снижению негативного влияния портов на окружающую среду, поскольку ещё в 2015 г. китайские порты являлись мировым лидером по выбросу парниковых газов (Du, Monios and Wang 2019, 216). Экологической повестке уделяется внимание как на уровне правительства, так и на уровне государственно-частного партнёрства (Du, Monios and Wang 2019, 216-218).

Правительство в лице Китайского национального института стандартизации в 2015 г. выпустило базовые рекомендации по формированию принципов КСО для различных отраслей (GB/T-36000), на базе которых в 2019-2020 гг. была разработан полноценный перечень требований к КСО различных компаний (GB/T 39604) (Национальная общественная сервисная платформа информирования о государ-

ственных стандартах 2019). Согласно этим двум документам, КСО охватывает семь основных сфер: корпоративное управление, права человека, трудовые практики, заботу об окружающей среде, заботу о потребителях, практики ответственной деятельности фирмы, участие местных сообществ и их развитие (Главное государственное управление КНР по контролю и регулированию рынка. Государственный комитет по стандартизации Китая 2020).

GB/T 39604 обязывает все компании, которые имеют намерение построить систему КСО или оказывать положительное влияние на окружающий мир, следовать установленным в нём правилам (Главное государственное управление КНР по контролю и регулированию рынка. Государственный комитет по стандартизации Китая 2020). На практике, подобная формулировка означает, что далеко не все предприятия будут придерживаться изложенных норм. Кроме того, данные нормы, в связи с тем, что данные нормы применяются к широкому кругу отраслей, их положения зачастую размыты и не учитывают специфику портовых операций.

Последняя версия «Правил эксплуатации и управления портом» Министерства транспорта КНР также не содержит конкретных предписаний для компаний-операторов портов по системе КСО, ограничиваясь базовыми положениями техники безопасности (Министерство транспорта КНР 2020).

В то же время, в мировой практике существуют примеры поощрения портов за реализацию норм КСО, в том числе различные материальные меры поощрения (пример: освобождение

от налогов). Так, Закон Королевства Испания 33/2010 «Экономический режим и предоставление услуг в портах» от 5 августа 2010 г. устанавливает поощрения портам, преуспевающим в реализации системы КСО, а также обязывает портовые учреждения раскрывать информацию в области КСО и устойчивого развития по достижениям в четырех сферах, которые и служат критериями оценки для предоставления льгот: институциональной, экономической, экологической и социальной (Global Regulation 2010). Эксперты высоко оценивают положения данного закона, однако отмечают неудовлетворительный уровень их реализации отдельными портами (Boza and González 2017, 20-21).

В странах-членах ЕС ещё с 2012-2015 гг. существуют различные «зелёные» инициативы, включая конкретные шаги в морской сфере (Williamson, Stampe-Knipfel and Weber 2014, 67), например создание организации «Зелёный корабль будущего» в Дании, которое объединяет усилия судоходных компаний в экологической сфере и спонсируется в том числе компанией A.P. Moller-Maersk (<https://greenship.org/about/> n.d.).

Тем не менее, согласно отчёту Европарламента «Корпоративная социальная ответственность (КСО) и ее внедрение в корпоративное законодательство ЕС» от 2020 г., большинство членов ЕС ещё не выработали эффективные правила регулирования, которые бы предусматривали санкции за несоблюдение требований к КСО, в связи с чем инициативы в данной области остаются преимущественно рекомендательными (Policy Department for Citizens' Rights and Constitutional Affairs Directorate-

General for Internal Policies 2020).

Таким образом, если сравнивать общие подходы ЕС и КНР в области КСО, то принципы регулирования в обоих случаях остаются достаточно «мягкими» и не обязывают компании следовать государственной политике. Более того, в большинстве стран ЕС, как и в КНР, не существует конкретных правил для компаний-операторов портов.

Список литературы

1. Китай продолжает играть роль ответственной державы. Центральное народное правительство Китайской Народной Республики (中国不断发挥负责任大国作用. 中华人民共和国中央人民政府). 2018. http://www.gov.cn/xinwen/2018-01/07/content_5253992.htm (дата обращения: 19.08.2022). (на кит.яз)
2. Борьба Китая с эпидемией демонстрирует ответственную роль ответственной державы. Центральное народное правительство Китайской Народной Республики (中国抗疫彰显负责任大国担当. 中华人民共和国中央人民政府). 2020. http://www.gov.cn/xinwen/2020-03/19/content_5493027.htm (дата обращения: 19.08.2022). (на кит.яз)
3. Gill B. China Becoming a Responsible Stakeholder. Carnegie Endowment for International Peace. 2007. https://carnegieendowment.org/files/Bates_paper.pdf (дата обращения: 19.08.2022).
4. Savage L.Ch. The US left a hole in leadership on climate. China is filling it. Politico. 2019.

- <https://www.politico.eu/article/us-china-climate-renewable-energy-sustainability-leadership-investment/> (дата обращения: 19.08.2022).
5. Papageorgiou M., de Melo, D.S.N. China as a Responsible Power Amid the COVID-19 Crisis: Perceptions of Partners and Adversaries on Twitter. *Fudan Journal of Humanities and Social Science*. 2022, 15, pp. 159–188. <https://doi.org/10.1007/s40647-022-00344-y> (дата обращения: 19.08.2022).
6. Xi Jinping Delivers an Important Speech at the General Debate of the 75th Session of the United Nations (UN) General Assembly. Embassy of the People's Republic of China in the United States of America. 2020. <https://www.mfa.gov.cn/ce/ceus/eng/zgyw/t1817766.htm> (дата обращения: 19.08.2022).
7. How is the UN supporting China's Sustainable Development Goals and how are business leaders adapting to meet them? Remarks by Siddharth Chatterjee, UN Resident Coordinator in China, at the Indian Association Business Council (IABC) Leadership Talk Series. United Nations (China). 2022. <https://china.un.org/en/186633-how-un-supporting-chinas-sustainable-development-goals-and-how-are-business-leaders-adapting> (дата обращения: 19.08.2022).
8. "Видение и действия по содействию совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути 21 века". Министерство коммерции КНР (《推动共建丝绸之路经济带和21世纪海上丝绸之路的愿景与行动》发布. 中华人民共和国商务部). 2015. <http://zhhs.mofcom.gov.cn/article/xxfb/201503/20150300926644.shtml> (дата обращения: 19.08.2022). (на кит.яз)
9. What is CSR? United Nations Industrial Development Organization. <https://www.unido.org/our-focus/advancing-economic-competitiveness/competitive-trade-capacities-and-corporate-responsibility/corporate-social-responsibility-market-integration/what-csr> (дата обращения: 19.08.2022).
10. Du Ke, Monios J., Wang Y. Green Port Strategies in China. *Green Ports: Inland and Sea-side Sustainable Transportation Strategies*. 2019, Chapter 11, pp. 211-229. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-814054-3.00011-6> (дата обращения: 19.08.2022).
11. Environmental impacts of ports. OECD. 2011. <https://www.oecd.org/greengrowth/greening-transport/environmental-impacts-of-ports.htm> (дата обращения: 19.08.2022).
12. Marine Environment Protection Committee (MEPC). International Maritime Organization (IMO). <https://www.imo.org/en/MediaCentre/MeetingSummaries/Pages/MEPC-default.aspx> (дата обращения: 19.08.2022).
13. Требования к системе управления социальной ответственностью и рекомендации по использованию. Национальная общественная сервисная платформа информирования о государственных стандартах (社会责任管理体系 要求及使用指南. 全国标

- 准 信 息 公 共 服 务 平 台). 2019. <https://std.samr.gov.cn/gb/search/gbDetailed?id=760906FE0208FE2DE05397BE0A0A757D> (дата обращения: 19.08.2022). (на кит.яз.)
14. Требования к системе управления социальной ответственностью и рекомендации по использованию. Главное государственное управление КНР по контролю и регулированию рынка. Государственный комитет по стандартизации Китая. Платформа документов Юаньчуаньли. (社会责任管理体系 要求及使用指南. 国家市场监督管理总局. 国家标准化委员会. 原创历史文档). 2020. <https://max.book118.com/html/2021/0118/5300204100003112.shtm> (дата обращения: 19.08.2022). (на кит.яз.)
15. Положение об эксплуатации и управлении портом (Приказ Министерства транспорта № 21 от 2020 года). Министерство транспорта КНР (港口经营管理规定 (交通运输部令2020年第21号) . 交通运输部). 2020. http://www.yyx.gov.cn/37584/38154/38157/38160/38218/38219/40221/content_1781146.html (дата обращения: 19.08.2022). (на кит.яз.)
16. Law 33/2010, On 5 August, Modification Of The Law 48/2003, Of 26 November, Economic Regime And Provision Of Services In The Ports Of General Interest. Global Regulation. 2010. <https://www.global-regulation.com/translation/spain/1439596/law-33-2010%252c-on-5-august%252c-modification-of-the-law-48-2003%252c-of-26-november%252c-economic-regime-and-provision-of-services-in-the-ports-of-general-i.html> (дата обращения: 19.08.2022).
17. Boza J., González M.M. Port authority Corporate Social Responsibility (CSR) and perceptions of entrepreneurs and port enterprises. *Cooperativism and Development*. 2017. Vol. 25 (111). https://www.researchgate.net/publication/332327584_Port_authority_corporate_social_responsibility_CSR_and_perceptions_of_entrepreneurs_and_port_enterprises (дата обращения: 19.08.2022).
18. Williamson N., Stampe-Knippel A., Weber T. Corporate Social Responsibility National Public Policies in the European Union. *Compendium 2014*. European Commission Directorate-General for Employment, Social Affairs and Inclusion Unit C.1. <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/corporate-social-responsibility-national-public-policies-european-union-compendium-2014> (дата обращения: 19.08.2022).
19. About Green Ship of the Future. Green Ship of the Future. <https://greenship.org/about/> (дата обращения: 19.08.2022).
20. Executive Summary. Corporate social responsibility (CSR) and its implementation into EU Company law. Policy Department for Citizens' Rights and Constitutional Affairs Directorate-General for Internal Policies. 2020, PE 658.541. [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/658541/IPOL_STU\(2020\)658541\(SUM01\)_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/658541/IPOL_STU(2020)658541(SUM01)_EN.pdf) (дата обращения: 19.08.2022).

References

1. China continues to play the role of a responsible power. Central People's Government of The People's Republic of China. 2018. http://www.gov.cn/xinwen/2018-01/07/content_5253992.htm (accessed:19.08.2022). (In Chin)
2. China's fight against the epidemic demonstrates the responsibility of a responsible country. Central People's Government of The People's Republic of China. 2020. http://www.gov.cn/xinwen/2020-03/19/content_5493027.htm (accessed:19.08.2022). (In Chin)
3. Gill B. China Becoming a Responsible Stakeholder. Carnegie Endowment for International Peace. 2007. https://carnegieendowment.org/files/Bates_paper.pdf (accessed:19.08.2022).
4. Savage L.Ch. The US left a hole in leadership on climate. China is filling it. Politico. 2019. <https://www.politico.eu/article/us-china-climate-renewable-energy-sustainability-leadership-investment/> (accessed:19.08.2022)
5. Papageorgiou M., de Melo, D.S.N. China as a Responsible Power Amid the COVID-19 Crisis: Perceptions of Partners and Adversaries on Twitter. Fudan Journal of Humanities and Social Science. 2022, 15, pp. 159–188. <https://doi.org/10.1007/s40647-022-00344-y> (accessed:19.08.2022).
6. Xi Jinping Delivers an Important Speech at the General Debate of the 75th Session of the United Nations (UN) General Assembly. Embassy of the People's Republic of China in the United States of America. 2020. <https://www.mfa.gov.cn/ce/ceus/eng/zgyw/t1817766.htm> (accessed:19.08.2022).
7. How is the UN supporting China's Sustainable Development Goals and how are business leaders adapting to meet them? Remarks by Siddharth Chatterjee, UN Resident Coordinator in China, at the Indian Association Business Council (IABC) Leadership Talk Series. United Nations (China). 2022. <https://china.un.org/en/186633-how-un-supporting-chinas-sustainable-development-goals-and-how-are-business-leaders-adapting> (accessed:19.08.2022).
8. The Vision and Actions to promote the Joint Construction of the Silk Road Economic Belt and the 21st Century Maritime Silk Road. Ministry of Commerce of The People's Republic of China. 2015. <http://zhhs.mofcom.gov.cn/article/xxfb/201503/20150300926644.shtml> (accessed:19.08.2022). (In Chin).
9. What is CSR? United Nations Industrial Development Organization. <https://www.unido.org/our-focus/advancing-economic-competitiveness/competitive-trade-capacities-and-corporate-responsibility/corporate-social-responsibility-market-integration/what-csr> (accessed:19.08.2022).
10. Du Ke, Monios J., Wang Y. Green Port Strategies in China. Green Ports: Inland and Sea-side Sustainable Transportation Strategies. 2019, Chapter 11, pp. 211-229. <https://>

- doi.org/10.1016/B978-0-12-814054-3.00011-6 (accessed:19.08.2022).
11. Environmental impacts of ports. OECD. 2011. <https://www.oecd.org/greengrowth/greening-transport/environmental-impacts-of-ports.htm> (accessed:19.08.2022).
 12. Marine Environment Protection Committee (MEPC). International Maritime Organization (IMO). <https://www.imo.org/en/MediaCentre/MeetingSummaries/Pages/MEPC-default.aspx> (accessed:19.08.2022).
 13. Social responsibility management system requirements and usage guidelines. National Public Service Platform for Standards Information. 2019. <https://std.samr.gov.cn/gb/search/gbDetailed?id=760906FE0208FE2DE05397BE0A0A757D> (accessed:19.08.2022). (In Chin).
 14. Social responsibility management system requirements and usage guidelines. State Administration of Market Supervision and Administration. National Standardization Administration. Yuanchuangli documents. 2020. <https://max.book118.com/html/2021/0118/5300204100003112.shtm> (accessed:19.08.2022). (In Chin).
 15. Regulations on Port Operation and Management (Order of the Ministry of Transport No. 21 of 2020). Ministry of Transport of The People's Republic of China. 2020. http://www.yyx.gov.cn/37584/38154/38157/38160/38218/38219/40221/content_1781146.html (accessed:19.08.2022). (In China).
 16. Law 33/2010, On 5 August, Modification of The Law 48/2003, Of 26 November, Economic Regime And Provision Of Services In The Ports Of General Interest. Global Regulation. 2010. <https://www.global-regulation.com/translation/spain/1439596/law-33-2010%252c-on-5-august%252c-modification-of-the-law-48-2003%252c-of-26-november%252c-economic-regime-and-provision-of-services-in-the-ports-of-general-i.html> (accessed:19.08.2022).
 17. Boza J., González M.M. Port authority Corporate Social Responsibility (CSR) and perceptions of entrepreneurs and port enterprises. Cooperativism and Development. 2017. Vol. 25 (111). https://www.researchgate.net/publication/332327584_Port_authority_corporate_social_responsibility_CSR_and_perceptions_of_entrepreneurs_and_port_enterprises (accessed:19.08.2022).
 18. Williamson N., Stampe-Knippel A., Weber T. Corporate Social Responsibility National Public Policies in the European Union. Compendium 2014. European Commission Directorate-General for Employment, Social Affairs and Inclusion Unit C.1. <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/corporate-social-responsibility-national-public-policies-european-union-compendium-2014> (accessed:19.08.2022).
 19. About Green Ship of the Future. Green Ship of the Future. <https://greenship.org/about/> (accessed:19.08.2022).

20. Executive Summary. Corporate social responsibility (CSR) and its implementation into EU Company law. Policy Department for Citizens' Rights and Constitutional Affairs Directorate-General for Internal Policies. 2020, PE 658.541. [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/658541/IPOL_STU\(2020\)658541\(SUM01\)_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/658541/IPOL_STU(2020)658541(SUM01)_EN.pdf) (accessed:19.08.2022).

Сведения об авторах

Сячин Валерий Геннадьевич,

Магистрант 1-ого курса обучения
Факультет экономических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)
109028, г. Москва, Покровский бульвар, д. 11
spartak-t@mail.ru

Эпштейн Виталий Анатольевич,

Научный руководитель, канд. социолог. наук, доцент
Кафедра мировой экономики и международных отношений, Институт бизнеса и делового администрирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС, Москва).
119571, Москва, проспект Вернадского, 82, стр.1, Россия.
epshteinv@gmail.com

Information about the authors

Valeriy Syachin

1st year master

Faculty of Economic Sciences, National Research University Higher School of Economics (HSE University)
109028, Moscow, Pokrovsky Boulevard, 11
spartak-t@mail.ru

Vitaly Epshteyn,

Ph.D. in Sociology, Associate Professor
International Relations department, Institute of Business Studies (IBS-Moscow), Russian presidential academy of national economy and public administration (RANEPA, Moscow)
119571, Moscow, prospect Vernadskogo, 82, str.1, Russia
epshteinv@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.01.2023

Одобрена после рецензирования: 10.02.2023

Принята к публикации: 15.03.2023

Information about the article

The article was submitted: 25.01.2023

Approved after reviewing: 10.01.2023

Accepted for publication: 15.03.2023

**Borrowing the experience of the development
of domestic tourism in the PRC: a comparative analysis
of Gubei and Mandroga**
**Заимствование опыта развития внутреннего туризма в КНР:
сравнительный анализ Губэй и Мандроги**

**Веселова Людмила Сергеевна¹,
Дубинец Анна Сергеевна¹**

¹ Национальный Исследовательский
Университет Высшая Школа Экономики, Санкт-
Петербург, Россия
Автор, ответственный за переписку:
lveselova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1602-0247>

**Liudmila S. Veselova ¹,
Anna S. Dubinets ¹**

¹ National Research University Higher School of
Economics, St. Petersburg, Russia
Corresponding author: lveselova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1602-0247>

УДК 338.48 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/10.24412/2686-9675-1-2023-143-157](https://doi.org/10.24412/10.24412/2686-9675-1-2023-143-157)

АННОТАЦИЯ

Пандемия коронавируса дала большой толчок для развития внутреннего туризма в Китае. Жители КНР, лишившись возможности выехать из страны, начали еще более активно посещать достопримечательности Китая. Все это стимулировало развитие индустрии туризма, и в Китае стали активно появляться так называемые «старинные городки» — поселения, полностью копирующие исторический облик китайских городов, но не имеющие реальной исторической ценности. Самым ярким примером такого городка является г. Губэй в Пекине. В России в связи с эпидемией коронавируса, а также санкциями наблюдается небывалый рост спроса на внутренний туризм. Например, в сентября 2022 г. В связи с возросшим спросом РЖД запустила 300 дополнительных рейсов на юг в такие направления как: в Адлер, Сочи, Анапу, Новороссийск, Лазаревское, Минеральные Воды и Кисловодск (РЖД запускают 2022).

ABSTRACT

The COVID-19 pandemic has given an even greater impetus to the development of domestic tourism in China. Residents of China lost the opportunity to leave the country, began to visit the sights inside China even more actively. All this stimulated development of the tourism industry and so-called “old towns” began to actively appear in China - settlements that completely copy the historical appearance of Chinese cities, but do not have real historical value. The most striking example of such a town is the city of Gubei not far from Beijing. In Russia because of COVID-19 pandemic restrictions, as well as sanctions in recent years, there has also been an increase in demand for domestic tourism. The purpose of this article is to identify the features of the model of the city of Gubei and the possibility of their adaptation in the framework of the development of Russian domestic tourism. Based on the analysis of official documents, scientific articles, statistical data and

Целью данной статьи является выявление особенностей модели г. Губэй и возможности их адаптации в рамках развития российского внутреннего туризма. На основе анализа официальных документов, научных статей, статистических данных и результатов интервью в статье анализируются особенности возможности заимствования опыта г. Губэй для развития российского внутреннего туризма. В статье проводится сравнительный анализ российского проекта деревни Мандроги и г. Губэй с целью выявить возможность для адаптации китайского опыта и успешного копирования некоторых элементов модели г. Губэй, которое может стимулировать развитие регионального туризма в малых городах и деревнях России. В процессе исследования авторы пришли к выводу, что в России возможно использование китайских стратегий, но только при условии реставрации реальных исторических объектов, а не на основе строительства псевдоисторических комплексов.

Ключевые слова: Китай, туризм, внутренний туризм, Губэй, туризм в КНР

Для цитирования: Веселова Л.С., Дубинец А.С. Заимствование опыта развития внутреннего туризма в КНР: сравнительный анализ Губэй и Мандроги. *Современные востоковедческие исследования*. 2023; Том 5 (1). <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2023-143-157>

В последнее десятилетие экономическое развитие деревень и малых городов Китая активно поддерживается государством. В 2016 г. Министерство жилищного строительства в городской и сельской местности КНР выпустило «Извещение о проведении мероприятий по развитию малых городов с отраслевой специализацией» (Извещение о проведении 2016). Согласно документу, Министерство поставило цель к 2020 г. провести работу по развитию более тысячи малых городов с различными специализациями — рекреационный туризм, производство, образование, наука, традиционная культура и т. д. К этому времени, в КНР уже существовало

interview results, the article analyzes the features of the possibility of borrowing the experience of the city of Gubei for the development of Russian domestic tourism. The article provides a comparative analysis of the Russian project of the village of Mandrogi and the city of Gubei in order to identify the possibility for adapting the Chinese experience and successfully copying some elements of the Gubei city model, which can stimulate the development of regional tourism in small towns and villages in Russia. During the research authors came to the conclusion that in Russia it is possible to use Chinese strategies, but only if real historical objects are restored, and not based on the construction of pseudo-historical complexes.

Keywords: China, tourism, domestic tourism in China, Gubei city, tourism in China

For citation: Veselova L. S., Dubinets A. S. Borrowing the experience of the development of domestic tourism in the PRC: a comparative analysis of Gubei and Mandroga. *Modern Oriental Studies*. 2023; Volume 5 (1). (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2023-143-157>

цией» (Извещение о проведении 2016). Согласно документу, Министерство поставило цель к 2020 г. провести работу по развитию более тысячи малых городов с различными специализациями — рекреационный туризм, производство, образование, наука, традиционная культура и т. д. К этому времени, в КНР уже существовало

несколько удачных запусков проектов развития хозяйственной специализации, и одним из самых известных является водяной городок Губэй. Уникальным оказался подход к строительству города: поселение было построено с нуля и полностью копировало историческую культуру Китая.

В России концепции «музея под открытым небом» получили распространение в более скромных масштабах. На территории РФ находится несколько десятков музеев, демонстрирующих посетителям архитектуру, обычаи и нравы местных народов, однако на данный момент ни один из них не может соревноваться с Губэем по степени популярности среди туристов. Из-за запрета на посещение иностранных государств в связи с пандемией COVID-19 и западными экономическими санкциями, многие российские туристы заново обратились к богатым туристическим ресурсам России и начали более активно путешествовать по стране, что обнажило проблему неразвитости туристической инфраструктуры, а иногда и неготовности регионов принимать потоки туристов. В 2021 г. в РФ на 8–10% выросло количество возвратных туристов, а по некоторым направлениям, (например, Крым) прирост составил 30% (В АТОР подвели, 2021).

В настоящее время государство и частные лица стремятся принять меры по привлечению капитала в развитие туристической инфраструктуры, а перед многими региональными правительствами и владельцами парков, музеев, заповедников встает вопрос о вариантах увеличения туристических потоков. Одним из способов решения данного вопроса может

стать заимствование успешного китайского опыта строительства г. Губэй или же трансформация китайских моделей с учетом российских реалий. Актуальность выбранной темы для статьи определяется сложившимися предпосылками для внедрения инновационных идей в сферу внутреннего туризма и возможностью оценить успешность данных идей на примере Китая. Авторы статьи использовали качественные методы исследования, в том числе метод анализа официальных документов, статистических данных и научных статей, контент-анализ отзывов китайских и российских туристов о посещении двух схожих достопримечательностей — города Губэй, и деревни Мандроги. Также для изучения российских моделей развития внутреннего туризма был использован метод интервью, а именно интервью с директором ремесленной слободы туристического комплекса деревня Мандроги.

Тематика музеев под открытым небом и иммерсивного туризма активно разрабатывается в научной литературе с начала XXI в. Европейские исследователи Руланд Паардекупер и Аннемари Потаар в своих работах исследуют историю развития музеев под открытым небом, категоризируют типы таких туристических объектов и обосновывают ведущую роль музеев под открытым небом в стратегии развития туризма во время пандемии COVID-19. Российские исследователи Горошко Н. В., Шмакова Г. В., Тихонов В. В. продолжают расширять границы исследований и фокусируются на вопросах трансформации концепции музейного дела, а также поднимают вопросы о проблемах, с которыми музеи под открытым небом

сталкиваются в России. Особенно важный аспект финансирования и развития фондовой деятельности рассматривается в работе Прониной С. А. и Кимеевой Т. И. «Методика фондовой деятельности в этнографических музеях под открытым небом». Не менее актуальную проблему трансформации социокультурных функций музея от статичных экспозиций к «иммерсивности» исследует Саенко Н. Р. в статье «Современные трансформации идеи музея под открытым небом».

Китайские исследователи в меньшей степени занимаются исследованиями музеев под открытым небом, однако уделяют особое внимание созданию «старинных городков» (*кит. гучжэнь* 古镇), в частности, Губэй. Чжоу Хун в своем исследовании приводит глубокий анализ финансовой составляющей проекта Губэй и анализирует кейс данного города как один из успешных примеров коллаборации между правительством и частными предпринимателями. Кроме того, Чжуан Синьянь в своей статье «Исследование применения модели государственного-частного партнерства в малых городах с туристической специализацией на основе кейса г. Губэй» также обосновывает важность строительства малых городов с туристической специализацией для урбанизации, трансформации и модернизации внутреннего туризма. Ван Тин и Лю Вэньхуа подтверждают подобные выводы, однако, рассматривают как положительные, так и отрицательные тенденции развития г. Губэй и предлагают контрмеры для повышения доходности проекта. Ван Гуанъянь в свою очередь обосновывает значимость «достоверной» реконструкции старинных поселений

в Китае, основывая исследования на удачных и неудачных опытах реконструкции строений в деревнях. В то же время указанные выше авторы не проводили сравнительных исследований туристической отрасли КНР и РФ, а также не анализировали возможность перенятия опыта КНР в области внутреннего туризма.

Феномен возникновения «старинных городков» в современном Китае: кейс г. Губэй

Современный Китай — это страна, богатая своими туристическими ресурсами. С 2013 по 2020 г. в Китае было построено 43 200 км железнодорожных путей и 841 900 км автодорог. Благодаря развитию инфраструктуры и путей сообщения внутренний туризм стал еще более доступен китайцам из всех провинций. По данным национального бюро статистики Китая объем внутреннего туризма в КНР увеличился больше чем в два раза с 2010 по 2019 г. — с 2,1 млрд до 6,6 млрд человеко-раз (Статистический ежегодник КНР 2021). Китай является лидером в сфере внутреннего туризма не только потому, что большое количество местных жителей ежегодно путешествует внутри страны, но и потому что власти КНР, создавая новые достопримечательности, могут удерживать туристический поток внутри страны, обеспечивая приток финансовых средств во внутренний туризм, а не за границу. Даже до пандемии COVID-19 за первые 10 месяце в 2018 г. свыше 200 природных и культурных достопримечательностей КНР были понижены в национальном рейтинге туристического качества в связи с низким качеством управления, предоставлением некачественных услуг или

отрицательным экологическим влиянием (Стародубцева Н.С. 2019, 122).

В последние годы все большую популярность среди китайских туристов получили псевдостаринные городки, делающие акцент на традиционной культуре и архитектуре императорского Китая. К настоящему времени в русскоязычной китаеведческой научной среде отсутствует определение данного термина, поэтому в данной статье авторы предлагают собственную формулировку. Под «старинными городками» подразумеваются туристические центры, построенные в КНР в XXI в. по подобию традиционной китайской застройки, частично или полностью копирующие архитектуру и городскую планировку старинных китайских городов. В основном, «старинные городки» делают акцент на иммерсивном туризме – т. е., позволяющем ощутить эффект присутствия и погрузиться в искусственно созданные условия. Сами «старинные городки» не являются частью культурного наследия Китая и не имеют никакой исторической ценности, но в то же время на протяжении последних лет им уделяется большое внимание со стороны общественности.

Можно выделить несколько причин популярности такого рода достопримечательностей. Китайская туристическая онлайн-компания Strip приводит следующие причины:

- транспортная доступность
- необычные впечатления от местной культуры и возможность полностью погрузиться в атмосферу путешествия
- расположение на открытом воздухе (Почему путешествия в «старинные городки» 2021)

В данной статье был выбран кейс «старинного городка» Губэй, так как он является одним из самых ярких примеров развития туристических городков в Китае. 18 ноября 2020 г. Пекинское муниципальное бюро культуры и туризма оценило Губэй как одну из лучших культурных достопримечательностей Пекина, популярных благодаря трендам в Интернете. По словам организаторов премии, такие места помогают «создавать новые ориентиры для посещения популярных в Интернете мест, чтобы удовлетворить потребности молодежи» (Опубликован первый список 2020). Водный городок Губэй расположен в городе Губэйкоу района Миюнь в Пекине, рядом с участком Великой Китайской стены Сыматай. Особенностью географического положения городка является близость к известным достопримечательностям и расположение на так называемой «золотой туристической магистрали» Пекин-Чэндэ. Общая площадь города составляет 9 квадратных километров. Открывшись в 2014 г., Губэй объединил в себе несколько видов проведения досуга для любой аудитории, делая ставку на иммерсивный туризм, шоппинг и дегустацию местных блюд. Архитектура города копирует урбанистический стиль времен династий Мин и Цин. Что важно, при строительстве комплекса руководство придерживалось принципа «при реставрации — сохранять прежний вид, при строительстве — копировать старину». Таким образом, Губэй выглядит не как искусственно построенный современный город, а благодаря различным деталям напоминает настоящий старинный городок, сохранившийся в первоизданном виде. В данном случае архитекторам

и строителям удалось избежать частой проблемы, которую китайский исследователь Ван Гуанянь описывает как «игнорирование традиционной истории и культуры, региональных особенностей и национальных особенности; «преклонение перед иностранным» и слепой поиск нового» (Ван Гуанянь 2014, 135). Согласно типологии музеев под открытым небом, предложенной Руландом Паардекупером, г. Губэй наиболее близок к типу тематического парка — «коммерческому предприятию, стремящемуся создать атмосферу другого времени и места». По своей сути такие парки мало связаны с реальными археологическими находками, однако они позволяют посетителям одновременно ознакомиться с историческим контекстом и уделить время развлечениям (Paardekooper R. 2013, 60).

Важно подчеркнуть финансовую составляющую данного проекта. Согласно исследованию китайского экономиста Чжоу Хуна, инвестиции в строительство кластера поступают как от частных инвесторов и крупных компаний, так и от местного правительства, что позволяет Губэю наращивать свой потенциал в экономическом плане. Общий объем инвестиций в проект городка составил 4 млрд юаней. Что касается негосударственных вложений, в июле 2010 года корпорация CYTS учредила дочернюю компанию Beijing Gubei Water Town Tourism Co., Ltd. с уставным капиталом в 210 миллионов юаней, которая и стала ответственной за строительство Губэя. Что касается государственной поддержки, в рамках 12-й пятилетки Пекина развитие города Губэй в качестве ключевого туристического строительного про-

екта получило помощь со стороны местного правительства. В дополнение к субсидии на капитальное строительство в размере 41 млн юаней от правительства уезда Миюнь в 2012 году, компания также получила поддержку местного правительства в сферах дорожного транспорта, гидроэнергетики и отопления. (Чжоу Хун 2017, 44).

Несмотря на то, что Губэй столкнулся с глобальной проблемой в лице туристических ограничений из-за пандемии COVID-19, благодаря непрерывающейся деятельности, Губэй стал центром внимания основных СМИ и социальных платформ и завоевал множество наград, таких как «Образец корпоративной социальной ответственности Китая 2020 г.» и «Влияние бренда культурного туризма в Китае в 2020 г.» за выдающийся вклад в области социальной ответственности (CYTS и г. Губэй получили награду 2021). Также Губэй развивается и в онлайн-пространстве, расширяя сферы маркетингового сотрудничества в Интернете и организывает многочисленные онлайн-экскурсии и прямые эфиры.

Одним из значительных преимуществ Губэя по сравнению с другими «старинными городками» является значительная популярность в Интернете. Официальные аккаунты Губэя представлены на многих популярных китайских интернет-платформах, таких как Weibo (68 000 подписчиков), Douyin (12 900 подписчиков), WeChat и Xiaohongshu. Губэй стал популярным в Интернете также благодаря многочисленным публикациям туристов в соцсетях. Например, самые популярные видео о г. Губэй в приложении Douyin собрали 224 000 и 166 000 лайков соответственно, подобные

высокие показатели наблюдаются и в Weibo и Xiaohongshu. Таким образом, популярность г. Губэй в соцсетях основана на принципах «партизанского маркетинга», когда используют неожиданные и творческие тактики для достижения своей цели, т.е. информация воспринимается как некоммерческая (Dinh T.D., Mai K.N. 2015, 4-8).

Ранее были указывали причины популярности «старинных городков», в случае с г. Губэй достопримечательность совмещает все указанные факторы:

- удачное расположение природных и исторических достопримечательностей (близость к Великой Китайской стене и живописному озеру Юаньян).
- Превосходные условия для приема туристов.
- Современная инфраструктура для развития выставочного туризма. В настоящее время в водном городке построен мультифункциональный конференц-центр Губэй Чжигуан (Чжун Чэньсин, Ли Вэйху 2019, 56).

Авторами был проведен анализ 100 отзывов о посещении Губэя, выбранных случайным образом и оставленных на сайте www.dianping.com (“大众点评”), являющимся одним из самых крупных китайских агрегаторов отзывов. В ходе анализа в содержании каждого отзыва были подсчитаны упоминания о каждом положительном аспекте, упомянутом автором отзыва, по итогу была составлена таблица с ключевыми характеристиками туризма в Губэе и количеством их появления во всех отзывах.

Средняя оценка посетителей составляет 5.0 баллов из 5.0, что является одним из самых высоких результатов на платформе. Самое глубокое впечатление на посетителей произвели уникальная атмосфера старинного города и необычные пейзажи. В своих отзывах туристы восхищаются красотой ночного города и удивительными видами Великой Китайской стены. Также многие гости остались довольны местными блюдами и вечерними шоу. Посетители также оценили удобную транспортную систему, позволяющую меньше чем за два часа доехать до Губэя на поезде или собственном автомобиле. Отдельного упоминания также заслуживает то, что в отзывах многих туристов упоминалось словосочетание «посещение мест, популярных в интернете». Многие из достопримечательностей Губэя стали популярны именно благодаря трендам в китайском Интернете и постам блогеров в соцсетях. В то же время, лишь 1/5 гостей отметили спокойный отдых как один из плюсов Губэя. Большое количество отзывов в качестве негативной реакции содержат упоминание таких слов, как «толпы», «слишком много людей», «многолюдно».

Туристическая модель музея под открытым небом в России: кейс деревни Мандроги

По данным консалтинговой компании KPMG, пандемия COVID-19 и последовавшие за ней кризисные тенденции задали новые туристические тренды. Изменились и интересы российских туристов: 35% россиян склоняются в сторону путешествий по регионам, менее пострадавшим от пандемии, 27% чаще выбирают небольшие уединенные отели. А переориен-

тация на внутренний туризм среди туроператоров и самих туристов сопровождается разработкой новых предложений — маршрутов, комплексных авторских туров (Влияние пандемии COVID-19 2020). В связи с данными трендами и ограничениями на международный туризм, вызванными западными экономическими санкциями, набирают популярность и региональные этнографические музеи под открытым небом.

Тенденция создавать музеи, собирая в одном месте привезенные здания, продолжает существовать и сейчас. На данный момент в России находится около 20 подобных музеев, демонстрирующих быт и архитектуру местных народов, где строения и предметы быта и интерьера из разных селений группируются в отдельные усадьбы соответственно планировочным и бытовым традициям (Горошко Н. В., Шмакова Г. В. 2014, 284). В отличие от «старинных городков» Китая, строящихся с нуля, все ныне существующие российские музей-деревни имеют большую историческую ценность, а некоторые, как Кижи, даже входят в состав Всемирного наследия ЮНЕСКО. Таким образом, в музейной практике уже более ста лет происходят трансформации музейного пространства и социокультурных функций музея, где приходит эпоха интерактивности.

В настоящее время большинство из существующих музеев под открытым небом финансируются в основном из федерального бюджета. К примеру, музей-заповедник Кижи реализует концепцию развития на период 2017–2027 гг. стоимостью около 2,6 миллиарда рублей, большая часть из которых идет из федерального бюджета и собственной прибыли объекта,

в то время как близлежащая инфраструктура (кафе, заправочные станции, кемпинги и т. д.) развивается за счет частных инвестиционных проектов (Концепция развития музея-заповедника «Кижи» в 2017–2027 гг.).

Из всех существующих в России музеев под открытым небом и этнопарков особенно выделяется деревня Мандроги — открытый в 1998 г. туристический комплекс, расположенный на берегу реки Свирь в Ленинградской области, в 270 км от Санкт-Петербурга. Особенностью деревни является погружение в мир традиционного русского зодчества, быта и культуры, именно с этой целью на территории деревни располагаются как отреставрированные, перевезенные из других регионов строения, так и построенные с нуля терема, несколько музеев и традиционных мастерских. Основной особенностью деревни является полное погружение в жизнь традиционной русской села: туристы могут на день отказаться от мобильных телефонов и электричества, следуя дневному расписанию крестьян XIX в., также могут поучаствовать в разнообразных мастер-классах, начиная от стеклоделия и заканчивая плетением из бересты и кожи.

Для анализа причин популярности данной достопримечательности среди российских туристов был проведен анализ 100 отзывов о посещении Мандрог, выбранных случайным образом и оставленных на сайте www.tripadvisor.ru. В ходе анализа в содержании каждого отзыва были проанализированы характеристики Мандрог, упомянутые автором отзыва. Россияне чаще всего отмечали аутентичную атмосферу русской деревни, вкусные местные

блюда, красивые природные пейзажи и необычные мастер-классы. На сайте Tripadvisor многие отзывы содержат в себе негативное мнение. Из 100 рецензий в 57 содержалось недовольство завышенными ценами на сувенирную продукцию и продукты питания; многие из отзывов содержали в себе такие выражения, как «заоблачные цены», «слишком пафосный». Многие посетители также остались недовольны неудобным графиком работы магазинов и ремесленных лавок, несодержательными экскурсиями, плохим состоянием дороги на подъезде к деревне; часть гостей отметила, что деревня в основном ориентирована на иностранных туристов. Подобные объекты, как Мандроги, особенно интересны иностранцам, которые и составляли большую часть туристов до пандемии COVID-19.

Сравнительный анализ туристических проектов в Китае и России на примере г. Губэй и деревни Мандроги

Согласно классификации музеев под открытым небом, как и Губэй, Мандроги можно отнести к тематическим паркам (по Паардекуперу) или же к этнопаркам — музейным комплексам, моделирующим историческую среду за счет новоделов на историческом месте (Тихонов 2013, 17). В целом, концепция близка к модели Губэй, что позволяет нам сравнить два объекта и сделать вывод о том, насколько перспективным будет дальнейшее развитие подобных туристических объектов в РФ.

Финансирование

Финансирование Губэй в основном осуществляется посредством инвестиций частных компаний, однако местное правительство также является одним из стейкхолдеров. Деревня Мандроги же является полностью коммерческим проектом, не получающим поддержку от государства. Независимость от регионального бюджета позволяет комплексу самостоятельно развиваться, ориентируясь только на клиентов и их потребности. Однако из-за отсутствия поддержки со стороны местных властей на начальном этапе строительства музея было сложно договориться с дорожными службами о строительстве дороги до комплекса, так как подобный проект не мог быть реализован за счет ресурсов самих Мандрог. Строительство данного участка дороги явилось единственным видом помощи от региональной администрации, деньги на строительство дороги поступили из местного бюджета (Интервью с Гурьевой М.А. 2022).

Расположение

В отличие от Губэй, местоположение которого удобно для туристов, приезжающих как на поездах, так и на автомобилях, транспортная доступность деревни Мандроги значительно уступает китайскому «коллеге». До деревни не ходит общественный транспорт (можно заказать такси или трансфер от ближайших городов — Лодейного Поля или Свири), вблизи нет ж/д станций. Дорога от Санкт-Петербурга является относительно длинной — 260 километров по шоссе, а затем 9 километров по грунтовой дороге. До деревни также можно добраться на пароме и вертолете, однако первый вид

транспорта рассчитан на летние круизы, а второй доступен лишь ограниченному числу посетителей. Таким образом, удаленность деревни предполагает, что туристы будут готовы провести в деревне более трех-четырех дней с учетом долгой дороги до комплекса. В частности, данная особенность проявилась в первый год пандемии COVID-19, когда многие туристы, прибывающие в Мандроги, оставались там на несколько недель, избегая высокого уровня заражения вирусом в городах. Тем не менее, удаленность деревни от города в данном случае является и положительным фактором, так как многие туристы, приезжающие в Мандроги, больше всего ценят уединение и близость к природе (Интервью с Гурьевой М.А. 2022). Кроме того, данное место было выбрано неслучайно. Создатели комплекса хотели строить новую деревню именно там, где раньше уже исторически существовало поселение. После изучения различных архивов было решено остановиться на деревне Верхние Мандроги, о которой сохранилось большое количество информации, а близость к крупному населенному пункту (Лодейное Поле) подразумевала более удобную логистику по сравнению с другими деревнями.

Ценовая категория

Стоимость двухместного проживания в Мандрогах составляет от 4 900 руб. за ночь с включенным завтраком, в Губэе — от 4 617 руб. (540 юаней) с включенным завтраком (по данным официальных сайтов, учитывая курс

китайского юаня в рублях по ЦБ РФ¹). Все дополнительные развлечения в Губэе являются бесплатными, однако за вход на территорию необходимо заплатить 798 руб. с человека и еще 228 руб. за подъем на Великую Китайскую стену. В Мандрогах вход в деревню является свободным, но все развлечения (мастер-классы, экскурсии и т. д.) стоят от 1000 до 3000 руб. на человека. Согласно ценам на официальных сайтах и отзывам посетителей, в среднем в день и в Губэе, и в Мандрогах придется заплатить 3000 руб. в день за три приема пищи. Таким образом, посещение Мандрог обойдется одному туристу минимум в 10 000 руб. за сутки с проживанием, посещение Губэя — минимум 8 000 руб. за сутки с проживанием без учета трансфера.

В среднем, посещение Губэя обходится гостям дешевле, по сравнению с Мандрогами. Мнение о стоимости услуг в Мандрогах отражается и в отзывах посетителей. Так, на одном из самых крупных агрегаторов отзывов в России Tripadvisor большинство негативных отзывов описывают именно наличие завышенных цен на услуги. Однако необходимо отметить, что все товары и услуги, которые можно приобрести в Мандрогах, нельзя причислить к разряду «масс-маркета». Из-за того, что все сувениры, которые можно приобрести у мастеров, создаются вручную, цена на всю продукцию растет. Именно поэтому важно учитывать тот факт, что Мандроги, в отличие от Губэя, не рассчитаны на постоянный крупный поток туристов, требующий более масштабного производства.

¹ Данный курс (8,55 юаней за 1 рубль) актуален на 19.09.2022 по данным Центрального Банка РФ

Именно с этим и связаны различия в ценовых категориях двух комплексов.

Продвижение в социальных сетях

Помимо официального сайта www.mandrog.ru, официальные аккаунты Мандрог представлены в нескольких социальных сетях, в том числе в ВКонтакте (5000 подписчиков). Страница активно ведется SMM-менеджером и имеет большое количество активных пользователей. Что касается упоминаний в соцсетях, в сети ВКонтакте находится около 500 постов с более чем 100 лайками, посвященных отдыху в Мандрогах. Таким образом, метод «вирусного маркетинга» работает и в кейсе Мандрог. В сочетании с грамотным SMM, посты посетителей в социальных сетях получают значительный охват аудитории, что способствует продвижению туристического объекта в онлайн-пространстве. Данную информацию подтвердила и директор ремесленной слободы Мандрог, Гурьева Мария Александровна, работающая в комплексе уже более двадцати лет. По ее словам, на данный момент музей полностью отказался от рекламных кампаний, большинство гостей узнает о Мандрогах благодаря «вирусным» постам в социальных сетях или рассказам знакомых о поездке (Интервью с Гурьевой М.А. 2022).

Что привлекает туристов

В рамках анализа было установлено, что интересы китайских и российских посетителей практически полностью совпадают. Единственным значительным отличием от большинства отзывов о Губэе является то, что большое коли-

чество посетителей Мандрог рекомендуют посещение комплекса вместе с детьми, в то время как отдых в Губэе более предпочитают компании друзей или незамужние пары.

Заключение

Говоря о перспективах заимствования модели Губэя в рамках развития внутреннего туризма в РФ, можно утверждать, что адаптация китайского опыта возможна при следующих условиях:

- целесообразнее не создавать новые проекты по подобию Губэя, а расширять существующие туристические комплексы, которые уже имеют определенную степень известности и опыт работы в своей сфере. Точно так же, как Губэй сделал ставку на близость комплекса к Великой Китайской стене, развитие музеев под открытым небом в России может происходить вблизи крупных исторических памятников, имеющих отношение к этнографии и старинному зодчеству.
- в условиях ограниченного въездного туризма и западных экономических санкций, российским музеям под открытым небом важно использовать меры поддержки местных бизнесов. То, как Губэй популяризировал туризм внутри Пекина в рамках действия ограничений на выезд из столицы, можно осуществить и в России. Кроме того, важно использовать и инструменты, предлагаемые государством – например, программу туристического кэшбека, реализуемую Ростуризмом ежегодно с 2020 г. В 2021 г., по данным

Ростуризма, программой воспользовались более 1,6 млн россиян. Суммарно россияне приобрели туров и проживания в отелях с кэшбеком в 2021 году более чем на 34 млрд рублей, при этом в виде кэшбека туристам вернулось около 6,7 млрд рублей (Закрывается текущее окно 2021). Благодаря подобным проектам даже в сложные для туристического бизнеса времена можно увеличить туристический поток.

- сосредоточиться на «партизанском маркетинге», как Губэй. Создание необычных, ярких и запоминающихся инсталляций, которыми люди захотят делиться в социальных сетях, может стать одним из действенных методов рекламы.
- сотрудничество частных инвесторов и государства. Комбинация различных методов финансирования может способствовать диверсификации услуг и комплексному развитию объекта.
- русские туристы с большим удовольствием посещают достопримечательности, имеющие реальную историческую ценность, в то время как китайцы (и другие иностранцы) положительно относятся и к «новострою».

Подводя итоги статьи, можно сказать, что, адаптация опыта Губэя в России возможна не в качестве цельного, «слепого» копирования всей китайской модели, а в качестве заимствования отдельных элементов, которые можно с наибольшей вероятностью успеха применить в российских условиях. Наиболее важными критериями данной стратегии развития внутрен-

него туризма в РФ будут являться комбинированное финансирование, совершенствование существующих исторических комплексов в рамках новой стратегии, создание «вирусного» контента в рамках маркетинговой кампании и использование уникальных инструментов вовлечения и иммерсивности, доступных во время пандемии COVID-19. Интерес туристов к данному виду достопримечательностей растет с каждым годом в обоих государствах, что при должном внимании со стороны региональных властей и местной администрации может стать залогом дальнейшей успешной реализации подобной стратегии.

Список литературы

1. РЖД запускают 300 дополнительных рейсов на юг. *Национальный туристический портал Russia Travel*. <https://russia.travel/news/345710/> (дата обращения: 16.09.2022).
2. Извещение о проведении мероприятий по развитию малых городов с отраслевой специализацией Министерства жилищного строительства в городской и сельской местности КНР (住房和城乡建设部国家发展改革委财政部关于开展特色小镇培育工作的通知). *Энциклопедия Байду*, 2016. <https://clck.ru/gcYoR> (дата обращения: 08.12.2021). (на кит.яз.)
3. В АТОР подвели туристические итоги 2021 года. *Ассоциация Туроператоров*, 2021. <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/58171.html> (дата обращения: 17.09.2022)
4. Статистический ежегодник КНР 2021 (中国统计年鉴2021), 2021. www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2021/html/C16-03.jpg (дата обра-

- щения: 31.01.2022). (на кит.яз.)
5. Стародубцева Н. С. Туризм в Китае в 2017–2018 гг. *Вестник Амурского государственного университета*. Серия: Гуманитарные науки. 2019. №84.
 6. Анализ развития малых городов Китая с туристической специализацией (特色旅游古镇在我国的发展现状分析 // 园林景观规划设计研究中心)// Институт ландшафтно-го планирования и дизайна, 2020. <http://www.jkigsj.com/articles/tslygzzwgd.html> (дата обращения: 31.01.2022). (на кит.яз.)
 7. Почему путешествия в «старинные городки» становятся все более популярными? Гид называет три причины (去古镇旅游, 为何会越来越火爆? 导游给出三个原因). *Ctrip*, 2021. <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1699387558420014916&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 31.01.2022). (на кит.яз.)
 8. Опубликован первый список интернет-трендовых мест в Пекине в 2020 году (2020首届北京网红打卡地推荐榜单发布). *Пекинское муниципальное бюро культуры и туризма*, 2020. http://whlyj.beijing.gov.cn/zwgk/xwzx/gzdt/202011/t20201118_2139675.html (дата обращения: 31.01.2022). (на кит.яз.)
 9. Ван Гуанянь. Исследование исторического и культурного наследия в строительстве «нововозведенной» сельской местности — на примере древнего города на озере Вэйшань (王光炎. «新建式» 新农村建设中的历史文化遗产研究——以微山湖古镇为例). *Сельская экономика и технологии* («农村经济与科技») 201. № 25 (01) (на кит.яз.)
 10. Paardekooper R. *The Value of an Archaeological Open-Air Museum is in its Use: Under-
standing Archaeological Open-Air Museums and their Visitors*. Sidestone Press, 2013.
 11. Чжоу Хун. Кейс о финансировании Губэя, водного городка с отраслевой специализацией. (周红. 说说古北水镇特色小镇融资案例). *Международное финансирование* (国际融资), 2017. № 9. (на кит.яз.)
 12. CYTS и г. Губэй получили награду «Влияние бренда культурного туризма в Китае в 2020 году» от Жэньминь жибао (中青旅、古北水镇喜获人民日报“2020年度中国文旅品牌影响力” 大奖). *CYTS*, 2021. <https://www.163.com/dy/article/G8FE6J0S0518SNI8.html> (дата обращения: 31.01.2022). (на кит.яз.)
 13. Dinh T.D., Mai K.N. "Guerrilla marketing's effects on Gen Y's word-of-mouth intention — a mediation of credibility". *Asia Pacific Journal of Marketing and Logistics*, 2015, Vol. 28(1).
 14. Чжун Чэньсин, Ли Вэйху. Размышления о развитии выставочного туризма в г. Губэй (仲晨星,李卫红. 关于古北水镇发展会展旅游的思考). *Журнал Цицихарского педагогического колледжа* (齐齐哈尔师范高等专科学校学报), 2019. № 1. (на кит.яз.)
 15. Влияние пандемии COVID-19 на сферу туризма в РФ: текущая ситуация и перспективы восстановления. *КПМГ* (декабрь 2020 г.). <https://ru.investinrussia.com/data/files/sectors/ru-ru-tourism-in-russia-current.pdf> (дата обращения 26.03.2022).
 16. Горошко Н. В., Шмакова Г. В. Современные проблемы музеев под открытым небом и их роль в сохранении историко-культурного наследия (на примере существующих и перспективных музеев Ново-

сибирской области). *Баландинские чтения*. 2014. №2.

17. Концепция развития музея-заповедника «Киж» в 2017–2027 гг. *Музей-заповедник «Киж»*. <https://clck.ru/gcYqP> (дата обращения: 26.03.2022).
18. Тихонов В. В. Методические рекомендации по формированию и развитию этнографических музеев под открытым небом. Иркутск: Репроцентр А1, 2013
19. Гурьева М.А. Интервью в деревне Мандроги (Архив А. Дубинец). 2022.
20. Закрывается текущее окно продаж туров с кэшбеком. *Федеральное агентство по туризму*. 09.09.2021. <https://tourism.gov.ru/news/17737/> (дата обращения: 27.03.2022).

References

1. Russian Railways launch 300 additional flights to the south. *National travel portal Russia Travel*. <https://russia.travel/news/345710/> (accessed:09/16/2022). (in Russ.)
2. Ministry of Urban and Rural Housing Development Activities Notice of Industry Specialization of the Ministry of Urban and Rural Housing of the People's Republic of China. *Baidu Encyclopedia*, 2016. <https://clck.ru/gcYoR> (accessed:12/08/2021). (in Chin.)
3. ATOR summed up the tourist results of 2021. *Association of Tour Operators*, 2021 <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/58171.html> (accessed:17.09.2022) (in Russ.)
4. PRC Statistical Yearbook 2021, 2021. www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2021/html/C16-03.jpg. (in Chin.)
5. Starodubtseva N. S. Tourism in China in 2017 –2018. *Bulletin of the Amur State University. Series: Humanities*. 2019. No. 84. (in Russ.)
6. Analysis of the development of small towns in China with a tourism specialization <http://www.jkgsj.com/articles/tslygzzwgd.html> (accessed 31.01.2022). (in Chin.)
7. Why is traveling to the "old towns" becoming more and more popular? The guide names three reasons. *Ctrip*, 2021. <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1699387558420014916> (accessed: 31.01.2022). (in Chin.)
8. The first list of Internet trending places in Beijing in 2020. *Beijing Municipal Bureau of Culture and Tourism*, 2020. http://whlyj.beijing.gov.cn/zwggk/xwzx/gzdt/202011/t20201118_2139675.html (accessed 01/31/2022). (in Chin.)
9. Wang Guangyan. The study of historical and cultural heritage in the construction of the "newly built" countryside - on the example of the ancient city on Lake Weishan. *Rural Economy and Technology*, 2014 (in Chin.)
10. Paardekooper R. The Value of an Archaeological Open-Air Museum is in its Use: Understanding Archaeological Open-Air Museums and their Visitors. *Sidestone Press*, 2013.
11. Zhou Hong. Case on financing Gubei, a water town with industry specialization). *International financing*, 2017. № 9 (in Chin.)
12. CYTS and Gubei City Receive 2020 China Cultural Tourism Brand Impact Award from People's Daily. *CYTS* (April 25, 2021)). <https://www.163.com/dy/article/G8FE6J0S0518SNI8.html> (accessed 01/31/2022). (in Chin.)

13. Dinh T.D., Mai K.N. "Guerrilla marketing's effects on Gen Y's word-of-mouth intention – a mediation of credibility". *Asia Pacific Journal of Marketing and Logistics*. 2015. Vol. 28(1).
14. Zhong Chenxing, Li Weih. Reflections on the development of exhibition tourism in Gubei). *Qiqihar Teachers College Newspaper*, 2019. (in Chin.)
15. Impact of the COVID-19 pandemic on tourism in the Russian Federation: current situation and recovery prospects. *KPMG* (December 2020). <https://ru.investinrussia.com/data/files/sectors/ru-ru-tourism-in-russia-current.pdf> (accessed 26.03.2022).
16. Goroshko N. V., Shmakova G. V. Modern problems of open-air museums and their role in the preservation of historical and cultural heritage (on the example of existing and prospective museums in the Novosibirsk region). *Balandinsky Readings*. 2014. No. 2. (in Rus.)
17. Concept for the development of the Kizhi Museum-Reserve in 2017–2027. *Museum-reserve "Kizhi"*. <https://clck.ru/gcYqP> (accessed: 26.03.2022). (in Rus.)
18. Tikhonov V.V. *Guidelines for the formation and development of open-air ethnographic museums*. Irkutsk: Reprocentre A1, 2013 (in Rus.)
19. Guryeva M.A. Interview in village Mandrogi (Archive of A. Dubinets). 2022. (in Russ.)
20. The current window for sales of tours with cashback is closing. *Federal Agency for Tourism*. 09.09.2021. <https://tourism.gov.ru/news/17737/> (accessed:03/27/2022). (in Rus.)

Сведения об авторах

Веселова Людмила Сергеевна,

к.и.н., доцент

НИУ «Высшая школа Экономики», Санкт-Петербург, Россия

Адрес: наб. канала Грибоедова, 123, лит. А, Санкт-Петербург, 190068

lveselova@hse.ru

Дубинец Анна Сергеевна,

Студентка 5 курса ОП «Востоковедение»

НИУ «Высшая школа Экономики», Санкт-Петербург, Россия

Адрес: наб. канала Грибоедова, 123, лит. А, Санкт-Петербург, 190068

asdubinets@edu.hse.ru

Information about the authors

Liudmila S. Veselova

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

HSE University, St. Petersburg, Russia

lveselova@hse.ru

Anna S. Dubinets

BA student

HSE University, St. Petersburg, Russia

asdubinets@edu.hse.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.01.2023

Одобрена после рецензирования: 10.02.2023

Принята к публикации: 15.03.2023

Information about the article

The article was submitted: 25.01.2023

Approved after reviewing: 10.01.2023

Accepted for publication: 15.03.2023

On the formation of a mechanism to counter shadow economic relations in China

О формировании механизма противодействия теневым экономическим отношениям в Китае

Николаевский Дмитрий Дмитриевич

Московский государственный лингвистический
университет, Москва, Россия
d.d.nikolaevskiy@gmail.com

Dmitry D. Nikolaevskiy

Moscow State Linguistic University
Moscow, Russia
d.d.nikolaevskiy@gmail.com

УДК 338.14; 94 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-1-2023-158-169](https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2023-158-169)

АННОТАЦИЯ

Теневая экономика получила распространение во всех государствах мира, и Китай не исключение. Особое распространение в Китае получили коррупция, теневой банкинг, контрабанда и производство контрафактной продукции. Правительство КНР принимает жесткие меры профилактики теневой экономической деятельности, и у данной политики властей имеются первые результаты, однако институциональная база по-прежнему недостаточно совершенна и требует пристального внимания со стороны законодательных органов. Цель исследования состоит в выявлении и обосновании ключевых направлений борьбы КНР с теневой экономикой. Научная новизна заключается в определении подходов китайских властей к контролю теневой экономики, а также в качественном обосновании направлений совершенствования институциональной

ABSTRACT

The shadow economy has spread to all countries of the world, and China is no exception. Corruption, shadow banking, smuggling and the production of counterfeit products are especially widespread in China. The PRC government is taking severe measures to prevent shadow economic activity, and this policy of the authorities has significant results, but the institutional framework is not perfect enough and requires close attention of the legislature. The purpose of the article is to identify and substantiate the key areas of the PRC's struggle against the shadow economy. The scientific novelty lies in determining the approaches of the Chinese authorities to controlling the shadow economy, as well as the author's substantiation of the directions for improving the institutional framework in order to prevent informal economic activity.

базы в целях профилактики неформальной экономической деятельности.

Ключевые слова: КНР, теневая экономика, теневой банкинг, коррупция, контрабанда, наркобизнес, финансовая система, правовая система, смертная казнь

Для цитирования: Николаевский Д.Д. О формировании механизма противодействия теневым экономическим отношениям в Китае. *Современные востоковедческие исследования*. 2023; Том 5 (1). <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2023-158-169>

Введение

Китайская экономика сегодня, по оценкам экспертов, является одной из самых быстро развивающихся экономик мира. За последние несколько десятилетий китайский народ сделал практически невозможное — из отсталой аграрной страны Китай стал мировым промышленным центром. Но на фоне этих выдающихся достижений возникают серьезные проблемы и уязвимые места в экономике КНР из-за развития теневого бизнеса и коррупции на местах. В последние годы власти Китая нацелены на осуществление эффективных экономических реформ по борьбе с теневым сектором и на минимизацию ущерба для экономики страны, поскольку теневые банки и неформальный сектор в целом образуют «пузыри» на фондовом рынке и рынке недвижимости, которые обостряют финансовые риски в Китае.

Гипотеза исследования заключается в предположении, что качественное усовершенствование институциональной системы,

Keywords: China, shadow economy, shadow banking, corruption, smuggling, financial system, criminal business, legal system, death penalty

For citation: Nikolaevskiy D.D. On the formation of a mechanism to counter shadow economic relations in China. *Modern oriental studies*. 2023; Vol. 5 (1). (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2023-158-169>

обеспечивающей развитие экономики и предпринимательства, может стать высокоэффективным методом по профилактике теневой экономической деятельности. Доказательство гипотезы предполагает, во-первых, качественные выводы и умозаключения в результате анализа реальных результатов действия китайского законодательства, направленного на минимизацию роли теневой экономики в официальном секторе; во-вторых, обоснование предложений по усилению контроля государства над теневым сектором, а также рекомендаций по повышению эффективности госрегулирования теневых отношений.

Причины и масштабы теневой деятельности в КНР

Развитие теневых отношений в Китае берет свое начало в 1978 году, когда правительство КНР объявило о проведении политики «четырех модернизаций», основной целью которой была либерализация экономических отношений и постепенный переход к рыночной

экономике. Во времена командно-административной экономики теневой деятельности практически не существовало, поскольку государство имело полный контроль над экономическими отношениями. Однако смена экономической системы с командно-административной на рыночную стала предпосылкой к появлению теневой активности среди населения. Развитие теневой экономики в Китае можно разделить на три этапа: медленное развитие, усиленный рост и устойчивый спад.

Первый этап развития неформальной экономики связан с ее медленным развитием. Он ознаменован развертыванием политики «четырех модернизаций», направленной в большей степени на «открытость» китайской экономики. В 1978–1985 гг. теневые отношения развивались медленными темпами и составляли всего 5% от китайского ВВП (Шэн Вэньцзе 2018, 31), поскольку рыночная экономическая система еще не была окончательно сформирована, правительство же продолжало активный контроль над экономической жизнью страны. В основном теневой сектор в этот период был сконцентрирован в области товарообращения.

Этап усиленного роста начался в середине 1980-х годов, когда рыночные отношения начали быстро развиваться. Доля теневой экономики с 5% в 1980-х годах возросла до 15,7% в 1991 году (Медина, Шнайдер 2019, 39) и на протяжении 13 лет оставалась на том же уровне. Теневой сектор охватывал теперь не только товарные рынки, но и рынок услуг. Для этого периода было характерно уклонение от

уплаты налогов, распространение поддельных и контрафактных товаров. В связи с развитием трансграничных связей и интернационализацией особое распространение получили торговля наркотиками, контрабанда и проституция. Психологический дисбаланс, укрепившийся в сознании китайского населения из-за материального неравенства, развитие международной теневой экономики привели к дальнейшему увеличению доли неформального сектора.

В рамках третьего периода происходило медленное снижение теневой активности. Доля теневого сектора в 2005 году составляла 14%, а в 2010 году уже 12%. С динамикой теневой экономики в этот период можно ознакомиться на рис. 1. Причиной существования теневого сектора в Китае по сей день является развитие транснациональных и межрегиональных связей экономических субъектов Китая с другими государствами мира, что обуславливает распространение контрабанды, торговли наркотиками и поддельной продукции. Развитие технологий и различных средств коммуникаций, в том числе Интернета, также открывает доступ теневикам для распространения и продажи их продукции по всему миру. Институциональные пробелы также обеспечивают процветание неформальной экономической деятельности в Китае. Жесткие ограничения теневой активности приводят к развитию коррупции на местах. Пытаясь сохранить свой развивающийся теневой бизнес, китайское население прибегает к налаживанию отношений с местными чиновниками путем взяточничества, тем самым увеличивая долю теневых доходов.

Рис. 1. Масштабы теневой экономики в Китае от ВВП, в %. (Медина, Шнайдер 2019, 52).

Fig. 1. The scale of the shadow economy in China of GDP, in %. (Medina, Schneider 2019, 52)

В настоящее время доля теневого сектора в ВВП Китая составляет примерно 11%, что говорит о достаточно низкой доле неформальной экономики по сравнению с другими развивающимися странами. Исследование Медины Леандро и Фридриха Шнайдера теневой экономики Китая по модели MIMIC за 1991–2017 гг. показывает, что средним показателем этого сектора в Китае является 14,67% ВВП страны. Максимальный показатель за рассматриваемый период приходится на 2000 год — 16,5% от ВВП. Два показателя позволяют сделать вывод о том, что тенденция изменения масштаба теневой экономики в настоящее время является убывающей.

Что же касается главного показателя теневой деятельности — коррупции, то стоит сказать, что по оценке Transparency International в «Corruption Perceptions Index 2021» (Corruption Perceptions Index 2021), Китай получает 45 баллов из 100 и занимает 66 место среди стран, число которых составляет 183. Данный показатель не является высоким по сравне-

нию с другими государствами мира, однако по сей день коррупция остается важнейшей проблемой в Китае, которую необходимо решить.

Неформальная занятость в Китае также имеет существенный вес в теневом секторе страны, однако официальной статистики по этому показателю в Китае нет. В исследовании Международной организации труда (МОТ) о мировой неформальной занятости были опубликованы данные, основанные на показателях из шести китайских городов: Фучжоу, Гуанчжоу, Шанхай, Шэньян, Сиань и Ухань. Они показали, что доля неформального сектора в общей занятости населения в 2018 г. составила около 49,7%.

Рис. 2 показывает, что самую большую долю неформальной занятости (74,7%) занимает категория «сферы услуг». Это означает, что больше половины неофициально занятых оказывают услуги в различных сферах экономики. В сфере сельского хозяйства занято около 14%

китайского населения, в то время как 11,3% китайцев трудятся в сфере производства.

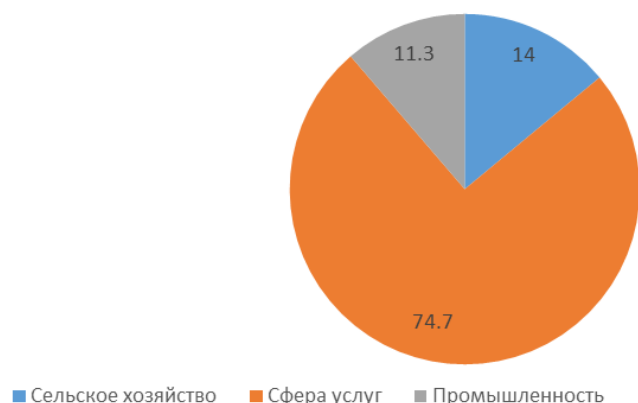

Рис. 2. Доля неформальной занятости по сферам производства, в %. (Women and men in the informal economy: A statistical picture. Third edition 2018)

Fig. 2. The share of informal employment in the spheres of production, in %. (Women and men in the informal economy: A statistical picture. Third edition 2018)

Развивающимся и процветающим сектором теневой экономики в Китае сегодня является также и теневой банкинг. Согласно отчету Moody's, активы теневого банкинга выросли на 100 млрд юаней (14 млрд долларов США) до 59,1 трлн юаней (8,4 трлн долларов США) в первом квартале 2020 года, что составляет примерно 57% ВВП Китая (Активы теневого банкинга Китая выросли на 100 млрд юаней). Теневой банкинг в XXI веке действует как глобальное явление, которое может повлиять на многие события в мире и в национальных экономиках. В настоящее время во многих странах по масштабу его можно сравнить с традиционной банковской системой. Крупнейшими регионами развития теневого банкинга в Китае является Аомынь (Макао) и Сянган (Гонконг). В 120 китайских городах функционируют око-

ло 3350 неофициальных банковских организаций, в которых работают около 150 тыс. человек (Цзя Сун 2016, 102). Прибыль таких структур составляет от 5 до 15% общих объемов дохода банковских структур КНР.

Сущность теневого банкинга в Китае заключается в деятельности структуры, аналогичной официальным банковским системам, состоящей из различных финансовых организаций: кредитных, хеджевых и инвестиционных фондов, трастовых и иных финансовых учреждений, оказывающих разнообразные финансовые услуги потребителям (Теневой банкинг, или агония капитализма). Особенностью данных финансовых структур является невозможность мониторинга и контроля их деятельности надзорными органами, поскольку данные структуры не попадают в официальную правовую характеристику банковских организаций. Однако существуют и нелегальные финансовые структуры, занимающиеся «отмыванием грязных денег», финансированием террористических организаций и наркобизнеса. Стоит отметить, что в деятельности теневого банкинга могут участвовать официальные банки, способные их также и создавать. Так, в период с 2013-2017 гг. традиционные банковские структуры маскировали свои источники финансирования и уклонялись от контроля регулятора с помощью теневого банков. Многие традиционные банки приобретали у теневого организация инструменты управления капиталом (wealth management products, WMP) для реклассификации плохих долгов на своем счету в другие финансовые продукты, требующие меньшего объема обязательных резервов (Семеко

2019, 106). Национальные правительства относятся лояльно к деятельности теневых финансовых организаций, так как эти структуры наращивают рынки недвижимости в Китае и поддерживают высокие макроэкономические показатели экономики КНР. Теневой банкинг способствует интенсивному развитию реального сектора экономики, что позволяет сделать вывод о том, что теневые финансовые организации являются полезным дополнением китайской банковской системы.

Однако стоит обратить внимание на негативные последствия деятельности теневого банкинга. Теневой банкинг является угрозой национальной безопасности, а также он может

стать источником экономического кризиса. Эти учреждения взимают финансовые ресурсы у собственников капитала под высокие проценты и инвестируют их в рискованные проекты. Вкладчики, представленные простыми гражданами Китая, рискуют потерять свои средства, поскольку отсутствует государственная гарантия компенсации вложенных средств в теневые финансовые организации. Немаловажным фактором является и то, что многие неформальные банковские структуры выводят свои денежные средства за границу, минуя меры государственного контроля в отношении трансграничного движения капитала.

Период	Объем выведенных средств
2000-2004 гг.	450-800 / 70-125
2007-2012 гг.	3000 / 475
2013-2014 гг.	6000 / 950

Табл. 1. Вывод денежных средств из КНР теневыми банковскими структурами, млрд юаней / млрд долл. («Теневой банкинг» и «долговая ловушка» Китая)

Tab. 1. Withdrawal of funds from the PRC by shadow banking structures, billion yuan / billion dollars. («Теневой банкинг» и «долговая ловушка» Китая)

Из результатов табл. 1 можно сделать следующий вывод: за период 2008-2013 гг. объем финансовых операций теневой банковской системы Китая увеличился почти в 4 раза, их объем достиг 20 трлн юаней, что эквивалентно 40% ВВП Китая в 2012 году и составляет 3,2 трлн долларов США. Такие показатели стали результатом ослабления государственного финансового регулирования и обширного комплекса стабилизационных мер по преодолению последствий мирового финансового кризиса, в китайских источниках его называют

«пакетом в 4 триллиона юаней» (Мозиас 2015, 142). Массированная финансовая «накачка», вызвавшая инвестиционный бум в экономике, стала причиной увеличения выводимых средств за рубеж в 4 раза.

В целом, масштабы теневой экономики в Китае невелики по сравнению с другими странами мира. Однако даже в таком относительно небольшом секторе неформальной экономики существуют проблемы, которые обостряют финансовые и политические риски в Китае. Китайское руководство это понимает и поэтому

прибегает к мерам по профилактики теневой экономики.

Методы противодействия теневому предпринимательству правительства Китая

На данный момент правительство Китая уделяет особое внимание борьбе с контрафактом, коррупцией, а также теневой деятельностью в сфере финансов. Однако меры являются фрагментарными, особый подход к противодействию неформальной экономике в Китае пока что не сформирован.

Основными правовыми регуляторами производства контрафактной продукции в Китае являются статья 4 закона «О качестве продукции» (1993 г.), статья 5 закона «О противодействии недобросовестной конкуренции» (1993 г.) и статья 28 закона «О безопасности пищевых продуктов» (2009 г.) (Шэн Вэньцзе 2018, 38).

Что же касается регулятивных норм, направленных на борьбу с незаконными финансовыми организациями, то в 1998 году Госсоветом КНР были опубликованы «Меры по запрету нефинансовых организаций и незаконной финансовой деятельности», где перечислены виды незаконной финансовой деятельности. Государство уделяет особое внимание теневому сектору, связанному с «отмыванием денег», поскольку он играет важнейшую роль в развитии теневой экономики Китая. Деятельность государственных органов по борьбе с незаконными финансовыми средствами делится на два направления: формирование законов, действующих внутри КНР, и заключение международных конвенций. К внутренним законам КНР относятся законы «О народном банке»

(с поправками, внесенными в 2003 году), «О противодействии отмыванию денег» (2006 г.), «О профилактике отмывания денег финансовыми учреждениями» (2006 г.). В 1988 году Китай один из первых подписал «Единую конвенцию о наркотических средствах», которая была первой международной попыткой наказания за отмывание денег.

Китайское правительство на самом высоком уровне признает высокую зависимость китайской экономики от деятельности теневого банкинга и предпринимает некоторые шаги в данном направлении. Признавая негативное влияние теневого сектора кредитования, правительство КНР в конце 2016 года было вынуждено ужесточить контроль за деятельностью этих учреждений. Для обеспечения финансовой стабильности и устранения рисков в экономике была проведена институциональная реформа, направленная на изменение системы регулирования финансовой системы. Кроме того, в 2017 году был учрежден комитет по стабилизации и развитию финансов при Госсовете КНР (Семеко 2019, 107). Эта структура должна была осуществлять единое планирование и координацию действий всех органов, регулирующих финансово-кредитную сферу. Результаты мер налицо: в 2018 году размер выданных кредитов в теневом секторе упал до минимумов декабря 2016 года. Предприниматели, таким образом, лишились источников кредитования, а ведь долгое время это обеспечивало бум в китайской экономике и высокие темпы прироста ВВП. Замедление кредитования угнетает экономический рост, в то время как именно показатели роста экономики являются политиче-

ским приоритетом правительства. В 2020 году прирост ВВП составил 2,3%, что стало худшим показателем за последние 30 лет. К тому же начавшаяся торговая война с США предопределила выбор руководства страны: необходимо проводить более гибкую политику регулирования теневого кредитования и отдать приоритет экономическому росту. Этот сектор теневой экономики способен трансформировать свободные денежные средства в высокодоходные и эффективные инвестиционные ресурсы, способные стимулировать экономический рост. Поэтому проблема теневого банкинга в Китае до сих пор остается нерешенной.

В сфере борьбы с коррупцией в КНР приняты следующие нормативно-правовые акты: глава 9 закона «О государственных служащих» (2005 г.), «О правительственных закупках» (с поправками, внесенными в 2014 г.), «Об административном контроле» (с изменениями, внесенными в 2010 г.) (Трощинский 2016, 173). Эти важнейшие правовые акты регулируют деятельность чиновников в сфере коррупции. Стоит подчеркнуть, что в Китае действует высшая мера наказания за совершение коррупционных сделок, предназначенная для государственных служащих в случае получения ими взятки в размере 100 тыс. юаней (примерно 800 тыс. рублей) или совершения хищения государственных средств на эту же сумму (ч.1 ст. 383 УК КНР). Уголовная ответственность наступает за взятку от 5000 юаней — от 1 года до 7 лет лишения свободы, при отягчающих обстоятельствах — от 7 до 10 лет лишения свободы (ч.3 ст. 383 УК КНР).

Но, несмотря на то, что в законодательстве КНР существует множество нормативно-правовых актов, регулирующих ту или иную теневую деятельность, проблемы до сих пор не решены. Высокая налоговая нагрузка в Китае является важнейшим фактором развития теневой экономики. Подоходный налог в большей степени взимается с рабочего класса, что противоречит принципу справедливого налогообложения и приводит к налоговому неравенству. К тому же в Китае существует широкий спектр налогов, а процедуры и формы их сбора очень сложные, ресурсозатратные и часто подвергаются изменениям. Современный мировой опыт демонстрирует, что страна с более сложной и массивной налоговой системой имеет больше возможностей к уклонению от налогов и отходу экономических субъектов в тень (Агарков 2013, 50). Отсутствие общенациональной единой налоговой информационной системы и эффективного надзора за налоговыми органами создает предпосылки дальнейшего развития теневой активности в КНР.

Хотя в системе китайского права существует множество нормативно-правовых актов, институциональные пробелы в законодательстве Китая также имеют место, и они создают питательную почву для развития теневой экономической деятельности. Лазейки в правовых актах дают возможность теневикам обходить законодательство и продолжать наращивать свою деятельность в теневом секторе. Так, например, зачастую приговоры к смертной казни за коррупционную деятельность среди государственных служащих в последнее время выносятся с оговоркой «с отсрочкой исполнения

сроком на 2 года» (Трощинский 2016, 172). За это время у обвиняемого появляется возможность переквалифицировать приговор на пожизненное лишение свободы, а затем и вовсе на лишение свободы сроком на 20 лет.

Что же касается теневого банкинга, законодательно деятельность неформальных финансовых организаций не регламентирована, отношение к нему среди государственных деятелей и экономистов неоднозначное. Погоня за высокими темпами экономического роста и гибкая политика регулирования являются факторами, способствующими процветанию теневого сектора экономики Китая.

Не доказали свою эффективность в борьбе с коррупцией наказания в виде смертной казни, которые пропагандируются главным государственным органом Китая. Лишение человека жизни за совершение преступления давно является не самым гуманным способом наказания. Во многих развитых странах наложен мораторий на смертную казнь, поскольку всегда имеют место судебные ошибки; высшая мера наказания не устраняет причину совершения преступления и не является сдерживающим фактором.

Пути усовершенствования институциональной базы

Сложная система налогообложения, отсутствие единой налоговой информационной системы и эффективного надзорного органа по сбору налогов, налоговое неравенство в Китае создают крупнейшие предпосылки к развитию теневой экономики. В связи с этим, необходимо выделить пути решения проблем, связанных с системой налогообложения. Для того, чтобы

снизить фактическое налоговое бремя макроэкономических субъектов в Китае, правительство должно равномерно распределить налогообложение всех социальных слоев, поскольку сбор подоходного налога только с рабочего класса приводит к нарушению принципа справедливого налогообложения и, следовательно, к уклонению от налогов со стороны этой социальной группы. Введение прогрессивного налогообложения также сможет сыграть роль в корректировке разрыва доходов населения, тем самым снизив экономические стимулы представителей среднего класса к уклонению от налогов. Однако в таком случае возможно уклонение от налогов со стороны бизнес-элит, поскольку с увлечением дохода увеличивается и налоговая ставка. Поэтому необходимо разработать такую шкалу прогрессивного налогообложения, которая смогла бы обеспечить справедливое налогообложение всех категорий населения с различными доходами, тем самым минимизировав налоговую дискриминацию и случаи уклонения от уплаты налогов. Необходимо упростить налоговую систему с помощью упразднения сложных процедур по сбору и уплате налогов, поскольку и для экономических субъектов, и для налоговых органов процедура уплаты или сбора налогов является очень энерго- и ресурсозатратной, что повышает стимулы как к уклонению от налоговых взносов со стороны населения, так и к неисполнению обязательств по взиманию налогов со стороны налоговых организаций. Немаловажными мерами по минимизации ущерба от теневой активности в сфере налогов являются также создание специальных надзорных органов

и налоговой полиции, которые смогут обеспечить эффективный контроль над сбором и выплатами налогов.

Проблемы в институциональной базе КНР также способствуют развитию теневой экономической деятельности, поэтому законодательным органам нужно провести тщательный анализ всех правовых документов, связанных с экономической деятельностью страны, тем самым выявив так называемые «лазейки» в законодательстве и устранив их. Налоговое законодательство имеет многие юридические пробелы: отсутствуют четкие определения и концепции сборов налогов, тесной релевантности между ИНН (идентификационный номер налогоплательщика) и ОГРН (основной государственный регистрационный номер), а также четких ограничений в сфере электронного сбора налогов. Поэтому правительству Китая необходимо провести не мало законодательных операций по решению вышеизложенных проблем в институциональной базе государства.

Теневые банки в Китае не подлежат контролю со стороны Народного Банка Китая в части соответствия требованиям по созданию резервов, не подвергаются ограничениям по установлению процентных ставок по кредитам или депозитам (Шебеко 2016, 34), что обуславливает рост неформальных финансовых институтов в Китае в последнее время, от которых сильно зависит китайская экономика. В связи с этим главной задачей правительства является поиск оптимального баланса между социальными выгодами и рисками данного сектора экономики, а не правового определения роли или размера сектора. С уверенностью можно сказать, что те-

невые банки нужно не упразднять повсеместно, а интегрировать их в традиционную банковскую систему, сохраняя с возможным уменьшением рисков их деятельности и увеличением их полезности для китайской экономики.

Для эффективной борьбы с коррупцией, контрабандой, контрафактной продукцией и теневой экономикой необходимо ускорить переход на безналичный расчет, поскольку большинство теневых сделок совершается в наличной форме денежных средств. Движение «грязных» денег в обращении очень сложно отследить, но с созданием системы, ограничивающей использование наличных денег, надзорные органы в сфере финансов смогут эффективно отслеживать движение капитала, тем самым противодействуя теневым операциям в экономике.

Заключение

Таким образом, развитие теневой экономики и ее разновидностей продолжается, несмотря на особое внимание государственных властей к ней. В условиях глобализации появляются новые возможности для теневиков в совершении их неформальной деятельности. Однако единый подход к борьбе с теневой экономикой в КНР еще не сформирован, существуют только отдельные виды мер, ограничивающие ту или иную теневую деятельность. Некоторые институциональные шероховатости позволяют теневым экономическим субъектам находить лазейки в законе и пользоваться ими ради собственной выгоды, но основной вред наносится экономике Китая. Неподконтрольный теневой банкинг в КНР продолжает процветать вне нормативно-правовых актов,

тем самым являясь источником серьезного «перегрева» экономики Китая. Массивная налоговая система является источником большой налоговой утечки, налоговое бремя заставляет некоторых индивидов уклоняться от уплаты налогов. Число коррупционных сделок среди чиновников продолжает увеличиваться, индекс восприятия коррупции в Китае остается практически неизменным на протяжении нескольких лет. Все это позволяет сделать вывод о том, что институциональная база КНР нуждается в качественном переосмыслении, законодательным органам необходимо осуществить эффективный анализ существующих законов и создать действенные правовые акты по регулированию теневой экономической деятельности.

Список литературы

1. Шэн Вэньцзе. *Причины появления и методы борьбы с теневым предпринимательством в экономике России и Китая*. СПб., 2018.
2. Медина Л., Шнайдер Ф. Проливая свет на теневую экономику: Глобальная база данных и взаимодействие с официальной. *Рабочий документ CESifo*, № 7981. Мюнхен, 2019.
3. Индекс восприятия коррупции. <https://www.transparency.org/en/cpi/2021> (дата обращения: 17.09.2022)
4. Женщины и мужчины в неформальной экономике: статистическая картина (третье издание). http://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_626831/lang-en/index.htm. (дата обращения: 19.09.2022)
5. Активы теневого банкинга в Китае выросли на 100 млрд юаней. <https://prc.today/aktivy-tenevogo-bankinga-kitaya-vyrosli-na-100-mlrd-yuanej/> (дата обращения: 15.09.2022)
6. Цзя Сун. Теневой банкинг в Китае. *Мировая экономика и международные отношения*. 2016; № 3. С. 101-105.
7. Теневой банкинг, или Агония капитализма. <http://www.fondsk.ru/news/2015/10/13/tenevojbanking-ili-agonija-kapitalizma-36036.html>. (дата обращения: 16.09.2022)
8. Семёко Г.В. Особенности развития теневого банкинга в Китае. *Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Сер.2, Экономика: Реферативный журнал*. 2019; № 3. С. 105-111.
9. «Теневой банкинг» и «долговая ловушка» Китая. <https://regnum.ru/news/innovatio/2003426.html>. (дата обращения: 15.09.2022)
10. Мозиас П.М. Экономика Китая: погружение в «новую нормальность». *Вопросы экономики*. 2015; № 4. С. 134-158.
11. Трощинский П. В. Нормативно-правовое регулирование борьбы современного китайского государства с коррупцией. *Актуальные проблемы российского права*. 2016; № 2. С. 169-177.
12. Агарков Г.А. Экономические последствия влияния теневой экономики на социально-экономическую сферу. *Региональная экономика: теория и практика*. 2013; № 42. С. 45-53.
13. Шебеко М.Н. Теневая банковская деятельность в Китае. *International Scientific Review*. № 10. 2016. С. 33-36.

References

1. Sheng Wenjie. The reasons for the appearance and methods of combating shadow entrepreneurship in the economies of Russia and China. SPb., 2018. (In Russ.)
2. Medina, Leandro; Schneider, Friedrich. Shedding Light on the Shadow Economy: A Global Database and the Interaction with the Official One. *CESifo Working Paper, No. 7981*. Munich, 2019.
3. Corruption perceptions index. <https://www.transparency.org/en/cpi/2021> (accessed: 17.09.2022)
4. Women and men in the informal economy: a statistical picture (third edition). http://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_626831/lang--en/index.htm (accessed: 19.09.2022)
5. Shadow banking assets in China increased by 100 billion yuan. <https://prc.today/aktivy-tenevogo-bankinga-kitaya-vyrosli-na-100-mlrd-yuanej/> (accessed: 15.09.2022). (In Russ.)
6. Jia Song. Shadow banking in China. *World Economy and International Relations*. 2016; No. 3. pp. 101-105. (In Russ.)
7. Shadow banking, or the agony of capitalism. <http://www.fondsk.ru/news/2015/10/13/tenevojbanking-ili-agonija-kapitalizma-36036.html> (accessed: 16.09.2022). (In Russ.)
8. Semeko G.V. Features of the development of shadow banking in China. *Social and humanitarian sciences: Domestic and foreign literature. Ser.2, Economics: Abstract Journal*. 2019; No. 3. pp. 105-111. (In Russ.)
9. "Shadow banking" and the "debt trap" of China. <https://regnum.ru/news/innovatio/2003426.html> (accessed: 15.09.2022). (In Russ.)
10. Mozias P.M. China's Economy: immersion in the "new normality". *Questions of Economics*. 2015; No. 4. pp. 134-158. (In Russ.)
11. Troshchinsky P.V Normative legal regulation of the struggle of the modern Chinese state against corruption. *Actual problems of Russian law*. 2016; No. 2. pp. 169-177. (In Russ.)
12. Agarkov G.A. Economic consequences of the influence of the shadow economy on the social and economic sphere. *Regional economy: theory and practice*. 2013; No. 42. pp. 45-53. (In Russ.)
13. Shebeko M.N. Shadow banking in China. *International Scientific Review*. 2016; No. 10. pp. 33-36. (In Russ.)

Сведения об авторе

Николаевский Дмитрий Дмитриевич,
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
d.d.nikolaevskiy@gmail.com

Information about the author

Dmitry D. Nikolaevsky

Moscow State Linguistic University, Moscow,
Russia
d.d.nikolaevskiy@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.01.2023

Одобрена после рецензирования: 10.02.2023

Принята к публикации: 15.03.2023

Information about the article

The article was submitted: 25.01.2023

Approved after reviewing: 10.01.2023

Accepted for publication: 15.03.2023

КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

АССОЦИАЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ПФО

ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ КФУ

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас опубликовать результаты Ваших научных трудов в нашем издании
«СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / MODERN ORIENTAL STUDIES»

«Современные востоковедческие исследования» — международный периодический журнал открытого доступа. Целью нашего научного издания является освещения основных научных достижений в области восточной филологии, истории, культуры и философии Востока.

К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора. В журнал принимаются статьи на 8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском.

На основании распоряжения Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 20 июля 2022 г. №314-р журнал включен в Перечень ВАК по 5 научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки);
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки);
- 5.7.2. История философии (философские науки);
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (китайский и турецкий языки) (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнитель-

но-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Публикация в научном журнале бесплатная. Принимаются ранее не опубликованные научные статьи, обзорные статьи, рецензии, информационные материалы, соответствующие направлениям рецензируемого научного издания (оригинальность научных работ должна составлять не менее 75%).

Все научные статьи, поступившие в редакцию журнала, проходят обязательное слепое рецензирование. Статьи, получившие отрицательную рецензию, снимаются с публикации.

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Выпуски журнала размещаются в базах РИНЦ (www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka.

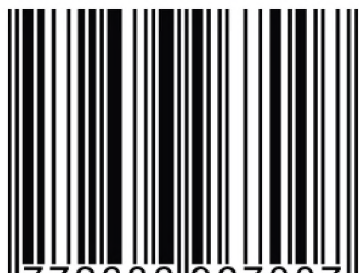
Журнал издается с соблюдением всех требований Высшей аттестационной комиссии с целью последующего включения его в перечень ВАК.

Требования к оформлению работ и порядок приема статей прилагаются.

Готовые статьи принимаются только на адрес Редколлегии журнала:

modernorientalstudies@gmail.com

ISSN 2686-9675

9 772686 967007 >